А

***

Первого сентября я пришёл первый раз в колледж - учиться. Пришёл в камуфляжных штанах, в тяжёлых ботинках с белыми шнурками, в камуфляжной куртке, с бритой головой.

Ищу свою группу. Я, естественно, не вникал в организационные дела, поэтому на линейку решил не ходить, вместо этого поспал подольше и появился где-то к двенадцати. Где там эта группа, что их искать надо? Я знаю, что у меня ПД, я учусь на проектировщика, группа ПД21, вроде как. А там и ПД21,и ПД22, я их перепутал, пришёл в чужую группу, уселся за парту первую, думаю: «Так, я в очках, надо косить под интеллигентного парня, чтобы учителя сразу прониклись, ставили хорошие оценки и тогда не придётся много въёбывать». Сижу, на меня косятся ребята — обычные мальчики, девочки. Тут появился скинхед в камуфляже. Какие-то девчонки подошли ко мне поздороваться, там девчонок шесть училось.

- Ты кто? Откуда?
- Максим, к вам сразу на 2 курс поступил, школу, 11 классов, закончил.

А там, кто после 9 класса учились, те с первого курса. Подходит староста, открывает журнал, в журнале меня нету. Думаю: «Блядь, какая хуйня! Может не вписали? Перепутали?».

- А, может, ты в ПД21, туда новеньких после 11 класса записывают?

Ладно, пойдём искать ПД21.

Пришёл в эту ПД21, а другое помещение, и прямо с порога вижу: в классе сидят два скинхеда, явные: ботинки, подтяжки, побритые наголо, один в очках сидит, с иллюминаторами, такие толстые очки, большие. Второй — обычный парень, но видно, что агрессивно настроенный. Мне сразу на учёбу стало похую. Тем более, колледж, 1 сентября, никто не учится. Начинаю с ними общаться.

- Ребята, скинов в колледже много? - кроме этого, меня особо ничего и не интересовало.
- Да не, нас тут двое, больше нет никого. Фанаты, в основном, только мы двое два скина.
- Понятно. А с девчонками что?
- У нас в группе четыре штуки, в параллельной — шесть.

На архитектуру берут только девок. Я изначально

попытался поступить на архитектуру, но мне сказали, что я плохо рисую - и не взяли. Хотя я видел, как рисовали девчонки, которые пытались туда поступить, и я понял, что рисую совсем не хуже. Я сначала не понял фишки, но оказалось дело в том, что парней туда просто не брали.

- Уходите, вы рисунок завалили, - ухожу, меня догнала завучиха.
- Вы можете подать документы на проектировщика, вы нормально сдали другие экзамены.

Пошёл на проектировщика. Понимаю, что девок придётся брать в других группах. Естественно, после занятий пошли знакомиться с группой, сели в дворик, сидим, общаемся. Все сразу пиво похватали, пьют, скины пьют. Мне стало не очень интересно с ними тусоваться, поехал домой. Так день и закончился, я даже не запомнил, какие там пары были, занятия меня сильно не заинтересовали.

Приезжаю домой, тут ко мне приползает мой дружок Тёмыч. А Тёмыч в этот первый день, 1 сентября, должен был идти в институт. Но в институт ему идти было лень, сказал матери, что «мне чуть попозже», мать ушла на работу, он поспал и ретировался ко мне, чтобы, когда мать придёт с работы, его там не оказалось. Потом он ей сказал, что ходил в институт. Хитрый план.

Пришёл Тёмыч, посидели с ним, поиграли в Героев Меча и Магии, пошароёбились по улицам, так прошло 1 сентября.

Дальше пошла учёба. Я понял, что в группе ребята крайне неагрессивные, спокойные, доброжелательные. Прям на второй день ко мне стал подкатывать с дружбой мальчик по-имени Дима.

- Меня зовут Дима.
- Что у тебя с носом?
- Он сломан был, - там такой клюв горбатый.

Дима, Дима. Не отходит от меня, что-то рассказывает.

- А ты что, скинхед?
- Да.
- О, скинхедов я уважаю.
- Дима, а как фамилия твоя? - он сказал, я не расслышал, забыл, да и ладно.

А потом мне говорят, что его зовут не Дима, а Дамир, и нос у него не сломан, а горбатый, потому что он татарин. «Блядь! Татарин Дамир, ага!». Хачей в группе не было, соответственно, главной жертвой стал татарин Дамир. Ему не повезло. Но об этом будет рассказано позже.

***

Я буквально в первую неделю сдружился со скинхедами. Одного звали Гога. Я сначала не мог понять, как это могут правого человека, нациста, звать Гогой. Потом оказалось, что его зовут Лёша, а Гога — это у него кличка такая, из-за очков он похож на Гогу из мультфильма «Чёрный плащ». Гога, друг Гусёны, гнусавый. «Гусёна, куда ты побежала?». Второго звали Сипыч. Он был футбольный фанат, хулиган, гонял за «мясо», и вдобавок скинхед. Больше никого не было. С нами стали тусоваться ещё несколько ребят, среди них - Лёха Абрамкин, он не был скинхедом, был репером; надо сказать, что ни чурбанов, ни косых, ни каке-либо другие национальные меньшинства он не любил. Поэтому стал тусоваться с нами, с нами было весело. На переменах обсуждали национал-социализм, расизм и приставали к девушкам. Хотя на уроках я притворялся ботаником, старался записывать внимательно за учителями. Узнал, какие предметы поважнее, быстро понял, что если ведёт деканша - то надо слушать, если ведёт какая-нибудь ебанашка в платье слушательницы «Радио Радонеж» - то можно не обращать на неё внимание.

Я оказался на довольно хорошем счету учителей. Они, может, и не понимали, что означает моя одежда - потому что проблему скинхедов «в миру» не то, что не поднимали, её всячески старались замолчать. Как-то по телевизору объявили, что «сейчас будет передача про скинхедов» - все сразу поехали по домам. Мы даже прогуляли лекции, пары, поехали смотреть. Показывают передачу про нацистов в Воронеже, которые избили какого-то репера, он оказался в реанимации. Показывают ментов. Те твердят: «Нет никаких скинхедов, то, что говорят, что скинхеды существуют в России - это всё враньё. Есть просто хулиганы, никаких нацистов в России нет и быть не может, потому что Россия победила фашизм, соответственно, это всё — глупость и несусветная чушь!».

Меня это тогда так возмутило. «Как это нет нацистов, а я — кто такой? Несколько лет хожу в ботинках, камуфляжных штанах - как нет нацистов? Что это мент глупый говорит?». Я когда был маленький, не понимал ещё, что это хорошо, что мент так говорит, что ещё не созданы департаменты по борьбе с экстремизмом. Меня это возмущало.

В это же время, буквально в начале сентября, мы с моим другом, Стасом, решили замутить полочный бизнес. То бишь, решили делать полочки для специй. На кухне у всех такие есть, маленькие полочки, чтобы ставить на них маленькие баночки.

Полочка стоила на тот момент рублей 100 в магазинах, а себестоимость была 5 рублей, это круче оружия и круче наркотиков. Не нужно было прилагать больших усилий, чтобы её сделать, а буквально выпилить несколько планочек. Предложил мне эту идею папа. Мой папа — известный бизнесмен, нечто типа небезызвестного священника отца Фёдора из книжки «12 стульев». О его «коммерческих успехах» я сделаю специальное отступление…

Б

***

Своего отца я называл «Гомер Симпсон» всю жизнь, хотя он похож и на Гомера Симпсона и на отца Фёдора. Почему я его так называл? Потому что в «Симпсонах» у папаши в каждой новой серии - новый бизнес, помимо работы на атомной станции. Так и мой папа. Когда он был молодой, одно время подрабатывал, чтобы купить себе хоккейные коньки, на мясокомбинате - то ли грузчиком, то ли мясником, таскал туши и рубил. Купил себе коньки. Потом он пошёл работать инженером по специальности, разрабатывал какую-то форсунку для дозаправки самолётов в воздухе. Но началась перестройка, и мой папа ударился в коммерцию. Началось с того, что он стал разрабатывать счётчики для птицеферм, они должны были считать яйца, которые прокатываются по желобку. На птицефермах – это любому человеку понятно - воруют яйца дико и все, кому они могут попасться в руку. И если не посчитать, то потом спрос уже бесполезен. Папа у меня, естественно, с высшим образованием, инженер. Дядя у меня тоже с высшим образованием, тот вообще программист. Они с папой давай это разрабатывать. Из фольги сделали лапки, между которых прокатывается яйцо, эти лапки замыкают контакты, если засчитывается — единичка, потом — двоечка. Техника на грани фантастики, конец 80-х годов. Естественно, они думали, что заработают миллион долларов. Разработают это счётчик для яиц, внедрят его в производство и начнут продавать на птицефермы, дико озолотятся, и затем будут жить долго и счастливо. Оказалось всё не так. Птицеферма купила один всего счётчик, и тут же сделала по его образцу десяток таких же, заплатив отцу только за один. По сути, у отца украли идею, потому что патентовать её им с дядькой было лень или невдомёк, что это надо сделать. В общем, стать миллионерами на счётчиках у них не получилось, но энтузиазма от этого у отца с дядей меньше не стало - насколько я помню своим детским восприятием.

Потом у папы с дядей был другой проект: они решили торговать мясом. План был таков: поехать в провинцию, закупить там мяса перед Новым Годом и продать его в Москве. Поехали, но в том городе, который они выбрали в качестве сырьевой базы, мяса не продавалось - потому что к тому времени всю скотину забили, и полученный продукт отвезли в магазины. То екть мяса у производителя купить не получилось, а то, которое продавали в магазинах - столо столько же, сколько и в Москве. Делать нечего, собрались

уезжать – но тут заметили в магазине бенгальские огни, которые стоили просто копейки, и отец с дядей просто не могли их не купить. Накупили на деньги, предназначавшиеся для закупки мяса, бенгальских огней. Посчитали, что наварят в три раза. Вернулись с ящиками этих бенгальских огней в Москву. Надо их продавать. Папа постарше, похитрее – поэтому он отправил дядю торговать этими огоньками бенгальскими. По идее, перед Новым годом они должны были быть нарасхват. Тогда только-только открылась станция метро «Крылатское», мы туда переехали. Ходит дядя по платформам, предлагает людям бенгальские огни. Сзади ходит папа и смотрит, чтобы ничего не случилось. Видит: мент ходит по платформе по пятам, вроде ничего не делает, ждёт. Как ты будешь торговать, если мент за тобой ходит по пятам? Вроде сели, ждут, или мент уедет, или ехать домой. Мент подошёл. «Да не, вы не думайте, я не буду вас арестовывать, я хочу домой огоньков бенгальских купить».

Потом папа взялся клеить ремни. Из дерматиновой ткани с помощью клея «Момент» получались кожаные ремни «высшего сорта». К ним приделывалась пряжка и они продавались в магазинах. Швейная промышленность тогда не в стране была на дореволюционном уровне, вернее, на «дорыночном». С этих идеологических рельс - «выпустим 5 тысяч тонн платьев за этот год» - страна ещё не перешла, производство не было заточено под конкретные нужды потребителей, главным был «вал»: надо выпустить 5 тысяч тонн платьев - и всё, носите кто что хочет, но только зелёные. Вообще, в Москве очень велика была потребность в качественных модных вещах. Поэтому получилось так, что папа со своим другом начали клеить эти ремешки, и дело поначалу пошло: клеили они их за копейки, но в день выходила зарплата инженера на каждого. Поработал так папа месяц и решил уволиться со своей основной работы, потому то глупо ходить инженером за копейки, а вечером подрабатывать в 30 раз больше. В итоге пришёл на работу, послал начальника в задницу: «Всё, я ухожу» - и свалил. Не стал больше мой папа инженерить, с тех пор он крутится на ниве частного предпринимательства.

***

Впрочем, папина эпопея с ремешками почему-то очень быстро закончилась, и папа стал заниматься челночеством, то есть ездить в Турцию, привозить оттуда носки, трусы,

сарафанчики, тапочки, платья и продавать их на рынке в Лужниках. Вот это деньги приносило нормальные. Вся квартира была заставлена челночными баулами. Такие здоровые баулы стоят, все коридоры забиты, комнаты. Мы там с сестрой играли, с соседями, Женькой и Серёгой, дрались, прятались в них, мягкая мебель по сути. По вечерам у нас с сестрой была обязанность эти деньги пересчитывать, которые папа с мамой зарабатывали, потому что они оба торговали на рынке. По вечерам пересчитывали, складывали ровной стопочкой и отдавали. Мелочь мы забирали себе, потому что зачем мелкие деньги крутому бизнесмену?

Потом папа начал возить кожаные куртки. Их возить выгоднее, они не занимали всю комнату. Кожаные куртки из Турции, из Польши. Нормально сначала шли дела. Потом частный бизнес стал укрупняться, мелкие «челноки» стали себя хуже чувствовать на рынке. Крупные, соответственно, стали себя чувствовать лучше и лучше. Папу постепенно из этого бизнеса вытеснили. Папа, когда приезжал в Турцию, не старался выбрать модель поновее, помоднее, покачественнее, он там отдыхал. Он начинал отдыхать, когда садился в поезд, и заканчивал, когда выходил из поезда или самолёта. В связи с этим привозил много брака, всякого говна, которое не покупали. Осень весело было, когда я гуталином закрашивал потёртости, нитками зашивали дырки, маркерами чинили, клёпки на супер-клей приклеивали, которые отваливались. Все прелести мелкого торговца я познал в детстве.

***

С куртками не срослось, закончилось это сладкое время, когда папа привозил мне блоками жвачки «Турбо», «Типи Тип» и «Лав из...» каждый месяц. Решил папа поиграть в «МММ». Купил много акций на тысячу или две долларов, они выросли в 2 раза, хорошо, хватило ума эти вложенные доллары забрать, и он стал ждать, когда к нему потекут деньги. По всем каналам «Лёня, ты не халявщик, ты партнёр», по телефону если с утра набираешь 100, сейчас просто сообщают точное время, а тогда сперва говорили курс акций «МММ», а уж только потом объявляли время. Папа с утра просыпался, звонил 100, узнавал, сколько денег он заработал за ночь, и спокойно продолжал отдыхать. Но очень скоро его отдых закончился…

Как-то однажды мы поехали отдыхать на Кармановское водохранилище, ловить рыбу – на несколько дней. Там, естественно, папа слушал по радио, сколько денег он

заработал. Но в один день оказалось, что он потерял несколько тысяч долларов, потому что курс «акций» МММ резко упал вниз. «Блин, надо резко ехать в Москву!»; папа надеялся, что, может быть, акции ещё поднимутся назад - потому что как это они могут упасть? Это в его голову не укладывалось. Но на следующий день они упали ещё больше. Папа не выдержал, на следующий день мы собрали удочки, уехали в Москву. Но все заработанные деньги, по сути, он просрал. Пирамида рухнула, «МММ» прибыли не дало.

***

После этого папа загрустил, и одно время занимался тем, что развозил мебель. Кухонные уголки развозил на машине по заказам. Денег это приносило немного, но папа у меня - умелец на все руки. «Смысл? Я буду эти уголки возить, может я сделаю один, и, таким образом, получу больше денег? Дело серьёзнее, солиднее, надо делать уголки». Заморочился. Снял подвал в районе Филёвского парка и давай там оборудовать помещение для производства уголков. Но, чтобы выпилить один хотя бы, надо покупать деревянные щиты. Щиты же дорогие, надо сэкономить, сделать деревянный щит самому. Он купил доски, сварил струбцины из швеллеров, тренировался клеить эти щиты самопальные, не получилось. Купил готовые. Ебался, ебался, сделал уголок. К уголку прилагались табуретки. Две к каждому. С точёными ножками. Мы их тоже сделали. «Мы» я говорю, потому что я тоже иногда приходил после школы и папе помогал. Всё-таки бизнес. Собрал папа один уголок с трудом, поехали, собрали на месте, получили деньги. Папа обрадовался. Но «что-то эти уголки долго делать, нудно и нерентабельно. Надо знаешь что, сын? Надо делать только табуретки». Забросил он производство уголков, оставил только токарную комнату, где стояло два станка, для ножек и поперечин. Я стал после учёбы, 8 или 9 класс был, приезжать к папе и точить эти табуретки. Вместе мы делали, деда припрягли, семейный бизнес. Потом он их склеивал и развозил по магазинам.

Где-то полгода табуреточный бизнес процветал, мы переехали летом на дачу. Потому что лето, снимать за деньги помещение смысла нет. На даче у меня был план, сколько я должен выточить ножек в день. Поперечины и ножки. И мы стояли там, все в опилках, точим. Выгодно, замечательно. Покупаем на строительном рынке доски, на фуганке их стругаем, на циркулярке распускаем на бруски, под размер.

Вытачиваем, шкурим, кроем лаком, сверлим дырки, собираем и продаём.

Но тут папе пришла в голову гениальная мысль, что табуретки можно делать не сосновые, а дубовые, и тогда они получаются в 5 раз дороже, а делать их так же. Стали делать. Но это занимает время, тяжело. Папа же инженер. Решил сконструировать токарный станок, который будет ножки точить самостоятельно. Без помощи человека. Привлекли дядю, стали делать токарный станок с программным обеспечением. Закрылись у моей бабушки дома, в комнате. Сидели, месяц работали, естественно, бухали. Какой смысл? На трезвую голову ничего не идёт, это не интересно. Почти собрали станок, сварили станину, чтобы ничего не тряслось, всё красиво, интересно. Станок точит, но даёт много выбоин, шкурить очень долго, табуретки получаются некрасивые, не так, как руками сделать. Доработать оставалось немного, и вот она, золотая жила! Но надоело... Бросили это на полпути, бросили, до сих пор этот станок на даче валяется. С программным обеспечением, который может выточить заготовку для табуретной ножки….

***

После счётчиков для яиц папа одно время занимался тем, что они с дядей переделывали мониторы в телевизоры, потому что был период, когда мониторы были дешевле телевизоров. Они покупали пульт управления, блок переключения каналов, переваривали - и из мониторов получались телевизоры. Это было долго, нудно и не очень выгодно.

Тогда мой папа решил торговать радиоприёмниками. Купил конструкторы для радио. Детские конструкторы «Собери сам» для продвинутых детишек. Там можно собрать радиоприёмник. Конструктор, допустим, стоит 2 рубля, а продать ты его можешь за 10. Выгода в 5 раз. Собрали один, он шипит, ни хрена не ловит, вроде паяли, всё как надо. Шипит, не работает. Собрали второй, он работает, но тоже проблемы. Третий — та же хуйня. Понятно, что это конструктор детский, не предназначен для зарабатывания денег.

Стал папа бросаться в крайности – к примеру, однажды воздушных шариков накупил. Принёс домой 1000 воздушных шаров, и говорит: «Я всё продам, это к празднику, выгодно». В итоге я почти год мог лопать сколько угодно воздушных шаров и они никуда не девались. Их можно было надевать на руку, оттягиваешь на запястье резинку, надуваешь его, и можно

было стрелять разными бумажками. Бумажку в руку берёшь через шарик и можно играться.

Когда шарики кончились, моему папе пришла в голову мысль торговать презервативами. Они были крайне редки в тот момент, был дикий дефицит, 90-е годы. Привёз домой 1000 презервативов. Пришёл сосед, стал ржать: «куда тебе столько, ты свои силы не переоценивай!». Мама тоже смеётся. Презервативы тальком присыпаны, поставили у меня в комнате за дверью. Я посмотрел: похожи на воздушные шарики, только какие-то странные, некрасивые и формой чуть больше напальчника, не понял назначения и почему сосед смеётся. Понял, что папа собирается продавать их в аптеках. Но в аптеках их не брали, потому что документов не было. В итоге в презервативы я наливал воду и бросал в прохожих. Так где-то 1000 штук я и истратил.

Потом папа торговал вафлями. Купил специально вафельницу. Посадил маму, она пекла вафли, он собирался торговать на улице. Тогда это было модно. Надо было собирать много документов, получать справки, лицензии, чего он, конечно, делать не стал, поленился. Таким образом, вафельная эпопея закончилась, так по-настоящему и не начавшись…

***

После неудачи с программируемым станком для табуреток папа решил снова торговать мясом, с соседом по даче, дядей Володей. Они на машине стали уезжать в дальнюю деревню, покупали корову, телёнка, свинью, разделывали прямо там и привозили тушу. Нормально расходилось, соседи покупали, да и нам собаку надо было кормить костями, жилами, мясом - но прожить с этого оказалось крайне трудно и даже невозможно.

Что-то у папы не росло, жили реально бедно. В холодильнике только мясо, которое он привозил, и квашеная капуста. Больше ничего не было.

Потом, после того, как мясом папе торговать надоело, он решил пойти работать. Но не на завод же ему идти? И не инженером - мало платят. Стал он собирать шкафы-стенды, это приносило долларов 50-70 в день, по тем временам уже деньги нормальные. И по вечерам мы с папой сортировали шурупы, которые оставались от сборки, это было довольно интересно, шурупы всякие-разные, разных форм иразмеров, крепления, их много. Полный шкаф был забит ими. Папе скоро надоело эти шкафы собирать, он стал искать что-то новое, и на одном из объектов, где собирал шкафы, познакомился с мужиком,

который целиком делал евроремонт. «А что ты шкафы только собираешь? Может ты ещё что-то умеешь?» папа договорился с этим мужиком, что он будет класть паркет. Мы с ним — паркетчики! Я был тогда в 10 классе.

Приезжаю я с папой на объект, там паркетная доска, хорошая, дубовая. Раушская набережная, квартира шестикомнатная. Заходим в помешение.

- Максим, скажи мне как паркетчик паркетчику, ты паркет класть умеешь?
- Да, я, не очень...
- Давай инструкцию читать.

Читаем инструкцию. «Подложите подложку, плавающим методом. Паркет надо постелить стык в стык, здесь поддуваете». Понятно, надо выравнивать стяжку, чтобы всё было по уровню. Только собрались мерить, заходит плиточник Витька. Он говорил только матом, другим языком не умел.

- Хули вы выёбываетесь? Эту поеботину напиздярить и попиздячили,
  попиздячили! Метры главное гнать, вы что? Не въёбываете? Хули выёбываться и пизду гладить?

Из чего стало понятно, что не надо измерять уровень пола, надо стелить паркет прямо так, никто не заметит. Мы решили послушать профессионала и прямо в первый же день забубенили 15 квадратных метров паркета. Постелили, приехали на следующий день, обрезали плинтуски, мы теперь паркетчики. Где-то с полгода мы работали так паркетчиками. Я после школы или вместо школы ездил с папой стелить паркет.

Потом папе стало интереснее. «А что только паркет класть? Можно ещё работу брать!». В итоге я приезжал и громил квартиры. Выносишь все стены, стёкла, отрываешь полы, а если надо, то и батареи, раковины, унитазы, ванны. Это интересно первый час или два, когда квартира превращается в руины. Потом это надо выносить на помойку. Это очень нудно и скучно. Этим мы тоже занимались. После ремонта квартир мы стали заниматься тем, что клали дубовый паркет, штучный, в коттеджах. Это было более ответственное занятие, один раз постелили дубовый, штучный, на мастику, в посёлке Луч, в нескольких километрах от колцевой. Приезжаем на следующий день, весь паркет вздулся, разбух, досочки начали сворачиваться. 20 квадратных метров запорото. Нам повезло, что через день это всё высохло и паркет распрямился. Стелили паркет.

В

***

В это время я уже пошёл учиться в колледж. Моя бурная деятельность с бизнесменом-папой подошла к концу. Папа и говорит: «А что ты полочками-то не займёшься? Я табуретки делал, это выгодно, а полочки себестоимость 5 рублей, цена на рынке — 100. Если вы будете продавцам сдавать по 60-70 рублей, то выгодно будет всем. Делать практически ничего не надо». Я послушал, говорю другу Стасу:

- Стас, давай, у моей бабушки в доме престарелых можно получить помещение, - потому что моя бабушка работала в отделе кадров, - давай возьмём, потом возьмём старух и стариков, те, кто вменяемый, будут нам делать полочки, это не трудно. Будем получать целую кучу денег, это круче оружия и круче наркотиков.

Где-то пару месяцев у нас был именно такой девиз. Забрал с дачи станки у папы, лобзик взял, сверлильный станок взял, плюс к этому, решили мы со Стасом взять в долю компаньона. Компаньон — дебиловатый парень по-кличке Гошан. Очень опасный, здоровый был и глупый. В то же время очень агрессивный и богатый. Взяли его в долю, ему очень хотелось быть бизнесменом, потому что бизнес — это круто, престижно. Поехали с ним на дачу забирать инструменты. Идём по дороге, Гошан над нами прикалывается, отказывается тащить циркулярку, станки, лобзик, арматуры.

- Что ты, Гошан, нам не помогаешь?
- Не, ну я же в долю-то не вошёл. Вот когда я буду с вами в доле, тогда я буду носить станки. А так-то вы ж бизнесмены, а я просто так, хи-хи-хи, школьник.

Взяли его в долю, он внёс свои 200 долларов посильные. Приехали числа 5 сентября к бабушке. Она дала ключи от помещения. «Отсюда надо всё вытащить, все инвалидные кресла, матрасы старые, трубы, коляски, утки». Очистили помещение здоровое. Наставили станков, батя привёз досочки, которые спёр на пилораме. Тоненькие, их довольно много, практически на год, полный багажник.

Стали пилить, все в опилках, грязи, но довольные, потому что мы — бизнесмены. «Сейчас всё наладится, всё отработаем, потом наймём стариков». Выпилили на 20-30 полок материала, решили, что хватит, пора нанимать рабочую силу. Пошли к бабушке.

- Где здесь стариков можно нанять?

- Сейчас приведу желающих.

Нашла какого-то деда, приходит. Весь в орденах, руки за спину, губа нижняя оттопырена.

- Я готов работать.
- Надо полочки точить, надо напилить, прошкурить, и вот тут покрасить.
- Понятно.
- За одну деталь платим рубль. В день можно сделать 100 деталей, вам 100 рублей.
- Дайте мне аванс 50.

И я дурак, не подумал, что авансы давать не стоит, выдал старику 50 рублей. И уехал. На следующий день бабушка на меня орёт:

- Ты что, сдурел? Старик из-за тебя руку поранил, станки сломал!
- Что случилось?
- Он нажрался на эти 50 рублей, поломал оборудование, ему сейчас в больнице пальцы зашивают!

Понятно, решили больше со стариками не связываться, к тому же директор дома престарелых против, у него смертность среди ветеранов повышенная может оказаться, никому это не надо. Мы пошли к местным слесарям. Кстати, сами мы там числились плотниками. Пока искали, заглянули в старушачью столовую. Оказалось, что старухи живут, как сыр в масле. Жрут в три горла. Мы решили тоже поесть, взяли первое, второе. На десерт — бананы. На второе — пюре с котлетами, со свекольным салатом. Суп — полная тарелка, мы сидим, едим. Имеем право, мы же плотники в доме престарелых. На нас старухи смотрят, как в фильме «12 Стульев» старухи смотрели на сирот. «А сейчас нажрутся, будут орать, сволочи!». Мы заметили местных слесарей. Они тоже сидели обедали, в стаканах у них был не только компот, видно, что компотом они просто разбавляли свой традиционный напиток.

- Уважаемые, не хотите ли подзаработать?
- Конечно, хотим!
- Вот полочки, их надо делать, пошли объясню.

Объяснили, что здесь — точить, здесь — пилить, здесь — шкурить, здесь — красить. 100 деталей — 100 рублей.

- Выгодно?
- Выгодно.
- Готовы работать?
- Готовы. Дайте аванс.

Я-то думал, что люди работают, приличные. Дал им аванс. Прихожу на следующий день, после колледжа. Слесаря бухие в

говно!

- Что сделали?
- Ребят, там станки сломались.

Оказалось, что станки несильно сломались, отлетели шкивы, я поправил, нормально. Поняли, что с этими слесарями сделать ничего нельзя. Стали работать сами, за неделю собрали 50 полочек. Склеили, сколотили гвоздиками, пора везти продавать на рынок. Как это сделать? Вопрос…

Я взял две штучки домой, повёз их в колледж. После колледжа мы со Стасом договорились встретиться и везти их на стихийный рынок, сдать на реализацию. Потом рынок сбыта себе расширим и будет заебись. Иду я из колледжа с пакетом с полочками. Навстречу скинхеды бегут: Гога, Сипыч, Лёха, девка Женя из группы. Я к ним присоединился - играем, бегаем, кидаемся листьями, палками – в общем, весело!

Двинулись к метро. И тут мимо нас проходят два гука. Все убежали вперёд, а я что-то остановился, «дай-ка я швырну в одного палкой». Бросаю в спину, он разворачивается, на меня смотрит. «Что ты смотришь, сука узкоглазая? Иди сюда». А узкоглазая сука посмотрела, поднимает палку и идёт. «Блядь, что делать? У него палка!». Достаю ножик, у меня в кармане был, обычный, раскладной. Стою, как дурак: в одной руке — пакет с полками, в другой — нож. Камуфляжная куртка, штаны, ботинки с белыми шнурками. Палево полное. Тогда это было модно.

Китаец подходит, и со всего размаху - хуяк мне по руке! Полки вдребезги! Попал в левый локоть, рука обвисла, ничего не чувствую. Но пока он опускал палку, я успел ножом махнуть и попал почти ему по горлу. Почти попал, потому что он уже боиться подходить, потому что если я попаду ему по горлу, он уже никогда не сможет махать палкой. С другой стороны, он не знает, что у меня рука висит, и я ничего не смогу сделать. Стоим, друг на друга смотрим, я ору: «Давай! Что ты, сука узкоглазая хочешь?» Он орёт: «Что ты, сволочь! Убивать? Фашист?!». Набежали какие-то китайцы, вьетнамцы, набежали тётки: «Ребят, разойдитесь, успокойтесь!». Нас растянули. Я смотрю в пакет: крошево из этих полочек, никуда везти их нельзя, рука не работает. Расстроенный пошёл домой.

***

Вечером идти на карате на тренировку, вроде рука начала шевелиться. Пришёл на тренировку, у меня синяк от середины бицепса до середины предплечья. Здоровая чёрная пятнина. Коллеги по занятию спрашивают:

- Что это такое?
- Да, косых валил, сейчас им мстить будем.
- Да ладно!
- Косой напал, палкой ударил. Кто со мной? Валить и пиздить.

Тогда всё было просто: видишь парня, спрашиваешь – «Пойдёшь косых пиздить?» Если он отвечает: «Да не, я ж не скинхед, не пойду» - ты ему просто говоришь: «Ну ладно, как хочешь». Без ненужных базаров…

Договорились я, Стас и Юрик - идти пиздить косых, мстить за поломанные полочки. У колледжа пиздить — палево. Решили поехать на Щёлковскую. Там Соколиная гора, по нашим сведениям, китайское общежитие. Бродили, ходили по Щёлковской, нет китайца ни одного. Ладно, поехали ночью на Сокол, валить первого попавшегося китайца. «Кто будет бить?». Бить должен я. Приезжаем, стоим в переулке тёмном, идёт китаец. Я его останавливаю, сбоку Стас, сзади Юрик.

- Ну что, косой. Дай закурить.
- Да, сейчас, - по-русски разговаривает. Протягивает пачку сигарет мне, потом – Стасу: - На!

  Я ему:
- Бля! Сука!

Давай его бить. А Юрик, который должен был его схватить за горло сзади, чтобы тот не успел - в этот момент «надевал перчатку на лету», и, соответственно, китайца упустил. Тот убежал с криками «Милися, милися! Хулиган!». Мы, довольные, бежим домой. Не испугались, дали по роже китайцу. Это было преодоление психологического барьера, не с толпой нападаешь, а просто остановил и бьёшь, причём взрослого человека, до 16 лет для меня это была проблема. Многие её решали через алкоголь, но я не пил, поэтому приходилось делать над собой усилия. Прибежали домой, довольные.

- В следующий раз надо, чтобы первым бил Стас.
- Надо?
- Надо!
- А что мы в следующий раз будем делать?
- Надо у китайцев забирать паспорта. Если у китайца забрать паспорт, то он сделать ничего не сможет. Уехать тоже не сможет, у него будет куча проблем.

Но эти паспорта надо ему возвращать за бабки. Вешать объявление, что «найден паспорт, вернём за вознаграждение». И потом, чтобы не тот, кто отнимал, а кто-нибудь другой забирал бабки и возвращал паспорт, это будет очень выгодно и

безотказно.

Решили, что это будет наш план. Начали планировать, где и когда выедем заниматься отжиманием денег у цветного населения.

В субботу вечером собрались у меня дома. Я, Стас, Юрик и ждём Гошана. Гошан был нашей главной силой. В 10 классе он весил уже 100 килограмм, и в 11 классе он весил 100 килограмм. Собрались, ждём. У нас ножи, цепи, кастет, готовы. Приходит Гошан.

- Что-то я не пойду с вами.
- Почему?
- Я с матерью посоветовался, она говорит, что не стоит этого делать, посадят.

Ёб твою мать! С матерью посоветовался, ты что, вообще дебил? Предприятие отменяется, подельник соскочил, мы расстроились и никуда не поехали.

***

Но полочный бизнес у нас продолжается. Несмотря на то, что рынка сбыта мы пока найти не можем, мы ездим по выходным в дом престарелых, сделали штук на 500 заготовок, штук 50 собрали готовых. Но не покупают их у нас. Я потом уже догадался, почему их не берут, потому что когда подходят два парня с бритыми головами, в камуфляжных штанах, со спущенными подтяжками, в бомберах, не каждый продавец согласится взять что-то на реализацию. Не знаю, за кого нас принимали, но полочки не брали категорически. Потихоньку на это дело мы подзабили. Хотя у нас по выходным каждый раз происходили корпоративы у Гоши. Тусовались, ели пиццу за успех нашего предприятия. Кто-то пил пиво, я пил кока-колу и жрал кучу пиццы.

В это время я стал тусоваться с «мясными» фанатами, мы стали ездить на матчи, за «Спартак» гонять. Один раз Гошан говорит:

- Макс, я тоже хочу на футбол.
- Хорошо, пошли.

Был матч «Спартак» - «Реал». Смотрю: Гошан достаёт шарф «Реала».

- Гошан, ты понимаешь, что мы идём на фанатский сектор за «Спартак»?
- Да.
- Нахрена «Реала» достал розу?
- Я за «Реал» болею.
- Ты что, дурак что-ли? Так не делают. Мы же за «Спартак» идём!
- Я, конечно, понимаю, я её не буду доставать.

Приехали в «Лужники». У Гошана билета на сектор

«Реала» нету. Пошёл искать у перекупщиков. Приходит довольный, билет достал, купил.

- Как купил?
- Я у перекупщика спросил, билет стоит 300 рублей, я ему дал 400, чтоб наверняка!
- Что наверняка?
- Чтоб наверняка купить!
- Понятно.

Хороший парень. Главное, чертовски сообразительный…

***

На футбол мы с Гошаном ездили довольно тихо, по вечерам проходили корпоративы. Потом поездки на футбол становились всё более агрессивными. Один раз ехали в «Лужники», полный вагон фанатов, заходим на «Библиотеке имени Ленина». Раз, сидит гук. Подходим.

- Ты, узкоглазая мразь, что сюда приехал?
- А, что ты мне сказал?

Мне всё-таки 16 лет, выглядел я не очень опасно. Начинает мне гадости говорить. Секунды три он успел поговорить, потом я взялся за поручни и ударил ему в ебло ногой тяжёлым ботинком. Тут что началось! - я и не ожидал. Был полный вагон карлаты. Я был самый старший, остальные по 13-14-15-16 лет. Детский сад. Его облепили, долбят ногами, рвут, сумка уже уехала в другой конец вагона, потрошат. Куртку сорвали, бьют его. Мужик какой-то:

- Э, вы какого хрена делаете?
- Уважаемый, вы понимаете, что человек приехал в чужую страну, сидит, тут полный вагон людей, конечно, это возмутительно, его начали бить.

Вступил в полемику с ним. Мужик не оказался придурком, вышел.

Ездили мы довольно часто. После того, как обломалась поездка с Гошаном с вымогаловом документов, я предложил своим друзьям-скинхедам из колледжа обуть косых. Например, идут два вьетнамца из метро в общежитие. Останавливаем.

- Деньги есть? Мелочь какая?
- Есть немножко.
- Хорошо, давай.

Рублей 50 или 100 забрали. К чему это ведёт? Если у гука отнимаешь 100 рублей, ты его унижаешь, а деньги идут на содержание национал-социалистического бойца. Отняли у одного гука 100 рублей, у другого — 50. У третьего — нам

хватило на то, чтобы покушать. Уже хорошо. Как я говорил, денег у меня не было никогда.

Нам понравилось. На следующую большую перемену мы пошли опять обувать гуков. Гук идёт.

- Стой!
- А?
- Деньги есть?
- А!

Пытается убежать. Уже снежок выпал, гололёд. Китаец убегает, Лёха ломанулся, догнал, повалил и начал бить по ебалу. Ну кто ж так делает? Мы же грабить пошли, а не избивать! А гук был с гучиной. Она стояла в стороне с телегой. Надо помочь. Я разбегаюсь, а китаец лежит на спине, ноги раздвинул, уже орёт, пытается прикрыться. Я бегу в тяжёлых ботинках и понимаю, что хрен смогу остановиться. Получается, что я с прыжка двумя ногами ему по яйцам: Бамс! Прыгаю по голове, и развернулся. Подхожу опять, пару раз ударил ботинком в голову. Нам показалось, что этого достаточно. Я смотрю: гучина с тележкой уже уходит. Увидела, что самцу дали ногами по яйцам и детей от него ждать не приходится. Увезла телегу. А когда в голову я бил ботинками, у меня было секретное оружие: я дома сделал из глины формочку для свинцовых кастетов, и у меня на каждом «Шеллисе» был накручен свинцовый кастет спереди с тремя зубцами, он ботинки сильно утяжелял, но, в то же время, удар в голень или в голову сразу приводил к рассечению. Опасная вещь. Этим мы промышляли. Практически каждую большую перемену и практически каждый день. Если китайцы деньги не отдавали добровольно, мы их били. Если отдавали, то они проходили просто мимо.

Г

***

Один раз мне сестра говорит:

- Макс, помнишь, у вас в школе был день здоровья и к тебе подходила девочка, что-то спрашивала, когда ты чеченцу одному в кроссовки нассал?
- Да, помню.

Там был чеченец в классе у Стаса, большая школьная тусовка. Детишки бегают. Я приехал, там тусуюсь, с девочками знакомлюсь, по возрасту подхожу. И там чечен, Рустамка. Он решил переодеть кроссовки на сапоги, естественно, я ему нассал.

- Зачем ты это делаешь?
- Против, что ли? Я тебя сейчас убью здесь!

Я очень круто выступил по меркам 10-11 класса и привлёк внимание одной девочки, её звали Аня, познакомились. Пошёл с ней погулять и мы начали встречаться. При том, что девочка была фанатка «ЦСКА» и правая скинхед-гёл. Наголо не брилась, но была дико правая. При этом она пила и курила, любила под пивко погрызть семечек. Девочка хорошая, училась замечательно. Проблема была в том, что ко всему тому она была фанаткой группы «Король и Шут». Когда я приходил к ней домой, ложился на кровать: передо мной портрет беззубого мудака какого-то. Висит на стене и на потолке. Она брала гитару и пела «Разбежавшись, прыгну со скалы», «Будь как дома, путник», заёбывала меня этими песнями гитарными. Я не люблю, когда поют песни под гитару, особенно, когда не очень умело. С Аней отношения были долгие, хорошие, единственное, что после них я ненавижу пьющих девушек, ненавижу правых девушек и ненавижу, когда девушки пахнут семечками.

С Аней у нас один раз состоялся поход на «Нескафе Чистая Энергия». Это сноубордистско-реперский фестиваль. Там зимой парни катаются на сноубордах, конкурсы, кто круче прыгнет через голову, у кого трубы ниже спущены. Тогда все сноубордисты ходили в трубах, объясняя это тем, что в трубах удобнее кататься. Чему я, естественно, не верил, и мне это не нравилось.

Реперы — это белые негры. Сходили мы, посмотрели. Я пришёл, как обычно, на полном палеве и на меня косились. Кто-то сказал, что вечером приедет толпа скинов – подумал, классно, надо с толпой бить реперов всех. Протусовались там до вечера, толпа скинов не прихала. Решил узнать, откуда эта толпа скинов должна была появиться и туда пойти. Оказалось, что скины собираются около метро «Молодёжная» по выходным и идут на «Нескафе» гропить репаков. Договорились.

***

Приехал я в субботу утром на «Молодёжку». Там стоит человек 20 скинхедов на полном палеве, кто-то пиво пьёт, кто-то семечки жрёт. Я купил себе сухарики «Три корочки», мне они очень нравились, копчёные. Сказать, что ждали долго — это вообще ничего не сказать, стояли до самого вечера. Собралась тусовка, обсуждают, как репаков будут бить, часов в 5 приехало подкрепление, нас было человек 50, и ещё человек 150 приезжает. Нас большая толпа, человек

200 рыл скинхедов, все на полном параде, спущенные тяги, цепи, арматура. Двинулись на «Нескафе». Скандируем: «Россия — для русских, Москва — для москвичей!», «А ну-ка, давай-ка, уёбывай отсюда!». Переходим через «Рублёвку», там переход крытый, стеклянный, трясётся. Прямо на ходу парни расстёгивают бомберы, подтяжки спускают, готовятся к бою, цепи на руки наматывают. Выходим из перехода, колонна движется в сторону Крылатских холмов. Тут 4 мента: «Эй! Стоять! Куда пошли?». Я вообще не понял, 4 мента и 200 скинхедов, в них сразу полетело штук 50 бутылок вперемешку со снежками. «А! Погнали мусоров! Россия — для русских! Москва — для москвичей!».

***

Довольные идём, преград никаких нет на пути патриотов. Дошли до холмов. Задние ряды погнали вперёд, и мы тоже. Сбегаем с горы, я решил оглянуться: «Почему бегут-то? Впереди репаков-то нету...» Сзади цепочка ментов, человек 15, и УАЗик едет. По ходу, обиженные менты вызвали подкрепление. Ладно, раз побежали, так побежали, вниз с горы сбежали, на другую забежали, опять побежали вниз и на этом спуске проходит фестиваль. Получилось очень красиво: бежит лава с горы и пиздит всех на своём пути. Репачьё разлетается, кто не успевает убежать, тех пиздят, ботинками, цепями. Получилось, конечно, красиво, прошли, как нож сквозь масло, репаки валяются. Кто-то сноуборды похватал, рюкзаки. Естественно, трофеи, это всегда было на войне. Я тогда об этом не думал и трофей не взял. Разбежались. Менты, которые за нами бежали, начали вязать тех, кто упал, а упали репаки. Повязали они репаков человек 20. Мы прибежали на Молодёжку. «Ну щас будет весело, репаки пойдут с фестиваля к метро, будем валить!». Нет, надо ехать, искать в метро. Едем к метро Багратионовская. В вагоне толпа скинов.

- Чё, вы бритые?
- А вы кто такие?
- Зиг хайль!
- Зиг хайль!

Ну тут всё понятно. Опять в вагон забегаем.

- Давайте с нами!
- Нет, мы репаков искать.

Приехали на Киевскую. Стоим, ждём. Подъезжает скаут: «Щас следующий поезд, полный реперов!». Охуительно, то, что надо. Ждём 3 минуты, там уже вижу разбитые ебала

реперские, потому что они уже проезжали метро Багратионовская. Но они уже подготовились, держат двери сноубордами, в вагон ворваться нереально. Люди, которым выйти надо, уже не пытаются, потому что понимают, что сейчас будет погром. И картинка такая: я бегу мимо дверей и где лицо торчит, я там бью по лицу кулаком, одному, другому, они не успевают спрятаться. Мне навстречу мент! Я разворачиваюсь, и опять всем по ебалу бью! Бам! Бам! Бам! Но, так как я бил по ебалу, это снижает скорость. Мент меня хватает: «Что, попался?», хрясь меня дубиной по ляжке. «Ах ты чёрт, спалился, хрен с ним». Нас толпа окружила.

- Макс, помочь?
- Нет, спасибо.

А что, я преступление совершил? Ну реперу по морде дал, что такого? Отвели меня в отделение милиции. Сижу. Заходят менты.

- Сколько тебе лет?
- 16.
- Так, бля, 16. - им, естественно, лучше, чтобы мне было 18, - Ладно, давай телефон домашний, сейчас родителям позвоним.

Даю телефон, они уходят. Сижу полчаса, час, полтора, приходят. «Дай ещё раз телефон домашний!». Даю. Опять идёт время, поздно уже, ещё час сижу. Мент приходит:

- У тебя почему час телефон занят постоянно, может позвонишь соседям? - звоню соседям.
- Аллё, тётя Галя, вы можете сказать моей сестре, чтобы трубочку положила, тут из милиции не могут дозвониться.

Сестра у меня в это время с мальчиком разговаривала, бедный брат узником совести был, потому что папа не мог его забрать. Папа приехал, менты ему объясняют, что меня задержали за то, что я стекло разбил в вагоне.

- Что, придурок, стекло разбил?
- Я стекло не бил, я реперов бил.
- Почему менты говорят, что ты стекло разбил?
- Я не знаю.
- Чем разбил? Если ты разбил стекло, ты у меня будешь работать всю оставшуюся жизнь за это стекло.

И там три солдата-срочника, которые, естественно, видели, как я разбил стекло, всё подписали. Батя платит штраф, выходит к солдатам.

- Что, Достоевские, писатели, видели, сын стекло бил, нет?
- Да нет, не он… Нам сказали написать, мы сделали.
- Вот видишь, папа, я не бил, - едем в машине.

- Вот быстрей бы прошло, всего полтора года, будет тебе 18 лет, и чтобы папа приехал в отделение милиции забирать тебя, будешь сидеть там, сколько вздумается. Нахрен это надо? Папа пришёл домой, пивка собрался выпить после работы, звонят мусора какие-то: «Приезжайте, сына забирайте», да нахрен мне это надо?
  Повозмущался и успокоился.

Д

***

Хотя на улице и в колледже я был скинхед, но, приходя домой, жил вполне овощной жизнью, даже более овощной, чем другие. Первым делом, я, приходя домой, включал телевизор. Начинал готовить обед и смотрел сериалы. В основном, сериалы шли по СТС. Смотрел я их очень много. Я смотрел «Голову Германа», там у мужика в голове жило четыре типа: чувства, страхи, интеллект и желание. Они живут, воюют, решения принимают, забавно. Смотрел «Альф», его я смотрел вообще всегда. Он шёл по вечерам, и без него я не мог обходиться, все шутки запоминал. Смотрел «Зелёные просторы», про городского мужика, который ходит в смокинге, его гламурную жену, которые переехали и пытаются фермерствовать. Ещё что-то смотрел, не помню. Если я приходил домой в 2, то часов до 5-6 я сидел, смотрел сериалы. До третьего курса колледжа я любил смотреть мультики, смотрел Диснеевские мультики, по СТС шли, смотрел «Утиные истории», «Чёрный плащ», «Чип и Дейл спешат на помощь», я, конечно, понимал, что это не совсем то, что надо смотреть скинхеду, но, тем не менее, они мне нравились. Потом я повзрослел, стал смотреть «Симпсонов», «Утиные истории» уже не вставляли. Но после 5, обычно ко мне приходил мой дружок Тёмыч, он в это время должен был учиться в институте, но, так как ходить ему туда было неохота, он тусовался у меня дома. Мы играли в компьютер, «Герои меча и магии», смотрели телевизор, готовили жратву. Вечера проходили довольно однообразно, если я не гулял с девочкой какой-нибудь.

Так как я не пил, у меня не было желания тусоваться где-то. Никогда не ходил по клубам, сидел за компьютером, и если бы не моя общественно-политическая деятельность, то я вполне сошёл бы за ботаника. Но получалось, что я всё-таки не совсем ботаник и занимаюсь интересными вещами.

***

Осенью Гошан как-то сказал, что один его знакомый продаёт мусорские ксивы, которые можно купить и бесплатно кататься на общественном транспорте. Оказалось, что не совсем мусорские ксивы, а ксивы студентов милицейского ВУЗа. Она поддельная, но в троллейбусе и автобусе прокатывает. Показываешь — и поехал. И проще заплатить один раз 100 долларов, чем платить каждый раз за билет. Купили мы со Стасом мусорские ксивы, и тут же подумали: «А если у нас есть эти ксивы, мы можем их показывать хачам, и обувать их на бабки. Менты же обувают их на бабки, почему бы нам этим не заняться?». И поехали. Очень часто, хачи посмотрят: «Вроде да, милицейские ксивы, надо деньги дать». И что-то заплатят.

Потом мы решили сделать схему хитрее и позвали с нами Лёху. Приезжаем, ждём китайцев у общежития. Идёт гук с гучкой, подходит Лёха, начинает доёбываться, бьёт китайцу пендель, мы подлетаем: «Стоять, милиция!». Лёха убегает, тычем корочкой в нос. Лёха сбежал.

- Что произошло?
- А, вот, напал хулиган.
- А ты что за хулиган? Документы?
- Нет документ, начальник, проблемы.

А гучка под шумок свалила, мы не заметили. Стоим, гука разводим на бабки, объясняем, что он нарушил визовый режим, нет документов, сейчас поедем в отделение, он там будет ночевать, заберём его вещи, которые он в тележке везёт. Тут смотрю: из-за угла выходят китайцы, человек 7-8, все с палками. Их, видать, эта самка успела позвать. Движутся к нам. С другой стороны, оттуда, откуда пришёл этот гук, движется человек 5 косых. Нас уже берут в клещи. Сматываться некуда, с другой стороны — гаражи, мы сами такое место выбирали. Что делать? Страх прийти не успел. Мы сразу ксивы вперёд выставили, как будто это пистолеты: «Вы что, кто такие? Документы быстро показали!». Китайцы палки побросали, съеблись. Мы разворачиваемся, там другие китайцы с сумками, мы им: «Ваши документы, стоять!». Те тоже убежали, потому что мы уже шли с этими ксивами уже не как с пистолетами, а как будто ими убивать уже будем. Выкрутились из сложной ситуации, нормально всё получилось, но обороты мы немного сбавили, хотя в метро постоянно ходили, получалась стабильная экономия.

Потом, один раз, ехал я на автобусе куда-то. Вышел, стоят

два гука. Надо приколоться. Одному пендаль дал, второму, он начал орать. Хуяк! Милицейский автомобиль. Тормознули.

- Что случилось?
- Вот, скинхед напал, хулиган, милиция! - и на меня показывают.

Менты сажают в машину, поехали. Вроде хуйня хуйнёй, но, подделка документов, всё-таки. Будет эта статья применена, не будет? Чем закончится? Ксиву вытащил с кармана, фотографию отковырял и в милицейской машине под кресло засунул. Приехали куда-то. Менты на улице обыскали, нож забрали.

- Хрен с тобой, ничего незаконного нет, нож не отдадим, косых сами не любим, хрен с ним, оставайся.

Уехали. Добирался я из этой перди минут 20, метро искал. Но я остался без ксивы. Лафа кончилась, пришлось искать пенсионное удостоверение, чтобы ездить на метро бесплатно, китайцев-то не награбишь, чтобы кататься на метро, троллейбусе, в колледж туда-обратно, совершенно не выгодно.

Е

***

Поехали как-то со Стасом искать счастья, человека, который возьмёт полочки наши на реализацию. Ходим в районе метро «Профсоюзная», потому что батя говорил, что у него там брали табуретки, у него там есть знакомый, он там-то там-то стоит, «подойдёте, скажете, что от Сергея, он возьмёт». Взяли со Стасом по пакету, отправились в путь, оделись беспалевно. Пришло понимание, замаскировались под студентов, ходим, нет человека. Надо, значит, кого-то на что-то кинуть. А кинуть кого? Не будешь же обычного человека грабить? Надо или репера или хача. Мы же не гопники какие-то, мы идейные люди. Смотрим: идёт наркоман-гопарь и у каждой машины, мимо которой проходит, дёргает ручки на предмет того, открыто или нет, чик-чик-чик. Ищет двери. Мы за ним увязались. Нашли место потише.

- Молодой человек! Одну минуточку подождите.

Подходит, нам лет по 16 было, а ему лет 25, наркот по ходу.

- Да, что случилось?
- Милиция. Сержант такой-то, старший сержант такой-то.
- Что такое?
- Машинки-то что дёргаете?

- Я машину дяди Валеры ищу.
- А мне кажется, ты магнитолы воруешь, у нас уже пять магнитол в районе ушло в этом месяце. Как решать вопрос будем? Все преступления на тебя повесим и закроем.
- Ребята, это не я, я просто машину ищу…
- Кто тебе поверит? В отделении расскажешь, сейчас свидетелей найдём, магнитолу подбросим в карман, как ты будешь выкручиваться?
- Блин, ребят, что надо?
- Деньги есть какие?
- У меня чуть-чуть…
- Давай всё, что есть, - забрали какую-то мелочь.
- Спасибо.

Ушёл довольный. Вот это нормальная ситуация, гопников грабить — это примерно, как быть Робин-Гудом, богатых грабишь, бедным отдаёшь. Бедные — это мы были, нам надо отдавать, не стесняюсь это сказать.

Ж

***

Хотя я встречался с Анькой-балалайкой, у меня начались очередные проблемы с девушками. Это произошло потому, что у меня очень большое сердце, как у телёнка. И случился рецидив старой болезни «анькомания». Была девушка у меня, тоже Аня звали, блондинка, с красивыми глазами, стройная. И она меня бросила. Бросила, когда ей было 14 лет, мне — 15, суть в том, что я сильно расстроился. Каждые полгода у меня происходили двухнедельные приступы анькомании. Я начинал звонить ей, начинали общаться, ходил к ней в гости, пили чай, разговаривали, она относилась ко мне как к хорошему другу, хотя знала, что я не хочу быть другом, это приводило к печальным последствиям. Каждый вечер я приду, что-нибудь рассказываю, а у неё постоянные отмазки о том, почему она не может со мной встречаться. Сначала это было потому, что я — скинхед, а она — реперша, «я изобью всех её друзей». Но что делать? Я сказал, что ушёл из движения, больше не скинхед, просто вещи такие остались, других нет, в чём ходить? На самом деле я уже давно просто обычный парень, даже интересуюсь немного репом.

- У тебя есть реп послушать, я бы тоже репером стал, они же модные.

Аня поверила, или сделала вид, что поверила, притащила

коробку кассет реперских, дала мне, я принёс домой, включил одну, послушал обезьяньи звуки, хватит. Вечером позвонил.

- Аня, я теперь репером буду, такая музыка прекрасная. Тебе какая больше всего нравится? - она назвала какую-то группу, - Мне понравилась другая, на зелёной кассете.
- Да-да, замечательная.

Называет обезьяньи команды, вроде почти скорешились, препятствие устранено для любви. «Ну всё, сейчас всё будет». И тут где-то она меня спалила, что я шёл с дружками, все на полном палеве, и на реперов никак не похожи. Всё обломалось. Я расстроился, начал приставать ко всем девочкам в группе.

Одна там была стрёмная, её можно было только за жопу щипать, сисек не было. Ольга. Все знали, что она девственница. Говорила, что «я — целка», сама при этом пила пиво, курила. Зубы жёлтые в 17 лет. Хрен с ним. Ещё там была Женя, она тоже не вела здоровый образ жизни, но была посимпатичней. Её я хватал за все места, но встречаться с ней нельзя было, потому что она вела слишком нездоровый образ жизни, чтобы с ней можно было что-то мутить, и она слишком зверски пудрилась. Но между ног руку я ей клал на парах, где это можно было делать, стандартно. Ещё была девочка Лена. Такая симпатичная, симпатичность как у доярок деревенских: сиськи, глупое лицо, белые волосы, большие глаза. И любила она ходить в юбках. Сел с ней на заднем ряду, на других задних рядах сидят ещё мои товарищи, смотрят, что я буду делать. Я так — раз! Руку на ногу положил, погладил, под юбку засунул, там — трусы, начинаю качаться на стуле, чик! Качнулся и товарищам маякую: «Позырьте». Ленка не замечает, что идёт демонстрация партийной символики. Я — раз! Юбку поднимаю, там — трусы, ноги раздвинуты.

- А! Дурак! Дурак!
- Лена, понимаешь, я пошутил. Всё нормально будет.

Опять сидит, бдительность потеряла, я опять на стуле качнулся, юбку задрал. Она завизжала, стала жаловаться учителю, что «Максим мне руки в трусы суёт». Естественно, её пересадили, говоря «Лена, сядь на первую парту с девочкой, может она не будет тебе руки в трусы совать».

Аморальность, конечно, была повышена но всё от неразделённой любви, только от этого.

3

***

Решив, что грабить гуков по-мелочи — это неэффективно, а

бить реперов просто так — глупо, мы решили совместить приятное с полезным и начать реперов грабить. Как это делать? Надо найти скопление реперов и отнимать у них ценные вещи. В первую очередь, в глаза бросались сноуборды, которые они таскали с собой, они дорогие, стоили по тем временам неплохо. Что делать? Решили устроить со Стасом и Юриком засаду. Там есть место, на углу, около заправки, если люди идут с фестиваля на остановку или к метро Молодёжная, то там тёмный поворот, людей практически нет, можно вполне провернуть тёмные делишки. Решили устроить первый налёт на этом беспалевном месте…

Стоим там, мы же хитрые люди, приехали в субботу, перешли на другую сторону Ярцевской улицы. Там провал в земле, получается типа окопа. Там спрятали запасные вещи, сами полностью переоделись в маскировочные вещи, немыслимые совершенно. Я трубы нашёл, Стас нацепил трубы, Юрик нацепил треники алкашовские. Все замаскированы, план какой: въёбываем репера, перебегаем дорогу, там переодеваемся, спокойно уходим. И никто нас не сможет опознать и заподозрить, мы в другой одежде. Стоим. Очередь Юрика бить, идёт репер со сноубордом. Мы договорились, что будем бить, если идёт без девки (один), и только если это репер. Если парень идёт какой-то, то мы его не трогаем. Мы боремся с любителями слушать чёрную музыку. И вот идёт в широченных штанах, куртке, которая велика, шапке, очках, и со сноубордом. Подходит.

- Э! Время не скажешь?
- А? Что?

  Юрик ему — бам! По ебалу.
- А! Ребята, что я вам сделал?
- Давай сноуборд, если хочешь живой остаться!

Этот гондон, вместо того, чтобы сноуборд скинуть, упал на него, и как-то ногами-ногами по земле с горки съехал, там уже машины, палево. Мы его бьём по ебалу, но сноуборд он не отпускает. И не желает с ним расставаться. В итоге сорвали с него очки и шапку и убежали. Хрен с ним, сегодня акция не получилась, но надо сделать это, надо, интересно же, как это происходит, должна же быть прибыль!

***

На следующих выходных опять там стоим. Стоим и ждём, когда пойдёт какой-нибудь одинокий репер, а все только вдвоём идут, то с девками, то не реперы. Не трогаем.

Простояли просто так полчаса на морозе, ничего не утворили, плюнули и уехали домой.

Ещё через неделю приехали. Опять стоим. Замёрзли, как псы, отошли купить пиццу, купили каждый по маленькой, по чашке чая. Вышли, идём, кушаем, подъезжает бобик милицейский, оттуда наряд, вжух! С автоматами, бегут прямо по сугробам, раз, раз! Носом поводили, расстроенные вернулись.

- Блядь! Это за нами!
- Ну да, походу за нами.

Посмеялись, какие менты дураки, нас не поймали, мы опять встали на это место, дождались репера, дали ему по ебалу, забрали сноуборд и убежали.

Потом приезжаем ещё через неделю. Но мы подумали, что на этом же месте нельзя, потому что могут спалить, и тогда догадаются, что и на той неделе тоже мы грабили. Перешли за бензоколонку, там довольно узкий проход, нету фонаря. Стоим, полчаса, час, ждём. А они заебали: идут то с девчонками, то не реперы, то толпой идут, как ограбить-то? А мы молодые, нам по 16 лет. Договариваемся - я спрашиваю, сколько времени, Стас бьёт - он нашёл железку, зажал в кулак, чтобы было сильнее. Вот, явно идёт репер, один и со сноубордом, надо бить. Он прошёл мимо меня, Стас уже руку заводит.

- Э, пацан, время не скажешь?
- Во-первых, я не пацан, часов у меня нет.

Ёб твою мать! Девка! Стас голос тоже услышал, руку остановил. Ладно, ушла. Потом идёт уже точно парень, борода торчит, репер на 100%, взрослый, можно бить. Детей мы не собирались бить. Надо валить его. Проходит.

- Э, пацан! Сколько времени?
- А, что сказал?

Бам! По ебалу ему. Он на меня падает, я начинаю ему долбить кулаком в нос, схватил под мышку, бью по ебальнику, Юрик сбоку ногами пинает в живот, Стас сразу сноуборд отрывает.

- Ай! Что же вы делаете?
- Бросай сноуборд, сука!

Он сразу бросил, на коленки упал, мы добивать не стали, убегаем. Отбежали метров пятьдесят. В спину: «Стоять! Стойте!». Что такое? Менты? Смотрю: этот на ноги поднялся и на нас летит. Впереди Стас со сноубордом, сзади — я, замыкает шествие Юрик. Надо сваливать, этот: «Стоять! Стоять!», надо быстро уходить, потому что это место довольно людное. Мы нашли хитрый путь отступления через Филёвский лесопарк к

метро Молодёжная. Пробежали под Крылатским мостом, этот всё несётся. Я сноуборд у Стаса забрал, толкаю Юрика в жопу сноубордом, всячески пытаясь остановиться. «Давай остановимся, что мы, как трусы, убегаем?». Я говорю:

- Ты дебил? Мы сноуборд забрали, зачем останавливаться, какие трусы?
- Нет, давай остановимся, надо разобраться.
- Давай беги вперёд, придурошный! Какой разобраться?

Добежали до Филёвского лесопарка, метров 50 прошли по снегу уже по колено. Юрик встал. Уже никакие толчки в жопу не помогают. Он отказывается бежать.

- Ну что ты?
- Давай его подождём, надо разобраться.
- Давай.

Идёт этот репер, смотрю: с какой-то железкой. Подходит. Я ножик уже достал.

- Что это такое? Мне принёс?
- А, нет! Ребята, отдайте сноуборд.
- С какого хуя?
- Мне его отец подарил, отдайте подарок отца!
- Может у тебя деньги есть?
- Я заплачу 5 тысяч.
- Давай.
- У меня с собой нет, давайте вы подождёте, я съезжу и принесу.

Я хрен его знает, нам не 12 лет было, чтобы понять, что не стоит на это соглашаться.

- Не, не катит, что у тебя есть?
- Сотовый телефон. - сотовые телефоны по тем временам — вообще редкость была.
- Давай телефон.
- Давайте телефон на сноуборд поменяю.
- Хрен с ним, давай поменяемся.

Даю сноуборд, отдаёт телефон.

- Спасибо, ребят.
- Не за что.

Он ушёл. Мы идём, я рассказываю Юрику, какой он дебил, не может бегать. Но, с другой стороны, телефон положил в карман, доехал до любой скупки и продал его. Телефон — это удобная вещь. Идём довольные, смотрю: милицейские машины стоят. «Тихо, тихо! Менты!». Спят в машинах, что-то не чистое, прошли мимо, опять радуемся: «Ах, как круто! Репера ограбили!».

Дошли до Молодёжной.

- Телефон-то работает?
- Давай проверим.
- Звонит он, нет?
- Давай посмотрим.

Позвонил я себе домой сразу. Сестра трубку взяла: «Алё! Алё!». Я скинул трубку, меня же вычислить могут. Дебилоид! Уже позвонил! На следующий день Юрик поехал этот телефон продавать. И купили его у него за 150 рублей. Приезжает домой, вручает полтинник.

- Вот, Макс, держи. Наш первый куш!
- Юрик, почему 50 рублей?
- Ну... на 150 продал, 50 тебе.
- Как ты мог продать за 150?
- Сказали, что дороже никто не возьмёт, он без сим-карты, менять номер нельзя.
- Блядь! Ты жирная жопа! Надо бежать было, сноуборд 5000 в скупке стоит.
- Ну вот... Ладно, нормально, какая разница? Лучше синица в руках.

Ну придурок, ладно. И в тот же день купил на эти 50 рублей кассету «Агата Кристи» - «Опиум». Потом долго её слушал.

И

***

Приехали в Семёновское, гуляем. Везь день где-то ездили, лазили, жрать охота. Денег нет вообще никаких.

- Надо домой валить, пожрать где-то.
- Да.
- Сейчас бы хлебушка белого с молоком.
- Да, хлеба бы с молоком неплохо.

На улице уже холодно, снег выпал. И тут смотрю: идёт китаец, у него в руке прозрачный пакет, в котором лежит хлеб и литр молока. Так, интересно-интересно. Поравнялись с ним, хвать! Китайцу по ебалу с правой. Он через сугроб перелетел. «А-а-а!», и убежал. На земле остаётся хлеб белый в пакете и молоко. «Вот, смотри, обед отняли!». И побежали во дворы. Отбежали, сидим, кушаем. «Видишь, еда сама по улицам ходит, бери, да хватай!».

К

***

К середине осени я прознал, что у нас в колледже есть качалка. С утра и до обеда она закрыта, потом в три часа там можно заниматься студентам после уроков, потом в шесть там начинают заниматься охранники и редко туда водят проституток. Три часа можно качаться три раза в неделю. Я стал туда ходить. Я не был особо здоровым, но было стремление подкачаться, нарастить немного мышц. Была такая мысль: «Вот, сейчас я вешу 65-67, если бы мне весить 90, я бы мог с одного удара хача или гука вырубать, было бы охуительно весело». С этой мыслью я стал качаться.

Потом думаю: «Есть груша, надо грушу колотить, если удар поставить, и набрать вес хотя бы до 80, то уже шансы на победу в драке значительно улучшаются». Стал туда ходить тренироваться постоянно, заниматься. А каждый раз, когда идёшь домой после тренировки, время уже не как обычно 2-3 часа, а 5-6. Китайцы как раз идут домой в общежитие, одного ёбнешь, второго, потому что злой, морфины выделяются, адреналин. Регулярное акционирование плюс физические нагрузки…

***

Поехали мы как-то с Лёхой на ВДНХ, лазили там, искали магазин спортивного питания. Как-то забрели в армейский магазин, смотрим, там нашивки продаются.

- Лёха, давай себе купим с российскими флагами.
- Давай.

Купили нашивки, приехали домой, на рукава бомберов нашили, у него — чёрный, у меня — серебряный. Нашивки одинаковые, почти бригада. Не очень мы тогда понимали, что российский флаг — это не совсем то, что должны носить скинхеды. Понимания не было, но было желание защищать свой народ, поэтому ходили с флагами.

А вот, с девчонками где гулять, это был вопрос. Потому что в кафе сходить — денег нет, а по улице ходить — холодно и тоскливо. Как-то я поехал с девчонкой одной в «Детский мир». Красиво, интересно, можно игрушки позырить. Ходим, ходим, зашли в спортивный магазин, я начинаю интересоваться, какое есть спортивное питание, протеины, креатины. Консультант говорит:

- Если тебе надо вес набрать, массу нарастить, я могу тебе помочь.
- А чем?

- Есть такая тема — метан, мышцы будут расти лучше.
- Сколько стоит?
- 300 рублей.
- На сколько хватает?
- На месяц.
- Давай попробуем.

Купил упаковку метана, очень интересно. Через пару недель заметил, что силовые выросли и веса я набрал пару килограмм. «Так, нормально». Работает. Лёха тоже в итоге купил метана, ребята тоже стали просить, чтобы я им достал. Что делать? Приходилось пару раз в неделю в «Детский мир». Там магазин был - «Мир спорта», консультанты барыжили метаном. Ездить одному скучно, берёшь девчонку, анаболики забрал, и можно немного походить с ней, погулять. Плюс, что хорошо? Там всё дорого стоит, поэтому просить что-то купить они не будут, соответственно, можно спокойно там шароёбиться.

Л

***

Как-то в субботу собрался идти на «Нескафе», пиздить репаков, но опоздал, и вышел уже после того, как сборы у «Молодёжки» закончились. Выхожу на полном палеве, думаю: «Так, где мне скинов-то искать? Пойду сразу на «Нескафе», они уже там по-любому, что делать». Иду, и у Крылатских холмов вижу группу, человек 15. Ребята стоят, видно, что агрессивные, что-то ждут, значит бритые. Зиганул им, подошёл, со всеми поздоровался.

- Ты кто? Откуда?
- Я местный, сейчас буду репаков пиздить. А вы?
- Мы с разных районов, тоже приехали ебашить гондонов.
- Ну пойдём.
- Пойдём, куда идти-то?
- Я сейчас объясню, пойдём вместе.

  Они что-то остановились во дворах.
- Сейчас мы водочки выпьем для храбрости, потому что там много реперов, будем драться.

Уже бинты наматывают, цепи достают. «Водку пьют, шакалы». Хрен с ними, пойду поищу ещё своих, с этими мне не нравится, они собираются вдесятером прыгать на всю тусовку, пьяные, на нескольких тысяч.

- Ладно, ребят, вот туда проходите, там фестиваль, я пошёл домой, - хуйню какую-то сказал, надо от этих свалить.
- Да ладно, давай с нами, водки выпей, не ссы.
- Вы заебали, я на полном палеве хожу и не ссу, мне надо по делам отойти.
- Нет, нихуя! Пойдём с нами.
- Хрен с вами, уговорили, пойдём сразу и прыгнем.

Идём, кто-то мне рассказывает, как он сильно ненавидит реперов, и тут: бац! Удар по затылку дубинкой! Что такое? И они начинают меня пиздить толпой. «Блядь! Это, наверное, реперы переодетые в беспалевное!». Начинаю во все стороны кулаками махать, но мне повезло. Я прижался к машине, а на «Шеллисах» у меня были мои любимые свинцовые кастеты, бью по ногам. Один свалился, другой орёт что-то. Третьему по ебальнику зарядил, вырвался из толпы, образовался завал.

- Что, суки? Реперы переодетые что-ли?
- Блядь! Это ты репер переодетый!
- Не пиздите, гондоны, идите сюда по одному!
- Давай раз на раз!
- Какой раз на раз? Охуели что-ли?

Вытащил ножик, они — свои дубинки, цепи. «Блядь, какое палево!».

- Мы — скины, а ты — репер переодетый!
- Вы — гондоны, а не скины, идите сюда по одному!

Приняли они меня за репера. Как им, дебилам объяснить, что я не скаут реперский переодетый. Они орут:

- Блядь, не бывает таких скинов, чтобы шли на акцию в таком палеве, ты специально нас заманиваешь, чтобы ёбнули нас!

Перекрикивались с ними, в итоге говорю: «Ладно, что вы ссыте, пойдёмте туда вместе!». Пошли вместе, спускаемся с ними с горки, вниз. У меня башка кружится, потому что меня уебали железной трубой по затылку. Тот, кто бил, извинился:

- Ну ты понимаешь, во-первых, водку отказался пить, это уже подозрительно, сам пойми. А, во-вторых, ты ещё и свалить хотел, мы и подумали, что шпион. Потому что не пьёт, да ещё и свалить хочет от правых парней, засланный казачок.
- Блядь, это вы — дебилы. Нахрена нажрались?

Разговаривали, пришли на «Нескафе», там ещё толпа народа. Меня мутит. Повезло тем, что приехало несколько автобусов ОМОНа, они там стоят, разгружаются. Понятно, что сегодня ничего не будет, ОМОНа очень много. Свалил я домой, отлежался. Воспоминания остались не очень радостные…

***

В понедельник пошёл в зал. Покачал грудину, пошёл боксировать в соседнее помещение, там два зала, в одном — тренажёры, в другом — груши. Захожу, боксирую с пареньком, он нормально дерётся. Единственное, что я помню: он очень плотно прижимал правую руку к подбородку, махал только левой.

- Ты что-то замышляешь?
- Да нормально всё, нормально.

Бил только левой, сам пропускает немерено, но правую руку не убирает от подбородка. В итоге я про неё забыл. Очнулся я потом в раздевалке уже. Не могу понять, что я там делаю. Оказалось, что скушал я неплохо в челюсть и потерял сознание, упал еблом в пол. Меня отнесли в раздевалку без сознания. Я провалялся минут 10. Потому что сотрясение мозга в субботу и нокаут в понедельник сделали ситуацию. Там подходит ко мне тренер по физкультуре, он же тренер по боксу.

- Максим, ты в порядке, доедешь до дому?
- Да, доеду.
- Может тебя проводить?
- Не, у меня нож есть.
- Отдай сюда нож.
- Не, не отдам. Вы у меня его украдёте.

Поехал домой, в итоге неделю валялся с сотрясением мозга, не мог даже неделю ходить в колледж. Хоть какая-то польза от этого случая произошла.

М

***

Тренер в зале предложил как-то на руках побороться. А поскольку у меня батя одно время армрестлингом занимался и занял 2 место по Москве - то я решил тоже попробовать, вроде руки сильные, и, выступив на чемпионате колледжа по армрестлингу - выиграл его.

Хорошо. Тренер предложил мне поехать на городские соревнования среди колледжей. Поехали. Это было на «Пражской». Категория у меня была «до 71 кг». Я подумал: «Надо немножко похудеть, тогда я попаду в категорию «до 69 кг», там и выиграю». Неделю худел, жрал только протеин. Когда мы приехали на соревнования, я взвесился, оказалось 69

кг 200 грамм, и, вместо того, чтобы быть самым тяжёлым в категории «до 69 кг», я оказался самым лёгким в категории «до 71 кг». К тому же, измождённым. «Уродливые весы дома, кривые, блядь!». Если бы я знал, что у меня кривые весы, то я бы сгонял вес интенсивнее, потому что, когда не хватает 200 грамм, это очень обидно!

Записали. Я смотрю: участники соревнований — в основном молодые парни, худые, из колледжей. И среди них выделяется толпа чурбанов, человек 20, с бородами. Блядь, откуда у 11-классника, учащегося колледжа, борода? Гондоны, они просто с гор слезли, мозгов нет, пока закончили школу, там 20 лет, пока колледж — 25. Хрен с ними. Снимаю бомбер, у меня — здоровый кельтский крест на груди, сразу джинсы закатал, подтяжки спустил, хожу, смотрю на них злобно, они косятся, видно, что бесятся, но не проявляют агрессию. А у нас команда — 5 человек от колледжа, скинхед — я один. Вышел. Первая схватка, выиграл. Выиграл, и, естественно, «Зиг хайль!» заорал, зиганул. Мои ребята похлопали. Потом — следующая схватка, выходит чурбан, сам — веса моего, но ростом чуть ли не на голову ниже. «Ух ты, скотина! Если на голову ниже, значит руки короче». И борода. Гондон, взрослый, маленький - обидно чурбану проигрывать. Беру за руку и понимаю, что кисть у него слабая, вроде бицепс есть, но кисть слабая. Появляется надежда.

- Don' move! Ready! Go!

Смотрю: гондон прямо сделать ничего не может! Бицепс нормальный, а кисть слабая, выломалась. Орёт. «Сейчас тебя всё равно сделаю!». Он аж двумя ногами упёрся в стойки. По сути, так делать нельзя, нависать, упираться. Но ему пофигу, он же чурбан. Орёт, проиграл. Побежал куда-то локоть водой мочить, у него что-то хрустнуло, я, естественно, заорал «Зиг хайль!» сразу. Следующая схватка через 40 минут, третья. Соревнования ведутся до двух проигрышей. Берусь с парнем за руки и понимаю, что шансов нет, если только у него реакция слабая. Берёмся.

- Don't move! Ready! Go!

Бам! Он в секунду положил меня. Я вроде напрягся, но там мотор какой-то. Ладно, будет схватка за второе место. Выходит парень, берёмся за руки, вроде ничего страшного.

- Don't move! Ready! Go!

И он меня прямо рывками такими: бам-бам-бам-бам! Раскачал меня, но у меня же сил больше! Отдаёт немного, вроде не совсем до конца, и со всей дури дёргает! Блядь, растянул сухожилие, пиздец больно! Проиграл, 3 место в итоге.

Дали медальку, диплом, поехал домой. Неделю потом не мог заниматься, потому что сухожилие пиздец болело. Рассказывал потом друзьям, что 3 место занял, всем хотелось побороться. Особенно хотелось побороться Гошану, проверить. И каждый раз, когда мы с ним проверяли, приходилось руку в холодную воду засовывать, пока не остынет.

Н

***

В спортзале колледжа с нами занималась девчонка, Соня, с крашеными в свекольный цвет волосами, с хорошей фигурой. Я её называл Софочкой, она на меня посматривала. А так как я учился нормально, она как-то ко мне подходит и говорит:

- Макс, ты что-нибудь в технической механике понимаешь?
- Я всё понимаю.
- А ты мне не поможешь сопромат решить?
- Да, могу.
- Давай ты ко мне домой приедешь, поможешь задачки по сопромату решить, мне тут задали курсовую, не могу разобраться.
- Ладно.

Не сообразил подвоха всего. Собрался в выходной, приезжаю. Встретила у метро, привела домой. Захожу, но что-то не то. Вроде нормально всё, но на стенах ковры непонятные, рога висят. Ладно, раздеваюсь. Сабля висит, бутылки с вином стоят.

- Ну что, давай сопромат решать.
- Не, пока садись на диван, давай посидим.

Села, «ля-ля-ля», рассказывает какую-то фигню. Я понимаю, что ей не интересно сопромат-то решать. «Ага, ладно, сейчас посмотрим». Мне неловко, я человек молодой ещё, чтоб сразу к делу приступать. «Что там с сопроматом?». Беру её курсовую, там написано: «Софья Собакия», что-то грузинское такое. Софья Вахтанговна.

- Это что?
- Моя курсовая.

Блядь, вот оно что! У неё папа — хач. Поэтому кинжалы там висят в коридоре, бутылки и ковры. Блядь, получурка! У меня там бутылки с белыми шнурками, сейчас папа её придёт, Вахтанг, меня кинжалами зарежет! Как я его дочку нерусскую драть-то начну? Кое-как я вырвался, вспомнил, что мне срочно надо рвать домой - и ретировался; таким образом, я спас свою

национал-социалистическую честь, и, может быть, даже жизнь.

О

***

Так как в колледже через меня уже много человек покупали анаболики, дошли слухи об этом до одного из качков.

- Макс, ты что, анаболики по 300 рублей продаёшь?
- Да.
- Нихуя себе, а почему ты в три раза накручиваешь?
- В смысле?
- Они же стоят 100 рублей за пачку метана.
- Я по 300 беру.
- Где берёшь?
- В «Детском мире».
- Ты что, дурак? Съезди во «Флекс», там по 100 рублей коробка и нормального качества.
- Где этот «Флекс»?
- Не знаю, где-то на «Петровско-Разумовской».

Объяснил примерно, как идти, там где-то во дворах будет магазин, где-то в подвале каком-то, сверху табличка - «Флекс». Ладно. Приехали мы туда втроём. Лазили, лазили, я, как обычно, на полном палеве. Смотрю: дворы, как и говорил человек, около метро, табличка «Флекс» и спуск в подвал. Спускаюсь вниз, понимаю, что это не магазин, а спортзал, там жарко, у меня очки сразу запотели. Зима была, с холода спустился, сразу: бух! Запотели моментом. Нихрена не вижу, там человек 40. Все заткнулись, на меня смотрят. Подходит тренер.

- Чем могу помочь?
- Магазин «Флекс джим» здесь? - а я понимаю, что голос хачовский, очки снял, всё равно нихрена не вижу.
- Нет, это соседний двор, обойдёшь, - объясняет.

Все сидят, молчат, обстановка напряжённая. «Что такое?». Очки протираю: ебать! Там полный зал чурбанов, борцов! И тренер-хач объясняет, как пройти к магазину. Я решил, что они ничего мне не решились сделать, потому что думали, что на улице толпа скинов, и эти скины скаута вниз отправили…. В общем, обошлось.

Ладно, пошли оттуда. Зашли в соседний двор, вот магазин. Спускаешься во «Флекс», там столик, за столиком стоит качок, и около качка куча покупателей с деньгами. Деньги дают, он выходит. Направо — спортивное питание, налево — спортивные

шмотки. За столиком сидит драгдилер, торговец стероидами. У него было вообще всё. Никто тогда не прятался, торговали открыто. Я смотрю: декабол, станабол, метаболил.

- Дайте мне метана пачку.
- 100 рублей.
- Дайте 5 пачек метана.

Пошёл купил ещё ведро протеина, и на сдачу мне выдали 2 бутылки энергетика. Я не знал, что за энергетик такой. С ребятами разъехался на «Петровско-Разумовской», с ведром протеина еду домой. Одну бутылку энергетика я успел выпить в метро, стою, вторую пью. Раз, чурбан заходит. Блядь! Чурбан зашёл, надо его уработать. Подхожу, не говоря ни слова, бью его кулаком в челюсть, он падает. Бью два раза ногой в голову, хватаю ведро с протеином пятикилограммовое и выскакиваю из вагона на «Боровицкой». Смотрю: негр какой-то, я его плечом бортанул, «сука черножопая!». Дальше иду, нормально. Какой-то адреналин появляется, интересно. Девчонка идёт. Подхожу.

- Вы знаете, одной довольно страшно ходить, тут лица кавказских национальностей, может вас проводить?
- Да, давай, ля-ля-ля.

Познакомился, на станции «Молодёжная» ещё одного чурбана встретил. Я ему вдогонку дал пендаля, показав ножик, он убежал. «Вот это нихуя! Вот это я доехал!». И тут я понимаю, что что-то у меня очень уж адреналин в крови повышен, до такой степени, что избить всех охота. Потом я понял, что это всё из-за того, что я выпил две бутылки энергетика подряд, я прочитал состав на одной, что там кофеин, гуарана, таурин – всё это повышает нервную возбудимость. Хорошее средство, буду периодически употреблять.

Пришёл домой, занёс этот протеин. Получилось так, что в то время мама у меня попала в больницу с астмой. Мама в больнице с астмой, и следит за мной с сестрой только папа. Он, естественно, нам супы никакие варить не будет. Увидел у меня протеин.

- О, где взял?
- Купил.
- Так я тебе деньги-то давал на что-то другое.
- Да.
- Только его жрать будешь?
- Да, только его.
- Ты не сможешь столько жрать.
- Давай поспорим.
- Давай.

В итоге я поспорил с папой, что в течение месяца я буду жрать только протеин. Поспорили на ещё одно ведро протеина. Если я буду жрать что-то ещё, то я проигрываю и денег на протеин он мне не даст. В течение этого месяца я жрал только протеин, держался изо всех сил. В колледже, да, я там отнимал у китайцев деньги и покупал хот-доги и общечеловеческую еду. Но дома питался исключительно протеином, держал марку. Рельеф на пузе появился, мышцы подросли.

П

***

К Ольге, девственнице из группы, приезжали её знакомые из Нахабино, двое, несколько раз. Одного звали Лаврик, второго — Лапа. Приезжают, «Ольга, привет, что, как?». Увидели нас, на палеве одетых.

- Парни, правые, да?
- Да. Все скины, бритые.
- А что, может кого-нибудь отпиздим?
- Может и отпиздим.

Смотрю на них: дрищи, по 15 лет, мелкие. Разговариваем, надо узнать, кто такие. Один спрашивает:

- Вы Ольгу-то ебёте?
- Нет, она же целка.
- Кто целка?
- Да она, Ольга!

Смеются:

- Она дура просто, мы с ней каждую пятницу нажираемся в говно, потом мы её ебём вдвоём, а она ничего не помнит. Или притворяется, что не помнит, но ебём мы её регулярно, во все дыры. Каждый раз она очень довольна и опять напивается. По умолчанию договор, что ничего не было, хрен её знает, память отрубает может?

Лишний пример того, что нельзя злоупотреблять алкогольными напитками, и вообще лучше их не употреблять никогда. Так как Лаврик с Лапой — дрищи, то ехать с ними никуда не хочется. А они постоянно доёбываются. Стоим мы как-то во дворе.

- Поехали, кого-нибудь завалим в электричках.
- Да не, вот смотри: там репер стоит, давай его валить.

Там хач-репер, маленький, жирный, в трубах, рожа мерзкая, весь в угрях, идёт, переваливается, очень крутой,

просто донельзя.

- Вот идите, дайте ему пизды.
- О, сейчас мы его уработаем!

Заходят за угол, за ним, мы стоим. Потом через полминуты заворачиваем за угол вчетвером, они уже его пиздят. Прыгают на нём, ногами бьют, он закрывается, орёт:

- Пожалуйста, не надо! - увидел нас, - Ребят, помогите! Ну что-ж вы делаете-то? Что творится-то такое?

Проходим мимо. Не доходя до второго этажа, остановились, смотрим, они его добили, собираются бежать. «Ну давайте, парни». Они убегают, хач поднимается (они его пожалели). «Ещё раз тут, суки, появитесь, я вас, суки, уработаю, зарежу!». Они сразу возвращаются. Хач начинает ломиться мимо нас.

- Ну ты что толкаешься, не видишь — тут люди тоже стоят, подожди, не ломись. Сейчас мы тебе дадим пройти.

Но не успели дать пройти, Лаврик с Лапой его догнали, начали бить тяжёлыми ботинками, сбросили с лестницы, прыгают по голове. Здесь они уже были по-настоящему злые, потому что он говорил им гадости, сломали ему руку, челюсть. Тут сверху спускается наша классная руководительница.

- Ребята, вы что? Смотрите, драка! Милиция! Мальчики, вы что?
- Помогите, на помощь! - это мы уже орём.
- Дайте мне пройти!
- Дайте пройти, хулиганы! - поддакиваем учительнице.

Парни уже понимают, что надо сваливать. Что учителя уже не могут прорваться, там толпа студентов ломится, а мы их сдерживаем, чтобы не мешали репера бить. Убежали парни. Хача отнесли в кабинет медсестры. Нас, естественно, к декану.

- Зачем избили?
- Мы не били, мы призывали к порядку.
- Как призывали?
- Мы не били, мы кричали, что не надо бить.
- Не били? - классной руководительнице.
- Не, не били, они кричали, что не надо бить, но могли, конечно, вмешаться. Ребята-то здоровые какие.

Классная руководительница была святая простота, конечно, поэтому она нам поверила и нам всё сошло с рук. Она выступила за нас, сама сказала, что мы заступались за чурбана…

***

Лаврик и Лапа уговорили нас как-то акционировать в метро. Поехали, стоим в вагоне. Я им:

- Ну давате, вон гук стоит, подойдите, ёбните.

Подходят, начинают бить. У меня сестра бьёт сильнее. Ладонями по плечам, пощёчины какие-то. Он стоит, отбивается от них. «Да что за хуйня такая?». Ничего не могут. Быстрым шагом иду через вагон и получилось так, что в прыжке схватился за поручень и ударил ему ногой в челюсть. Он сразу падает на колени, тут же подбегает Лёха, бьёт ногой в переносицу, у него что-то ломается, хрящ, и кровь льётся. Мордой в пол в вагоне.

- А вы, что хернёй занимаетесь, гладите его, сделать не можете нихера.
- Да вот...
- Ну прыгайте на нём! Что стоите?

Они давай прыгать. На «Речном вокзале» вышли, перешли на другую сторону платформы, постояли там, подождали поезда. Сидим, довольные.

- Нормально отакционировали, по домам.
- Не, а как пивка попить, надо же?
- Всё, хватит с вас, пиво ещё пить. По домам!

Разъехались. Так я понял, что с Лавриком и Лапой акционировать — это, практически, заниматься благотворительностью. Делать они ничего не умеют.

Р

***

Частенько у нас в охоте на копчёных — так мы называли вьетнамцев и китайцев — начали происходили сбои. Почему? Вот мы идём толпой из 4 человек, идёт косой, он видит нас, разворачивается и убегает. Там общага рядом, косые знают скинхедов, их внешний вид был описан, слухи ходят. А мы беспалевностью вообще не отличались. И сбои стали случаться всё чаще и чаще. Косые стали убегать. Но мы же белые люди. Проявили тактическую хитрость.

У колледжа стоял дом, косые ходили с обеих сторон, дом можно обойти и там, и там. Видим: идёт гук. Я, как самый молодой, длинноногий и политически грамотный, обходил дом и заходил гуку с тыла, остальные шли прямо на него, мы брали его в клещи. Я уже подходил сзади, ему убежать некуда. Если пытается убежать — я его срубал, если нет, то «деньги давай». Деньги косые носили обычно в пиджаке в нагрудном кармане,

но такое ощущение, что они клали туда какую-то маленькую часть этих денег, потому что мы с Лёхой никогда не могли сорвать куш более 300 рублей на рыло, больше не получалось никогда вообще. Хотя охотились регулярно.

Один раз, познав о наших финансовых мероприятиях, младший брат Лёхи, со своими двумя дружками, тоже решил приехать и обувать косых. Приехал, и прямо первый косой, которого они обули, отказался платить деньги. Они дёрнули нагрудный карман из пиджака, там оказалось тысяч 20. Лёхин брат сразу купил себе Sony Playstation, а два друга брата сняли проститутку, после чего у обоих закапало, и все оставшиеся деньги они просадили на лечение! Мальчики желали продажной любви, чего делать не рекомендуется, хотя бы из соображений экономии.

С

***

Перевели нас в бассейн, в спортзал мы больше не ходим. Бассейн на «Щукинской». Надо ехать на трамвае, приезжаешь, раздеваешься, там девочки-первокурсницы плещутся. Нырнёшь и смотришь на девочку под водой. Девочка же плывёт, как собака, нос высунула, голову не опускает, а ты можешь под ней проплыть, посмотреть, за сосок щипнуть, и в целом - проводить с ней спортивные мероприятия. Так как я и Лёха в спортзал ходили, не курили, оба занимались плаванием, то к соревнованиям мы подготовились вполне.

Мы выбрили на ногах свастики. Спереди, на бёдрах. Чтобы видно было, что спортсмены из одной команды. Лёха занял первое место, потому что хорошо вошёл в воду рыбкой. Я занял второе, потому что рыбкой я в воду входить не умею. У меня это криво получается. Наградили дипломами, хлопали нам в актовом зале. Это сыграло свою роль, несколько девочек проявили интерес.

Потом началась строительная практика, она заключалась в том, что мы должны были делать ремонт в колледже. Раздавали помещения, кому-то надо было потолок покрасить, кому-то перила починить. Нам достался мужской туалет на втором этаже. Мы должны были отштукатурить его, покрасить краской. Понятно, что одежда у нас была специальная, «строительная», то есть вся разрисованная свастиками. У меня были джинсы со свастиками на коленках, майка у меня была со свастикой на всю спину. По колледжу так и ходил…

Как мы работали в туалете? Прежде всего, мы начали

штукатурить стены тоже свастикой. Взяли, сделали на всю стену объёмную свастику, метр на метр. Я потратил минут 45 только на то, чтоб слепить, потом заштукатурили, в течение суток она у нас сохла. Мы поштукатурили ещё что-то, чтобы не так бросалось в глаза, что мы делаем скрытую агитацию. Потом покрасили краской, и вроде нету её, но если посмотреть внимательней - её видно, нормальный рисунок. Так что и сейчас она в колледже существует на стене. Понятно, что пришла заведующая практики. «Ребята, что вы делаете-то? Разговаривала с вами же, что за люди?». Мы объяснили, что «мы такие люди, извините».

***

В группе была дедовщина, как без этого? Мы же те самые фашиствующие молодчики, о которых в телевизоре говорят. Надо соответствовать…

Все знали, что у нас была бригада, что мы пиздим гуков на переменах, поэтому зачем как-то дерзить нам? Обычно никто и не дерзил. Например, хотим мы поиграть. В группе нашей было два толстяка: Ваня и Саша. Ваня — мясной фанат, типа хулиган, но на самом деле — кузьмич. Саша — старше нас, лет 25, он сбежал из Азербайджана в плане репатрианта, потому что там стало жить невозможно. Эти толстяки весили килограмм по 120. Мы их хватали за руки и дрались толстяками. Они были ватные такие. «Ну ребята, не надо, что вы делаете?». Пузами их сталкивали, очень весело было.

У нас в группе был парень, Андрюша Ромах. Он был конченный Лох, в самом прямом понимании. Он был крайне неагрессивный и глупый. Как-то произошёл случай: на первой паре я ему закинул в трусы жвачку из-под парты, у него джинсы оттопырились как у всех ботаников. Он что-то сказал, что «ты дурак» и дальше сидит. К концу 4 пары я об этом вспомнил.

- Ромах, а ты жвачку-то из трусов вытащил? - а вся группа сидит, молчит, наблюдает. Он руку засунул в трусы, ковыряется, ковыряется, достаёт, и такой:
- Я в тебя её сейчас кину, Марцинкевич.
- Только попробуй, - и нож достал. Он её сразу под парту приклеил снизу:
- Ну ты полный придурок.

Тут весь класс просто лёг, чуть не умерли. «Полным придурком» меня звали все девчонки ещё неделю. У Ромаха

был друг — Таранцов, тоже Андрюша. Мы даже придумали стих:

Два Андрюши вечерком,
Пряли поздно под окном,
Говорит один Андрюша:
«Как бы я тебя отдрючил»,
«Ты отдрючишь, спору нет,
Только сделай мне минет!»

Эти стихи мы декламировали на уроках. Ещё у нас был хохол по фамилии Тутук. Он был постарше нас, довольно глупый, но наглый. Ему скажешь:

- Ты — дебил!
- Ты сам дебил!

А сделать-то ничего не может. Подходишь к нему, хрясь по уху! Или пенделя дашь, или стул отнимешь. Так как он поддавался на провокации - то был жертвой провокаций постоянно. Раз в месяц ему стабильно кто-то бил по ебалу, хотя он был не самый слабый - видимо, такая судьба. Про Тутука мы тоже сочинили стихи:

Несут, хоронят,
Плачет мать-хохол,
Отняли сало во дворе,
Сало сожрали, отрезали ножом,
Суки, пытали за сало пацанов.

Мы тогда от «Коловрата» фанатели, переделывали песни. Потом переделали песню «Не покупай у чурок». А мы сделали «Не продавай скинхедам».

Сегодня скинеду ты нож продаёшь,
А завтра в канаве ты брата найдёшь.
Не продавай скинхедам!
Не продавай скинхедам!
Не продавай скинхедам!
Ничего не продавай!

Это всё весело происходило. Как-то пошёл я купить себе пожрать что-то во время практики. Взял палочку, пошёл. Смотрю: Лёха с Гогой грабят косого. А мне как раз деньги были нужны, я для этого палку и взял. Подхожу, хрясь по ляжке! Сзади. «А-а-а!», завыл, сразу деньги отдал. «О, Макс, спасибо, а то он говорил, что денег нет». Мы пошли сразу, купили пожрать. Через 20 минут подъезжают Лаврик и Лапа, два дрища. Опять давай всех на бузу поднимать:

- Ребята, давайте косых валить! Пойдём акционировать!
- Ребята, вы заебали, - потому что известно, что они дрищи, могут только провоцировать.

Я ушёл, сожрал булку с молоком, которую купил. Возвращаюсь, смотрю: Лаврик поймал какого-то косого. «Давай, иди сюда!». А косой поднимает доску метровую с земли, начинает махать. Лаврик отскакивает, руки расставил: «Давай!», типа на чистых руках. Понятно, что шансов у него нет, потому что он весит килограмм 65, при том, что ростом он на пол-головы выше меня, дрищ дрищём. А китаец машет доской так, как будто там шалый какой-то. Я подбегаю, Лаврика в сторону отталкиваю, «ну-ка пошёл вон отсюда», а у меня только ботинки на ногах. Этот китаец палкой машет, и хитрый удар: вижу, мне палка летит в голову. Я руку подставляю, доска переламывается в самом основании у него, стоим один на один и китаец без аргументов уже. «Что, сука?» - и ногой ему в пузо. Китаец падает на коленки, на коленках побежал в сторону общежития, я палку схватил и за ним погнался. Раз! Ему палку в жопу бросил, бегу. На ходу поднимаю, второй раз в спину, третий, в сифака играем! Люди все ржут, это довольно весело было. После этого я понял, что не все китайцы — каратисты Шаолиня, если даже каты показывают. Он реально в полуприсяде, ноги расставил, шух-шух! Палкой крутить начал, звуки Брюса Ли один в один имитировал, страшно. Но, оказалось, что он всё равно нихера не умеет.

Б

Уже 1 сентября я заметил, что скинов в колледже стало намного больше, чем было на первом курсе. Если в первый день моей учёбы нас было 3 человека, то сейчас стало человек 20. Кто-то раньше был просто фанатом, кто-то никем не был - но здесь уже все ходят, кто джинсы закатает, у кого подтяжки спущены. Полное палево. Это не может не радовать, пропаганда налицо. Нас с Лёхой, Сипычем и Гогой постоянно видели, мы были на виду, мы несли пропаганду национал-социализма в массы путём террора и избиения, и, таким образом, количество участников скинхед-движения в колледже заметно увеличилось.

Опять к нам приехали Лаврик с Лапой. Уговорили нас ехать хачей валить, надоело косых пиздить.

Это был длинный день. Прогулка. Как обычно, пятница, можно погулять подольше. Мы сели в метро, едем.

Началось с того, что в вагоне сидит какой-то косой. Подхожу. «Что ты сюда, сука, приехал?». Он меня хватает за олимпийку - я был в олимпийке, голубых джинсах, ботинках с белыми шнурками – и орёт:

- Я здесь живу больше тебя!

Больше он сказать ничего не успел, потому что я вырвался и начал его пиздить; он повалился на сиденье, я стал прыгать на нём ногами, держась за поручень, остальные добивают. Люди, как всегда, разбежались по вагону. Если вагон забит был, то тут метра на 4 вокруг место сразу нашлось свободного пространства. Отлично. Забили косого, выскочили на «Белорусской», едем дальше.

В вагоне сидит хач, посылаю Васю до него доебаться. Васю, на самом деле, звали Игорь, но он был настолько лох, что Игоря звали Васей. Надо доебаться и начать драку.

- Э, хач, ты что сюда приехал?
- Я — не хач. Я — еврей.
- А ты шиит или суннит?
- Я — еврей, я тебе повторяю.

Вскакивает и выбегает из вагона, двери были открыты. Успел получить пенделя и убежал.

- Блядь, Василий, кто-ж так делает, бездельник?

Доехали до «Киевской», а я плавно еду так, чтобы с ними не кататься. То есть от «Сокола» до «Белорусской», чтобы мне доехать до «Крылатского». Садимся в вагон. На «Александровском саду» заходит в вагон хач. Чисто армян, в кожаном плаще, с сумкой, килограмм 120. Надо его въебать.

Поезд тронулся. Мы что-то думаем, где его въебать, на выходе или тут. В итоге, проезжает поезд, проезжает по мосту через Москва-реку, виден Белый дом, всё красиво, светит солнце. Я стою прямо перед этим армяном.

- Макс, давай!
- А ну-ка! Давай-ка! Уёбывай отсюда!

И ногами ему: бац! Чурбан закрывается, я встаю на него и бью ногами в ебло. Но, так как здоровый, смог вскочить и забежать в толпу. Но, из толпы он орёт, чтобы ему отдали сумку. Там сумка его была и пакет.

- Отдайте сумку!
- Иди сюда, черножопая сволочь, я тебя сейчас изобью!

Вместо него выходит другой хач, тоже здоровенный.

- Ты охуел что-ли, нацист? Иди сюда, рэзать буду!

Я вижу, что резать он не будет, ножа нет. Берусь двумя руками за поручни, бью ногами в грудь. Он схватил меня за ноги, повалил на сиденье и корпусом придавил.

- Щас рэзать тэбя буду!

Блядь, сука, резать ты будешь! Гондон!

У меня шапка на глаза наехала, очки съезжают, как бы не сломать очки. Держит крепко, а я пытаюсь снизу в челюсть попадать кулаком, но замах слишком маленький, не получается. Он пытается головой меня бить, но без замаха, но всё равно - сильно получается, как так? И тут смотрю: он совсем обмяк. Потом мне стало понятно, что мои друзья били его в затылок, от чего он клевал меня носом. Он теряется немного, поплыл, я встаю, вырываюсь и прямо сходу ботинком в челюсть: бам! Зубы вылетают, кровища, белая рубашка в крови.

- Сука, я тебя зарежу!
- Иди сюда, гондон.

И снова ему по ебалу. Здоровый хач попался. Подъезжаем к «Киевской», драка длилась не так и долго. Стоим на платформе, поезд никуда не едет, съёбываем из вагона. Выскакиваем, одни в одну сторону, другие в другую. И менты бегут по платформе. «Так, проще мне притвориться, что я чисто случайный пассажир». Я пакетик размотал, очки и шапку поправил. И стою, типа жду поезд. Василий решил бежать, хотя, Василий вообще никого не бил. Его менты моментально поймали, потому что он побежал навстречу ментам зачем-то. Начал вырываться, его бьют по ногам дубинкой, он орёт: «Отпустите, мне домой надо!». Думаю: «Ну ты придурок!». Тут выбегает этот хач, начинает в меня пальцем тыкать:

- Вот это вот фашист, вот главный у них!
- Что произошло? - менты сразу подошли.
- Я не знаю, вот драка была. Я никого не бил.
- Почему куртка порвана? Почему руки и штаны в крови?
- Я разнимал просто.
- Нет, он — главный! Он бил! - подбегает какая-то баба: - Я — адвокат, он — фашист, он «Зиг хайль!» орал! Я всё видела, он бил ногами людей, заберите его и посадите в тюрьму.
- Нет, вы перепутали, я никого не бил.
- Ладно, пройдёмте с нами. Вы — потерпевший, вы — свидетель.
- Слюшай, отпусти! - хач сразу заднюю включил, - Я его пожалею первый раз, он исправится.
- Нет, сейчас всё оформим, давайте ваши документы, - при этом менты держат меня. Хача не держит никто, и он сразу срывается, потому что у него документов нету, в России находится нелегально. Испуг на лице виден сразу. Остаётся одна шлюха.
- Я — адвокат, я — свидетель, я всё видела.
- Давайте ваши данные, будете свидетелем.
- Не, я сейчас убегаю, вот визитку возьмите.

И уходит. Два мента держат Василия, два — меня. Ведут в отделение. Приводят. «Вот эти двое дрались, они нацисты». И уходят! Милиция не понимает. «С кем дрались?». Нам начинают говорить о вреде нацизма.

- Нет, мы — не нацисты, мы просто из колледжа ехали.
- Нет, вы — нацисты, дайте сюда тетрадки.

У Василия тетрадки простые, вроде не нацист. Мои тетрадки смотрят: нацист. Всё свастиками изрисовано, «Россия — для русских!», как положено.

- Вы друг с другом дрались?
- Нет, мы не дрались.
- Нам сказали, что вы дрались, как объясните?
- Как мы можем драться? Мы — знакомые, в одной группе учимся.
- Какой колледж?

Василий называет свой, я называю свой. Группу называю на ухо менту. Очень хитрый мент понимает, что мы из одной группы, не дрались. Василия отпустили, меня оставляют, как нациста.

- Вот, у тебя — белые шнурки, свастики в тетрадке…
- В тетрадке кто-то нарисовал, я не знаю. А на ботинках чёрные просто порвались, я белые вставил.

Менты смеются:

- Да, конечно...
- А лысый я потому, что в бассейн хожу, плаваю. Меня перепутали с кем-то, со свастиками я не знаю, что делать, кто-то нарисовал.
- Наверное, действительно, да. Ты подумай, раз нет ни одного нацистского государства в мире, то нацизм — это плохо. Понимаешь?
- Конечно, понимаю.
- Давай, счастливо.

Отпустил меня глупый мент. Выхожу: Василий выглядывает из-за колонны.

- Ну что ты? Даже пизды никому не дал?
- Не дал...
- Поехали.
- Поехали.

Спускаемся по лестнице, я его всё укоряю.

- Что-ж ты никого не ударил даже? Кто так на акции ходит?
- Блин, ну сейчас ударю.

И идёт какой-то хач навстречу. Василий начинает бить этого хача ногой в живот. В двух метрах от Василия стоит мент, который нас забирал, смотрит, и не может понять, что это за хуйня? Он только что нас забрал в отделение, а Василий бьёт хача ногой! Хач от него отбегает, я Василия за шкирку хватаю.

- Блядь, пойдём отсюда, ты дебил! - менту: - Извините, так получилось.

Тот рукой махнул: «Да ладно». Раз тогда отпустили, то смысл забирать нет. Отвернулся. Мы ушли, я уехал домой, на тот день акции были закончены.

В

***

В колледже мы придумали с Лёхой новое развлечение. Отнимали у гуков газеты. Они шли, у них специальные газеты, там иероглифы на китайском, на вьетнамском, там фотографии белых девок, проституток. С телефонами. Были карты со схемами проездов, где что можно купить. Какая-то у них внутренняя жизнь в Москве, закрытая, тайная. Плюс там были какие-то статьи. Раз! Статья с фотографиями скинхедов. Надо узнать, что они там пишут про скинхедов. А как мы прочтём? Косой нам уже не прочтёт. Ловим следующего гука, даём газету.

- Читай!

- Я не могу.
- Почему?
- Это не мой язык.
- А чей это язык? Мой что-ли?
- Это китайский.
- А ты кто?
- Вьетнамец.
- Не понимаешь?
- Не понимаю.

Дали ему пизды. Ловим следующего. Он что-то начинает переводить. Я его — хвать на плечо! Понёс в колледж. Там — целая толпа скинов. Ставим в центр, даём газету, он начинает зачитывать.

«Учащаются нападения на наших сограждан, выглядят они вот так вот, это — скинхеды, нацисты. Они действуют группами, избивают, лучше не сопротивляться, отдавайте всё и целее будете». Дочитал, что с ним делать? Бить не стали, отпустили. Чинно и благородно.

Но это только с этим китайцем, потому что он был податливый, нам всё прочитал, объяснил, не показывал агрессии. Эту всю вещь видела одна антифашистка, она с нами училась и говорила гадости. Гадости она говорила потому, что я хватал её за сиськи, и поэтому же она была антифашисткой, потому что она была против этого. «Что вы, дебилы, делаете?», ещё какую-то гадость сказала. А она училась на архитектурном. Я подхожу к ней.

- Ну что, опять пропаганду разводишь?
- Зачем человека мучили, зачем приволокли?
- Сейчас будем с тобой проводить воспитательную работу.

Хвать её за сиськи! Но я был маленький, и руку не под кофту совал, а так, сверху, по рабоче-крестьянски. Очень зря, потому что у неё в руке был макетный ножик, она его приставила к руке.

- Убирай руку, а то сейчас порежу.
- Ты хоть режь, не уберу.

Хуяк, дёрнула ножом! «Гадюка какая!». Кожу содрала с руки.

- Извини, я не хотела.
- Ах ты, сволочь! Иди отсюда.

Расстроился. Это было первое в истории России вооруженное нападение антифашистки на национал-социалиста. Закончившееся кровопролитьем…

Г

***

В конце сентября кто-то из знакомых позвал меня на митинг Народной Национальной Партии.

- Что это такое?
- Это партия, нацисты, там Бус — один из главных, он сидел за то, что избил негра, морского пехотинца, очень крутая партия.
- Поехали. Что, когда, где?
- Сегодня вечером, на Горбатом мосту, у Белого дома. Не важно, за что, главное — что нацистский митинг.
- Поехали.

С нами — несколько мясных фанатов, человека четыре, и все скины из колледжа. Выходим из метро «Краснопресненская», нас встречает парень в чёрном пальто, голубых джинсах, повязка на руке. Объясняет, как пройти. Круто. Идём отрядом, подходим. Там стоит шеренга парней, все одеты одинаково, у всех — голубые джинсы, бомберы, нашивки, с флагами. Смотрится красиво, я в первый раз видел, чтобы скины так стояли, одетые в униформу, меня это уже впечатлило. Рядом стоит Партия Свободы. Те стоят, кто в лес, кто по дрова, кто-то пьяный уже. Вокруг ходят человек 30 скинхедов, беспартийных. И толпа старух. Одна из этих старух подходит ко мне, вцепилась ко мне в куртку двумя руками и говорит:

- Сынок, Путин у Собчака хуй сосал.
- Какой Путин?
- У Путина на лбу — рога, ты видел? Это рога, печать Сатаны. Он у Собчака хуй сосал, Собчак его президентом сделал. - «Ёб твою мать! Куда я попал?». Достаёт листовку. - Вот тут всё написано, он хуй сосал, запомни и всем скажи, что Путин у Собчака хуй сосал!

«Это пиздец! Куда я попал?». У меня паника. А все друзья куда-то слились, вообще все, ни одного рядом нету. Бросили меня на произвол судьбы. Минуты три бабка ко мне приставала, потом её внимание кто-то другой привлёк, она решила, что я достаточно завербован. А в это время мои друзья занимались важным делом. Мимо митинга шли, держась за руку, два молодых человека очень голубого вида. Спустились в переход около Горбатого моста, хотели перейти дорогу. Они за ними, догоняют, окружают.

- Что, пидорасы? Попались?
- Мы не пидорасы, мы с работы идём.

Сложили их друг на друга, настучали по головам. Прибегают. Штаны у одного в крови, у другого — рука разбита, но довольные. Время тогда было не опасное, никто сваливать не стал. Стоим, слушаем, как Сухаревский что-то вещает в мегафон, послушали. Митинг заканчивается. Старухи куда-то поползли вместе с Партией Свободы, а все скины колонной пошли с Народной Национальной Партией. Впереди — те, кто в форме. Сзади — те, кто просто пришли на митинг. Мне понравилось, дисциплина. Построили всех. Бус сказал какую-то речь, выразил благодарность всем, кто пришёл, похвалил за дисциплину. Особенно отметил, что как хорошо повели себя члены ННП по сравнению с Партией Свободы, которые пили прямо на митинге, что это не организация, а большой притон, и ребята в форме дисциплинированно промаршировали в сторону штаба. А те, кто пришли на митинг, то есть мы, пошли по метро погулять. По дороге поймали какого-то чурбана, прямо только спустившегося с эскалатора. Дико его забили ногами. «Ну и всё на сегодня». Я никогда не любил акционировать больше одного мероприятия за раз. Я спокойно слился, поехал домой. На этом закончился мой митинг, но началось знакомство с ННП, собственно, этим она меня и порадовала.

Д

***

Как-то у одного из скинов со 2 курса был день рождения, мы пошли во двор сидеть. Какие-то девки, парни, скинов человек 7, они несут уже еду, бухло, ещё что-то.

Мы с Лёхой отстали, решили ёбнуть гука. Идёт группа, человек 15, Лёха делает подсечку тому, кто идёт самым последним. Тот падает, я прохожу мимо и пинаю ногой в живот. Идём дальше. Косой вскакивает, начинает что-то орать, мы начинаем: «Давай, что ты выёбываешься?». Те 15 останавливаются, начинают возвращаться, и стоим мы двое и 15 гуков. Скины и девки стоят в 30 метрах от нас. «Ребят, пойдём». Но пойти уже нельзя, потому что если мы повернёмся спиной, нас начнут пиздить. «Нахера, Лёха, ты его пинал, если их 15?». Нам сейчас дадут пизды, я это понимаю. У меня, как обычно, пакет с учебниками в руке, очки, бомбер серебряный, штаны камуфляжные. Драться не очень-то удобно, но, с другой стороны, не притвориться обычными людьми, вид не позволяет. Они уже орут: «Фашисты, сволочи, милиция!». Просекли, кто мы. В этот день выпал первый снег, тонким слоем, красиво.

Подбегает какой-то гук, и Лёха сходу толкает его в плечо. Понятно, что драка началась, первый удар. Гуки прыгают вперёт, я отскакиваю назад, одновременно хватая первого гука за шиворот и бью ему по ебалу. Лёха тоже кого-то роняет ударом в челюсть. Начинаем драться. Драка длилась около трёх минут. Подбегает гук, хватаешь его, отскакиваешь назад, бьёшь по ебалу, снова отскакиваешь. Они весят столько же, сколько и мы, 65-70 кг. Но, при этом мы длинноногие, агрессивные и политически грамотные, да к тому же в тяжёлых ботинках. А они — пухленькие, жирненькие - что они могут? Один-два удара — косой лежит. Проходит пара минут, косые съёбываются. Я ору: «Зиг хайль!». Победа! Мы с Лёхой руки пожали, как охуительно мы косых въебали, у меня даже пакетик с руки не упал!

Я поправил очки, и этим ребятам, которые должны были нам помогать, но стояли в стороне - кричу: «Ну что, вы, блядь, задроты! Что, охуели? Что стояли, гондоны, смотрите как надо!».

Тут от метро бежит ещё 15 гуков, и к ним присоединились те, которых мы пиздили. Тут началось страшное, потому что вдвоём драться против тридцати вообще не реально. Здесь я помню, что косые лица мелькают. Удар! Упал. Удар! Упал. Они мне разорвали бомбер, молния разошлась. Под бомбером только майка и подтяжки. Одного гука бью по ебалу, он хватает за подтяжку. Бью ещё раз, он падает на колени, но не отпускает подтяжку. Меня окружают уже толпой. Я бью по еблу ногой, он падает, но я не могу вырваться. Со всех сторон — удары. Я падаю на этого косого, «надо им как-то прикрыться!», переворачиваюсь на спину и им прикрываюсь. Нас бьют уже обоих, «сука, сволочь, фашист, убивать!». Через несколько секунд его с меня сдирают, я лежу и меня долбят косые. Ремнями пытаются, ногами, и у ремней пряжки не заточены. За их спинами я вижу: ноги мелькают в голубых джинсах, это оказался Лёха. За ним где-то 10 косых бегали, он отбежит — положит одного, отбежит — положит. А другие 20 меня пиздили. Это мы потом у сторонних наблюдателей выяснили. Лёха мне ничем помочь не может, но и не убегает. Они его не могут завалить. Я в это время вытанцовывал на спине брейк-данс. Мозг уже смирился с мыслью, что меня убьют. «Ну давайте быстрее, хули вы дурью-то маетесь?». При этом тело не сдаётся и дальше отбивается. Через некоторое время я понимаю, что уехал довольно далеко от того места, где меня завалили, и бьют меня ногами только 4 гука. А я ещё в сознании и силы есть. Шанс появился. Встаю на ноги, трое

убегают. Мы остались один на один, я встаю в стойку. Бью по ебалу, он падает, ногой в живот, и на четвереньках съёбывается. «Что, суки? Зиг хайль!» И теряю сознание.

Через пару минут очнулся. Всё ебло разбито, лежу головой у девочки на коленях, девочка меня гладит, снегом протирает. Первокурсница. Идём, я рассказываю, какие гондоны и ссыкуны те, кто не впряглись. Они говорят, что впрягаться было бессмысленно, там 30 гуков, шансов не было. Мы с Лёхой чувствуем себя просто чемпионами. Идёт какой-то косой. «Блядь, никто его не трогайте, не трогайте!». Схватил, давай его долбить, он под машину залез. Сел на ступеньки, понимаю, что у меня спина повреждена, тошнит. Девочка меня погладить лезет, я понимаю, что можно с ней позитивное что-нибудь сделать, не то, что я бы хотел Ольге изменить - но мне было хреново, и я поехал домой.

Приехал домой, ещё хуже стало. Принял ванну, поспал пару часов. Просыпаюсь, понимаю, что вообще встать не могу. Спине пиздец!

***

После колледжа я любил смотреть телевизор. По ТНТ шло шоу «Титаны рестлинга». С Николаем Фоменко. Он очень весело озвучивал это шоу, все эти броски. «Ой! Как ему больно! Какой бросок! Ай! Перелёт через голову! Прыжки с канатов животом на ринг!». Естественно, что бои все постановочные, отрежиссированые, но подготовка охуительная, и некоторые приёмы я стал перенимать. Я научился человека забрасывать на плечо против его воли. Дальше что с ним делать? Как в рестлинге, бросаешь его в землю. Если его бросить в землю, то ему будет больно. Сначала я тренировался на друзьях, на сестре дома. Потом мы ездили купаться, в Рублёво, в Москва-реку кого-нибудь схватишь за плечо и бам! В воду! С размаху. Прикольно.

Как-то я так схватил гука. Хвать, и на плечо. Швырнул его в газон. Он ёбнулся, вскочил и убежал, оставив пакет. Прикольно. Решил, что надо сакционировать более радикально.

И вот, уже в другой день, идёт один гук. Я его — хвать на плечо! И со всей дури жопой об асфальт. Он упал и не встал, рожа красная, орёт. Прикольно, пнул его по еблу ботинком и убежал. А что будет, если гука уебать спиной об заборчик? Я где-то слышал, что татаро-монголы русских детей так убивали. Брали за ноги и спиной об угол избы. Позвоночник ломался. Смотрю: идёт косой.

- Стой!
- А? Что?
- Вон там, кто идёт?
- Где?

Я его на плечо закидываю, в руке пакет, он его не уронил. Поднимаю, и со всей дури — бам! Об забор спиной. Он держит пакет. «Ах ты, гондон какой». И съебался. Обежал дом и ушёл в колледж. В общем-то, это палевное мероприятие, но тогда я об этом совсем не думал.

Е

***

Осенью 2001 года состоялся один из митингов ННП «За национальное телевидение». После закрытия канала «ТВ6» решался вопрос, кому его отдать. И ННП предлагало на митинге отдать канал русской молодёжи. Русская молодёжь должна что-то вещать. Один из скинов колледжевских, по кличке Тонар, вступил в ННП к тому времени, после митинга на Горбатом мосту, он поехал в штаб и вступил. Он говорит:

- Ребята, поехали. Давайте митинг собирать.
- Конечно, поехали.

Подпрягли народу, человек 6. Двинули на «ВДНХ». Пока мы двигались от метро до телецентра, собралась толпа, человек 70. Менты стоят.

- Вы не пройдёте, тут всё перекрыто, ходить нельзя.
- Ладно.

Делаем 50 шагов назад, залезаем толпой в троллейбус, проезжаем мимо ментов, выходим на остановке перед телецентром. Митинг уже заканчивается, опоздали. «Да что-ж такое? Митинги закончились, не вовремя приехали». Едем обратно. Сидит репер. Широкие штаны, велика куртка ему, кепка на лбу, в наушниках. Я один наушник вытаскиваю.

- Слышь, а ты, что? Репер, походу?
- А, что такое?
- Давай сюда плеер!

Наушники выдёргиваю. Надо же доебаться? Моментом вырвали у него кепку, рюкзак забрали, плеер. «Хватит уже грабить человека, некрасиво». Дал ему по ебалу ногой. Его запиздили. «Сука, репер, гондон!». Выкинули его на следующей остановке, едем дальше в троллейбусе. Дальше заходит хач. Раз! Тишина такая. Двери не успели закрыться, он выскочил. Блядь! Не успели! Он съебал. На следующей

остановке опять хач заходит. И этот хач не понял всей глубины своей ошибки и остался после того, как двери закрылись. Били его до следующей остановки, минуты три, тело выбросили. Доехали до метро, спокойно разошлись.

«Вот это вот хорошая социальная инициатива». Потому что в этот раз меня не стал никто звать пиво пить, всё благородно. Почти что партийная дисциплина. Это меня очень сильно вдохновило.

Ж

***

Отношения у меня с Ольгой укреплялись. Становились более доверительными, близкими. Один раз мы сходили с ней в театр на Таганке, посмотрели «Мастера и Маргариту». Культурная и интеллектуальная программа, романтическая программа. Единственный минус — не было сексуальной программы. Не давала, девственница. Как-то надо было из этой ситуации выходить. Но, так как я её любил, как следует, я других девочек окучивать не мог. И навыков не хватало. Поэтому приходилось терпеть. Но становилось всё тяжелее и тяжелее. Я так понимаю, что от нехватки секса Ольга начинала звереть. Доходило до чего?

- Привет.
- Привет.
- А что ты таким тоном со мной поздоровался?

И всё. Час я объяснял, почему поздоровался таким тоном, что я в это время ел и не мог выразить всё восхищение и любовь в слове «привет», хотя я очень сильно по ней соскучился. Час-полтора, я мог нести такую хуйню, это было нормально. Мучился, мучился. Постепенно у меня стали расти навыки дипломатии. Если поначалу я злился и мог трубку бросить, то потом — переливание из пустого в порожнее, Ольга во мне этот навык развила. Я стал более подкован в этих делах.

Мы с ней продолжали гулять, я с ней приезжал на Карамышевскую набережную, ждал около остановки троллейбуса, мы ходили вдоль Москва-реки, иногда в Серебряный бор. Изредка, когда у неё не было никого дома, я приезжал к ней. И там мы целовались, обнимались, но до секса не доходило. «Я боюсь, не получается, не могу». Это было трудно и печально. Помню, погуляешь, отведёшь её домой. Обратно на остановку возвращаешься, ждёшь. Я всегда покупал пачку сухариков «Три корочки» с дымком. В рот кладёшь, обсасываешь, они вкусные. Похрустел, подойдёт

троллейбус 19-й, думаю: «Надо же гадиной такой быть? Хочешь же ебаться! Зачем геморрой устраивать?». Под эти мысли как раз кончается пачка сухариков, за 40 минут, пока не доедешь до Крылатского. В этих мыслях у меня практически проходило всё общение с Ольгой. Она меня постоянно злила и раздражала, но, в то же время, она мне очень сильно нравилась, и я сделать с собой ничего не мог. Приходилось терпеть.

На следующий день после того, как меня отпиздили китайцы, и я лежал с сотрясением мозга, сломанными рёбрами, смещёнными позвонками - я звоню Ольге.

- Мне тут немножко пизды дали, ты приезжай. Навести.
- Какого хрена, опять дрался? Теперь выздоравливай сам! - я трубку положил, через несколко минут перезванивает, - ой, сильно пострадал? Давай я приеду, проведаю тебя.

Что-то женское сработало, сволочность её отступила на время. Постоянная была война полов.

3

***

В конце концов я собрался вступить в ННП, долго раздумывал, стоит или нет? Потому что первым из колледжа в ННП вступил Гога. Но, так как Гога был распиздяем, который и на акции-то не на все ездил, а по выходным ездил бухать в свой город Королёв с какой-то алкобригадой - то у меня ассоциации были аналогичные с партией. Но, так как он постоянно раздавал листовки, газеты и постоянно говорил, какой охуенный мужик Кузьмич (Иванов-Сухаревский), как надо мне обязательно съездить с ним познакомиться, поговорить, он даст газеты, то я решил съездить посмотреть.

- Надо ехать во вторник.
- Во вторник Бус работает, его не будет в штабе.
- Что?
- Блядь, ну Бус заставляет меня работать там, говорит, что я ничего не делаю и распиздяй, ебёт мозги. Заставляет отжиматься, штрафы накладывает какие-то.
- Что он хочет, чтоб ты делал?
- Листовки раздавал, газеты продавал, книги. Ругается.
- Ты почему тунеядец такой?
- Ну, я в другой раз сделаю, потом. А Бус требует отчётности.
- Ладно, поехали во вторник.

Приехали после Колледжа, с нами парень по кличке Фюрер, тоже из Королёва, дрищ, в пальто, в тяжёлых ботинках, как раз тот, который нас встречал перед митингом на Горбатом мосту. Приехали туда, Кузьмич увидел во мне потенциального члена партии, партнёра. Рассказал, что скинхеды — как беззащитные мотыльки, ничего не могут сделать с мусорами и хачами, и поодиночке они сгорят, поэтому надо объединяться и только партия может их спасти. Всем скинхедам надо вступить в ННП, и тогда власть в России будет русской.

Мне этот разговор понравился. Во-первых, я первый раз видел лидера организации, тем более, нацистского лидера, который вот так всё рассказывает. А Кузьмич был довольно харизматичный, и умнее, чем я, и интереснее мог говорить и красивее преподносить. Мне всё это дико понравилось. В коридоре в штабе висела карта, довольно потрёпанная. В неё были воткнуты иголки с флажками ННП.

- Это что такое?
- Это карта наших региональных отделений. Мы же — Народная Национальная Партия, у нас — 10 000 членов, мы это заявляем, мы хотим пройти во власть и быть реальной силой на политическом поле Российской Федерации.

10 000 — это круто! В свете сказанного, я понимал, что скинхеды без реальной политической силы, без организации - не смогут захватить власть в России. Ещё год назад я был уверен, что скины должны просто собраться толпой и пойти на Кремль. Я даже видел, как это будет происходить, я это видел во сне. Мы тусовались на «Молодёжке», собирались бить репаков, но подкрепление приехало не 100 человек, а 500, и мы поняли, что надо идти на Кремль брать власть. Пошли на Кремль по Ярцевской улице, дошли до Можайского шоссе, по дороге били всех хачей и ментов, к нам присоединялось всё больше скинов, все — в бомберах, ботинках, камуфляжных штанах, джинсах закатанных. Цепи, арматура, подтяжки. Идём, все кричим «Зиг хайль!», выходим на Кутузовский проспект, там мусора пытаются остановить, мы всех мусоров избиваем, идём дальше. А там уже Белый дом кто-то идёт захватывать, по прямой, а кто-то в Кремль. Суть простая: пока мы дошли, там уже тысяч десять скинхедов, все присоединились и мы захватили власть.

Просыпаюсь, счастливый. Но после слов Сухаревского я понял, что мы придём к власти только тогда, когда мы непосредственно соберём всех скинов в эту организацию, когда они все вступят, когда они все построятся и шеренгами мы, в

белых рубашках, с повязками, двинемся, вот тогда и мы сможем прийти к власти.

Убедил он меня вступать, тем более, что там было много книг. «Майн Кампф», «Удар русских богов», разные другие произведения националистических авторов. Очень много газет, потому что штаб ННП в то же время был редакцией газеты «Я — русский». На кухне там была редакция, там сидела толстая Лена, это была тётя лет 35, это была секретарь Иванова-Сухаревского. Она всё время забавно говорила, обращалась к нему уважительно. «Александр Кузьмич, что пожелаете? Сейчас я всё запишу, всё сделаю». Немножко блаженная. Меня, конечно, это всё вдохновило. И я прямо там написал заявление о вступлении в ННП. Но, так как там всё было ритуализировано, надо не просто написать заявление, надо было дать присягу бойца ННП на одном из праздников, и только тогда вступить в партию. Это вообще меня очень заинтересовало. Обряд посвящения, вообще замечательно и крайне интересно. Где-то в то же время я начал увлекаться Карлосом Кастанедой, там были тоже ритуалы, и мистика вошла в мою жизнь.

И

***

Кузьмич был официальным лидером ННП, Александр Кузьмич Иванов-Сухаревский. В тот момент ему было лет 47-50, он отсидел в тюрьме за разжигание национальной вражды, где-то на митинге сказал, что надо всех кавказцев выгнать из России, что-то такое произнёс на митинге возмутительное, и его закрыли. Прожил довольно интересную жизнь, был режиссёром. Снял фильм «Корабль», про наркоту в коробке. Его критики обосрали и зарубили, в прокат он не вышел. В итоге, он забил на съёмки фильмов и стал лидером организации после того, как вышел из тюрьмы. Вообще, организацию они с Бусом придумали в тюрьме, когда там вместе сидели.

Бус сидел немного по другому делу. С друзьями они тусовались на «Горбушке», это были одни из первых скинов. И как-то шёл по Горбушке негр с белой блядью. Шёл, и Бус дал этому негру пизды. Негр упал на лоток с кассетами, потом вскочил, заорал, опять упал. В итоге, негр смотался. Через 2 дня на «Горбушку» приехало «ТВ6» брать интервью у скинхедов. «А кто вы такие, за что вы боретесь? Что хотите?».

Интервью дал Бус.

- Мы за белую расу, за Русь.
- А что у вас такое на кулаке?
- Меня негр укусил.

Это увидела белая блядь, которая была с негром. Так как негр оказался морским пехотинцем американским и охранником американского посольства, заявление приняли, блядь указала на человека, которого узнала. Приехали на «ТВ6» мусора, изъяли кассеты, и Буса арестовали. Дело было дико громкое, первое дело в отношении скинхеда, мало того, в то лето в Москве должны были пройти Международные Олимпийские молодёжные игры, и американский президент Клинтон сказал Ельцину, что «если у тебя на улице бьют охранников моего посольства, то я не могу отправить свою молодёжь в Россию». Решили разобраться на самом высоком уровне - и Буса закрыли. А, так как драка была обычная, в общем-то, никаких особых травм нет, то Бус отсидел год, а негр смотался из России. Адвокат всё грамотно рассчитал и Бус вышел по амнистии прямо из зала суда, отсидев год.

После выхода с акциями прямого действия он решил заканчивать, потому что они ни к чему не приводят, а только отправляют за решётку, в «Бутырке» сидеть мало кому охота, и решил Бус делать легальную организацию. Чем он занялся? Так как он — человек жёсткий, его любили далеко не все. «Будешь отдавать приказы, требовать их исполнения...». Намного лучше Кузьмич, который мило пообщается, не будет ничего требовать, не будет собирать взносы с тебя, заставлять раздавать литературу, клеить листовки. То есть, всё намного проще, веселее, и ты чувствуешь себя значительным человеком, он же вождь! Поэтому была целая категория людей, которые приходили в штаб только тогда, когда Буса там нет. Бус ходил всегда, как скинхед: камуфляжные штаны, ботинки, бритая голова, бомбер. В то время, как Кузьмич ходил по-другому, импозантно. То плащ наденет с перчатками, то шляпу, то ещё что-то. Выглядел, как типичный режиссёр, однако, от него людей это не отпугивало.

К

***

В штабе в первый же день я взял несколько номеров газеты «Я — русский», «Азбуку славянских бритоголовых» и «Основы русизма». «Азбука славянских бритоголовых» - это

тоненькие книжки, написанные понятным языком, даже чересчур понятным, о том, что должен делать настоящий бритоголовый, как он должен выглядеть, одеваться, кого должен ненавидеть. Было вплоть до того, что «настоящий бритоголовый никогда не должен оказывать помощь чурбану». Мне бы в голову никогда не пришла помощь оказать помощь чурбану, если тот упал в прорубь, поскользнулся, попал под машину. Хорошая книжка! Её надо всем распространить. Я стал в колледже агитировать её прочитать, прочитало ещё больше народу. Из-за этого, или не из-за этого, количество скинхедов в колледже ещё больше увеличилось.

Потом была книжка «Основы русизма». Русизм — это то, что придумал Сухаревский. Там был такой символ веры, что русы — это истинные хозяева земли. Хотя почему всей Земли – мне было не совсем понятно. Я не думал, что хозяева земли — русы, хоть и расист. Русы должны быть хозяевами Руси, и это мне казалось абсолютно правильным.

Там в книжке довольно лаконично было расписано, куда девать чурбанов, которые поселились в России и легализовались. Потому что не скинхеда же спрашивать, куда их девать? Куда девать? Избивать и убивать, кто-то свалит и похуй. Здесь же конкретно было расписано, что «лица, которые приехали в Россию после 1991 года, подлежат обязательной и неотвратимой депортации туда, откуда приехали». Всё чётко прописано. Много других аспектов было освещено, которые я ощущал чисто интуитивно, но не мог их выразить вменяемо и обоснованно с политической точки зрения. Прочитал, интересно. И заметил, что спорить со взрослыми оппонентами стало намного легче, потому что со мной пытались беседовать мама, бабушка, учителя в колледже, соседи. Всем интересна эта тема, никто же чурбанов не любит, но «да, их, конечно, надо выкидывать, всех чурбанов, но что, всем для этого скинхедами становиться что-ли, куда деваться? Должны быть легальные методы, так скинхеды не победят!». Здесь уже надо говорить, что «да, конечно, скинхеды не победят, поэтому надо всем вступить в партию. Хочешь, чтобы не было чурбанов? Вступай, пиши заявление и Россия будет для русских». Здесь у меня оказался хороший аргумент, который можно было применять в любом споре, это было крайне выгодно.

Л

***

В штабе партии я начал появляться регулярно, каждую неделю, и видел там известных мне националистов. В частности, я там видел Сергея Беликова, автора книжки «Азбука славянских бритоголовых», который впоследствии стал моим адвокатом, когда меня посадили. Он всё время пытался казаться бойцом уличным, хотя видно было, что интеллигент. Рассказывал, как правильно подтягиваться на турниках, заниматься спортом. С бородкой, в очках парень. Было очень любопытно посмотреть на человека, который написал книжку.

В другой раз я увидел в штабе Алексея Широпаева. Это националистический поэт. Главное, что мне запомнилось - это его мужицкая борода, сразу появлялись аналогии - 18 век, крепостное право. И, самое главное, от него всегда пахло водкой. Я видел его много раз, от него всегда чисто водкой пахло, не перегаром. Как будто, он пил в подъезде, заливался водкой и в кресле засыпал. Меня это качество Алексея всегда поражало. Всегда пахло свежей водкой.

Бус в штабе часто появлялся, приезжал на мотоцикле. А Кузьмич всегда приходил пешком. «Как так? Вождь – и ходит пешком?». Его всегда сопровождала Лена, брала под руку, и куда-то вела. Я как-то поинтересовался, ебёт ли Кузьмич Лену, мне сказали, что не известно, это партийная тайна, но скорее всего, не ебёт, потому что у Кузьмича есть жена. Тоже логично, жена-то должна быть у вождя, как иначе? Что там на самом деле было, конечно, никому не известно.

М

***

Тем временем мы со Стасом продолжали строить планы по нечестному зарабатыванию денежных средств, и прекращать их строить были не намерены. Ну не хотелось нам идти на работу, работать охранниками! Охранник - крайне неперспективная профессия, совершенно ненужная и непрестижная. Не получилось у нас вымогать у вьетнамцев деньги за документы? Хрен с ним. С полочным бизнесом тоже не срослось. А вот перепродажа стероидов, которые во «Флексе» стоили 100 рублей, а в колледже я продавал за 300 – всё же какие-то плюсы приносила. Регулярный грабёж китайцев возле колледжа тоже приносил деньги, но не хватало на жизнь.

Мы решили, что нужно ездить по деревням и закупать по дешёвке или красть иконы старые. Кто-то сказал, что есть иконы старые, соответственно, надо их выуживать оттуда. Для этого Я, Стас, Юрик отправились в Третьяковскую галерею, посмотреть, как иконы выглядят, заодно окультуриться. Пришли, да, вот они — иконы, облупившиеся, совершенно уёбищные, некрасивые, но денег стоят хороших. Что дальше делать? План такой - приезжаем в деревню, подальше от Москвы, заходим в церковь, смотрим, как и что, дальше хватаем и сваливаем. Мы в бога никто не верили, мистическая сторона вопроса никого не интересовала. Ну а нравственная... Чем церковь занимается? Людей наёбывает, людей на деньги разводит, старухи туда всю пенсию относят. Украсть у вора — дело святое.

По глупости и молодости лет я сказал это своей маме, в меня Гошан вселился. Мама рассказала своей подружке-колдунье. Это я так её называл, на самом деле это её звали тётя Наташа. Она была практикующим парапсихологом. Всякие силы потусторонние видела, энергию. Пришла, а мы сидим со Стасом, план обсуждаем, куда поедем иконы выносить.

- Ну что, Максим, ты собрался бизнесом заняться?
- Да, есть такая тема.
- Ты понимаешь, что это добром не кончится?
- Кто меня поймает в деревне, поп что-ли?
- Не в этом дело, ты думаешь, нет силы никакой? Вот ты икону сопрёшь?
- Нет такой силы.
- Ты не понимаешь, если много людей поклоняются чему-то, то у этого чего-то появляется сила, и если ты у неё что-то забираешь, то она может до тебя дотянуться.
- Кто может дотянуться?
- Бог, тот же самый христианский, несмотря на то, что он не такой, как христиане его описывают.
- Как он это сделает?
- Ты вообще понимаешь, что всё это существует?
- Я в это не верю.
- Не веришь, хорошо. Вот смотри, что я могу, вытяни руку.

Я руку вытягиваю, она приставляет два пальца к ладони, и я чувствую, что мне ладонь насквозь прожигает каким-то холодным излучением, как будто льдина насквозь прошла. Я руку отдёрнул.

- Это что такое было?
- Вот, это я могу, это энергия. А представляешь, что сможет

с тобой сделать сила, которая на протяжении питается энергией христиан?
- Интересно, расскажите, что это за сила?
- Это называется «психическая энергия», ей можно управлять, у всех людей она есть, но видеть её дано не каждому, тем более, чувствовать, и тем более, управлять. Почитайте Кастанеду, там про эти силы нормально рассказано, показано, как эту силу накопить.

Мне стало интересно, потому что я никогда не думал обо всей этой ерунде, а сейчас я почувствовал, как руку прожгло, и, сказать честно, я очканул. У матери в шкафу нашёл Карлоса Кастанеду, первую книжку, и пошёл читать - как Карлос, будучи антропологом, решил писать диссертацию о мескалито, он же пейот (это мексиканский кактус галлюциногенный), поехал в Мексику, познакомился с индейским магом, который, совершив, трансцендентный обман, наебал, другим словом, взял Карлоса себе в ученики.

Эта книжка очень сильное оказала на меня влияние, я стал обсуждать Кастанеду и со Стасом, и с Тёмычем, со своим святым другом-тунеядцем. С Тёмычем мы стали периодически ходить в лес, сидеть, обсуждать. Тем более, когда это обсуждаешь в лесу, в темноте - вечером всё равно надо было с собакой гулять, почему бы заодно и не обсудить разные интересные вещи? - то восприятие сильно меняется. Дошло до того, что сознательным усилием воли можно было увидеть, как энергия исходит из пальцев, или из головы у людей, довольно долго я на этом заморачивался. Тем более, я ещё играл в «Героев Меча и Магии», там была магия, молнии, можно было прокачиваться, видеть противников, магия воды, земли, огня, воздуха.

Обсудил свои мысли с тётей Наташей.
- А «Герои Меча и Магии» имеют отношение к этому?
- Нет, это всё — фигня, это не имеет. Но, мысль материальна, и может стать материальной, если у тебя есть безупречное намерение её воплотить.
- Что такое «безупречное намерение»?
- То, что ты чётко хочешь сделать именно это.
- Что, например?
- Например, если ты решил что-то добиться, прямо конкретно сформулировал цель, можешь её выразить, идёшь к ней, никаких отклонений у тебя нет в стиле «не хочу я это, а вот если бы так, то по-другому», вот чётко: «только так», то это воплотится и реализуется. Я вижу у тебя руки, ты можешь ими лечить, но только в том случае,

если не запачкаешь их кровью.

- Руки у меня кровью не запачканы. Я не хочу лечить людей, я хочу заниматься пропагандой. Как быть?
- Пропагандой заниматься — тоже хорошее дело, если пропагандировать хорошие идеи, главное — руки не марай кровью по локоть.

Хм, что-то непохоже, чтобы это имело отношение к магии – скорее всего, это, наверное, мама моя её подговорила, чтобы она меня от акций отучала. Действительно, я в карманах находил несколько раз ленточки христианские, мать туда засовывала, чтобы Христос меня оберегал, хотя я никогда крестик не носил и Христос мог мне только навредить, как я себе это представлял. Тем более, глупо носить ленточки христианские, когда Христос учил, что «нет ни эллина, ни иудея», что «возлюби ближнего своего» - и ходить на акции с этим. Я вообще не мог никогда этого понять, поэтому ленточки вытаскивал и выкидывал. Мать мне снова засовывала эти ленточки в карман, и всегда отрицала, что она это делала. Кто ещё? Лёха? Стас?

Кастанеду я прочитал целиком. У матери были все 11 книг, я их брал по одной. В колледже у меня всегда были с собой пара тетрадок и книжка Кастанеды. Книгу я засовывал всегда в рукав бомбера. Она всегда в районе бицепса левой руки лежит. Смотрится немножко смешно, у меня был серебряный бомбер, и с этой книжкой смотрелось, как «Солдаты капитана Пауэра» в металлических доспехах, с одной стороны, но, с другой стороны, когда встаёшь в стойку и начинаешь кого-то пиздить, у тебя всегда есть щит, прикрыта рука и плечо. Книжка толщиной 3 сантиметра всегда может отбить и ножик, и палку, и удар рукой. Двойная защита.

Н

***

По дороге в колледж я акционировал практически каждый день. Акции были разные - например, я выгонял из автобуса контролёра. Потому что я ездил без билета - или по левой пенсионке, или по милицейскому удостоверению, или просто без всего. У меня был враг — контролёр. Когда они приходили втроём, мне приходилось выходить, денег я им не давал, они в лицо меня знали и отставали. Когда они приходили вдвоём, я говорил, что рожи им сейчас разобью, и они меня игнорировали. Если он приходил один, то даже не замечал

меня, не обращался. Это если я ездил на троллейбусе. Но если я ездил на метро, то тут происходили другие ситуации. Если на 2 курсе я обычно использовал цепочку с шариком, то на 3 курсе эта цепочка у меня где-то оборвалась, я дал кому-то по еблу шаром, и он улетел, она оборвалась, ей можно было хлестать по лицу, она стала практически безобидной. Но я пошёл дальше.

Как-то бегу я в колледж, в одной руке — тубус, в рукаве — тетрадки запиханы. Я ехал вниз, а наверх поднимался негр. Весь в бусах каких-то обвешан, в юбке, на голове хуета какая-то повязана, и рука с кольцами лежит на перилах. Ага! Я притормозил, достал нож, открыл, негр со мной поравнялся, я перегибаюсь через перила, и ему — хуяк! Нож втыкаю в руку! Бамс! Выдёргиваю и дальше бегу. Сзади крик: «А-а-а!». Орут что-то. Но кто заметил, тот предпочёл проигнорировать, потому что тут у человека конкретно нож в руке был, кому это надо? Негра порезал, прикольно, ему придётся ручку-то подзашивать свою.

Частенько стал так акционировать, то нож воткну, то отвёртку. Здесь, конечно, трудно переоценить важность моего открытия в деле пропаганды НС движения в метро. Что меня очень радовало, я думаю, многие помнят эту запись, она до сих пор крутится со времён моего детства: «Уважаемые пассажиры! В случае обнаружения агрессивно настроенных групп граждан, в том числе, несовершеннолетних, обращайтесь к сотрудникам метрополитена или дежурным по станции». Давайте! Обращайтесь к сотрудникам! Эта запись была сделана конкретно про нас. Сейчас, конечно, звучит уже не так, потому что таких агрессивно настроенных граждан до ебени матери, потому что и чурбаньё ходит агрессивно настроенное, но тогда это были или фанаты или скинхеды, да и все фанаты были скинхедами. Это было в метро.

После того, как я выходил из метро, я шёл по дорожке, по которой ходят гуки. Если во время большой перемены мы их долбили и обували, то с утра я делал им подсечки или бил в челюсть. Тут было два варианта: или я прохожу мимо и бью по ногам, особенно хорошо они падали зимой, когда скользко, как кегли, или бил локтем в челюсть, просто сшибаешь его и идёшь дальше. То есть, вроде как акция выполнена, а, с другой стороны, особо не напрягался, они и так понимают, зачем его бьют. Так было каждый день практически.

***

В колледже у нас один раз случилась неприятность. Сидим мы перед раздевалкой, на первом этаже. С Лёхой, несколько девчонок, весело. Приходит заведующая практикой.

- Максим, ты сегодня китайца бил какого-нибудь перед колледжем?
- Нет, не бил вроде.
- Точно?
- Точно.
- Там из милиции звонили. Смотрите, ребята, сейчас проблемы будут.

И ушла. Лёха смеётся.

- Что смеёшься?
- Да блядь! Я сейчас косого одного въебал!
- Как въебал?
- Я прямо ему очки в ебло вколотил.
- Что такое?
- Он шёл, выёбывался. «Что, по еблу хочешь? - Давай». Я ему раз: в глаз, он свалился, я сел на него и вбил очки в глаза. Вот смотри: кулак порезал.
- Ты придурок? Давай домой сваливай, сейчас менты приедут.
- Да ладно, хуйня!

А сам сидит с девкой. Девка симпатичная, новая, красивая. Ему жалко бросать. Проходит первая пара, вторая. На большой перемене мы стоим перед окном на третьем этаже. У нас был предмет типа строительных материалов, ведёт деканша. Ждём начала лекции. Смотрю: заходит на территорию колледжа мент с гуком, начинают по сторонам озираться.

- Лёх, этот гук?
- Этот.
- Давай сваливай домой быстро!
- Да не, фигня, сейчас замаскируюсь, они меня не найдут.
- Давай вали!
- Нет.

Сам стоит с этой девкой. Я понимаю, что из-за девки он домой не хочет сваливать. Обмотался шарфом, поменял кофту с «Лонсдейла» на обычную и сидит, чисто художник! Идёт лекция. В класс заходит мент с гуком, я понимаю, что будут Лёху искать. Встаю, иду к ним, а у меня - «Пит Буль», подтяжки, штаны камуфляжные. «Сейчас меня увидят, все русские — на одно лицо, покажет на меня и забудет, потому что я ни при чём». Но гук оказался глазастым.

- Вот этот! - раз, на Лёху.

Мент ему сразу:

- Представьтесь, пожалуйста. Встаньте. Пойдём с нами.

Я за ними выхожу, деканша выбегает:

- А этого не заберёте? Он тоже скинхед, - и на меня показывает. «Ах, ты — блядина старая!».
- Нет, только этого, сейчас в отделение поедем.

У китайца глаз замотан, заклеен пластырем. Мы в коридоре стоим, вышли учителя. На меня деканша показывает:

- Нет, ну этого-то тоже заберите! Он у них главный, он — зачинщик.
- Нет, забираем этого, он глаз выбил.

Смотрю на Лёху, он не понимал, что это может привести к неприятным последствиям. Китаец уже порывается уйти куда-то. Лёху забрали. Менты говорят:

- Как так? Бить китайцев — это последнее дело, они же мирные, тихие, никого никогда не трогают, вы сами провоцируете, поэтому они толпой на вас несколько дней назад напали.

Про эту драку менты тоже слышали. Им кто-то, видать, донёс. Об этом уже разговор состоялся, что китайцы напали на нас толпой, и месть была в виде этого глаза. Я начинаю рассказывать, что они мне сломали рёбра, отбили голову.

- Как так, они же — преступники, вы их должны пересажать.
- Нет, вы их доводите, поэтому они на вас нападают.

Забрали Лёху в отделение. Менты уходят, училки набросились на деканшу:

- Как так? Зачем вы его сдали, да ещё и Максима предлагали сдать? Как вы можете? Это последнее дело.
- А что, они же — нацисты. У нас РНЕшники раньше были, я их тоже в милицию сдавала.

«Вот ты шлюха старая!». С лекции я свалил, и девчонка Лёхина свалил, мы поехали в отделение милиции «Аэропорт», где Лёха должен был сидеть. Сидели, там его допрашивали до вечера. Приехал его отец, потому что Лёха был несовершеннолетний, как и я, 17 лет, его забрал. Дело закончилось ничем, потому что Лёхин отец встретился с тем китайцем, поговорил. Предложил ему забрать заявление за какую-то сумму денег, тысячи три долларов. Заплатили долларов 300, сказали, что остальное дадут потом, китаец забрал заявление, и его послали нахуй. Всё было нормально. Самое приятное: этого китайца мы поймали недели через три, когда приехали с Юриком и Стасом опять гуков обувать. Идёт этот китаец, глаз заклеен. Бам! Так отъебашили, он даже

закричать не успел.

То мероприятие Лёхе с рук сошло. Однако, ректор решил нас наказать. Вызвал наших родителей в колледж. Лёха жил с матерью, отца боялся не сильно, решил не играться в игрушки. Мы сделали как: я позвал своего дядю. Дядя у меня — распиздяй. Пришёл с чекушкой водки в кармане к ректору. У меня в кармане был диктофон, я хотел записать и посмеяться, что ректор скажет. План был такой: воспитывает меня только дядя, папа — алкоголик, мама — инвалид, поэтому педагонические функции – целиком на дяде. Он и приехал. Слегка загашенный, предложил ректору водочки выпить. Тот отказался: «Нет, спасибо». Ректор — полухач. Или полный хач. Фамилия — Возиков, но чёрный, как сволочь. Заходим в кабинет, от водки он отказался.

- Максым, подойды суда, посмотры в акно.

А у него окно выходит на то место, где мы обычно пиздили и обували китайцев. Прямо вот чётко туда оно направлено, там всю полянку видно, где все драки происходят, обувания, всё.

- Как ты думаэшь, что я здэсь наблудаю каждую балшую пэрэмэну? Вот зачэм вы их бьётэ, просто я нэ могу понять?

Я понимаю, что сейчас меня могут из колледжа исключить. Тут дядя подыграл нормально.

- Вы понимаете, я ему всё объясню, драки прекратятся, всё будет нормально. Вы его в колледже оставьте, он учится хорошо, парень умный.
- Да, учится харашо, по успэваэмости вопросов нэт, но есть балшие нарекания со стороны студэнтов неславянской внэшности и есть постоянные конфликты с приезжими, зачэм мнэ это надо?
- Да нет, оставьте, всё нормально будет.
- Паслэднээ прэдупрэждение.

И, соответственно, вместо Лёхиного отца пришёл какой-то из дружков моего дяди. Тоже пришёл, «да-да, я сделаю внушение, больше такого никогда не повторится, всё будет хорошо». Честно говоря, сошло нам это с рук нормально, и мы где-то недели три не акционировли перед колледжем, мы делали это в метро, потому что перед колледжем совсем палевно было.

***

Через два дня после того, как прошло родительское собрание в кабинете ректора, я спускаюсь в качалку, там стоит ректор.

- Этого сюда не пускайте, он тренируется, чтобы людей бить. Ему не надо сильным быть.
- Вы понимаете, я занимаюсь спортом чисто для здоровья, я же не пью, не курю, тренироваться душа требует!
- Харашо, хади, только обещаешь, что не будешь бить этих несчастных?
- Конечно, Иисусом клянусь, что бить не буду.

Разрешил мне опять качаться. Здесь была тоже проблема. Качаться я мог один раз в неделю, не чаще. Китайцы — гондоны, выбили мне позвонок. Рёбра-то у меня заросли со временем, а спина дико болела. Если я покачаюсь, то от троллейбуса я шёл сорок минут, вместо десяти. Иду, ковыляю. Потом, на следующий день, спина болит поменьше, и через день можно уже что-то делать, но всё равно больно. Получалось так, что я мог или качаться два раза в неделю, или один раз качаться и один раз играть в хоккей. Если поиграешь в хоккей, то на следующий день не встанешь. Хоккей мне очень нравился. Но спина болела дико.

О

***

Большинство наших нападений на гуков заканчивалось тем, что мы отнимали у них рублей 50 или 100. Если повезёт, то 150. Так как мы занимались этим постоянно, на каждой большой перемене, естественно, это стало модным. Ребята, которые не были скинами, тоже ловили гуков, отнимали у них деньги. Пока гук шёл мимо колледжа, он несколько раз попадал под раздачу – потому что иногда случалось так, что две или три группы стояли и собирали дань. Поэтому гуки стали обходить колледж по большому радиусу, чтоб уж точно не попасться в руки. Это было днём. А ночью, особенно в пятницу, приезжала целая команда — фанаты, скинхеды - и грабила гуков уже конкретно. Мы идём после тренировки к метро, там стоит толпа, человек 15:

- Здорова, Макс!
- О, косых обуваете, да?

Большинство обуваний, конечно, заканчивались дикими опиздюлениями, потому что ни у одного косого денег на 15 человек не хватит. И вот, мода эта дошла до Лёхиного брата. Лёхин брат взял своих друзей и приехал грабить косых. Ему было в то время 16 лет, дрищ, и два друга, тоже дрищи. Приехали, и первый попавшийся китаец дал им какую-то

мелочь из кармана, засветил целую пачку денег, Лёхин брат карман у него оторвал, нормально бабло они получили на троих. Лёхиному брату хватило на то, чтобы купить себе Sony Playstation, а его друзьям на то, чтобы снять одну проститутку на двоих, хорошую, с какого-то вокзала. Сняли, привезли домой. Она их научила заниматься сексом, лишила девственности. И заразила их венерическими болезнями, всеми, какими только возможно, и они остатки средств потратили на лечение. Получили по жопам от родителей и больше никогда косых не грабили. Очень у них трагическое было знакомство с сексуальной жизнью. Но, тем не менее.

П

***

В нашей любимой группе, ПД31 училась целая плеяда лохов. Прежде всего, надо назвать Андрея Ромаха и его дружка — Андрея Таранцова. Я и сейчас не знаю, кем они там друг другу приходились, жёнами, друзьями или подружками. Но суть в том, что держались всегда вместе, вели себя крайне неагрессивно и очень даже миролюбиво. Над Ромахом было издеваться интересно почему? Потому что он крупный, и если бы он не был лохом, то, в принципе, мог бы дать нам обоим пизды с Лёхой, потому что он был большой. Но был крайне медлительным и трусливым. Одним из наших любимых приколов было звонить Ромаху домой, изменёнными голосами, с заткнутым носом или своими. Дело в том, что Ромах жил в Химках. Мы звонили и говорили:

- Алло, здравствуйте, это квартира Ромах?
- Да.
- Могу я у вас деревянные члены заказать?

Ромаху каждое утро говорили, что мы его в Химках видали, как он деревянными членами торгует. Отпускали шутки в его адрес, фривольные. Один раз мы с Лёхой надумали найти двух гомосеков настоящих, прям конкретных пидорасов, привести их в колледж, подержать Ромаха и Таранцова, чтобы их изнасиловали. Мы даже присмотрели место — закуток у туалета, куда учителя не заходили, чтобы гомосеки их там выебли. Но гомосеков мы не нашли, поэтому Ромах и Таранцов публично сохранили честь своих анусов.

Был ещё среди лохов и Зарипка. Он был, мало того, что татарином, он ещё был глупым татарином. Шутить над ним было очень весело: он огрызался, и прекращал выёбываться

только тогда, когда получал по морде. После этого он уже ничего не пытался сделать. Как-то сдаём мы зачёт по строительным машинам. Так как я учился хорошо, и строительные машины для меня не были трудностью, я всё быстро написал, Лёха тоже быстро написал, естественно. Сдали зачёт, ходим по группе, туда-сюда, кому-то подсказываем, над кем-то прикалываемся, и вот сидит Дамирка. Я подошёл, раз, ему подзатыльник, он что-то огрызнулся. А в руке у меня была ножка от стула, четырёхугольная, металлическая, с кусочком стали приваренным. Этим кусочком я ударил по сумке. «Ты что, охуел?». Сумка у него была призовая какая-то, Зарипка занимался лыжным бегом и выиграл соревнование, или участие принимал. Он увидел, что в этой сумке появилась дырка, вскакивает. «Ты что, охуел? Я тебе сейчас пизды дам!». Я ему так: тюк! Чуть-чуть этой трубкой по башке. Зарипка разорался, схватил стул, поднимается. Я тут же выхватил цепь, в другой руке у меня эта трубка. Начинаю его обходить, Зарипка забегает в центр класса с этим стулом. Смотрю: с тыла обходит его Лёха с ножом в руке и ещё одной ножкой от стула отломанной. Зарипка орёт, начинает отбиваться, училка это заметила.

- Максим! Лёша! Выйдите, немедленно, из класса!
- Всё, всё! Выходим.

Вышли, и пока училка отвернулась, чтобы показать, как выходить из класса, Зарипке кто-то ёбнул ножкой от стула. Сидит, плачет, причём мудаку 22 года где-то. Мы стоим с Лёхой, нам весело. Подходит к нам девочка с 1 курса.

- Ребята, мы хотели познакомиться, но так стесняемся, нам интересно...
- О, привет, девчонки, хотите покажу, как взрослый парень плачет?
- Да ладно?
- Да, вон смотрите, в пальто сидит. Ревёт за партой. Это Зарипка, сволочь такая.

Таким образом, развлекаться с ним можно было до бесконечности. Иногда мы чмырили его на лекциях. Чмырили, били пендели, плевали из трубочек. Плевать тоже было интересно: пожевал бумажку, пихнул её в трубочку, тфу! На щёку прилипло, на лоб. Прикольно плевать было в Ромаха, потому что прилипнет если на лицо, то он не чувствовал, мог сидеть до 5 минут, пока заметит. Таранцов реагировал бодрее, но чемпионом был Ромах. Один раз мы в Зарипку плевали весь урок из трубочек, заплевали всю спину, лицо, волосы, и

показывали ножами, что перережем горло, как только он выйдет из класса. В этот момент нас уже было 6 скинов в группе. И у Зарипки были все основания опасаться, потому что он думал, что мы на него обозлились. Урок заканчивается, Зарипка из класса не выходит. Мы выстроились, с каждой стороны по три человека, чтобы навесить ему пиздюлей, организовали коридор. Он нихуя не выходит, вокруг училки ходит, что-то спрашивает.

- Дамир, может ты уйдёшь?
- Да я хотел ещё спросить...
- Да не, иди.
- Но они там меня ждут...
- Вот и выходи, раз они тебя ждут!

Пришлось ему выйти и подвергнуться пенделевой экзекуции, в принципе, не так страшно, это было не впервой.

Ещё был Дементий. Андрей Дементьев. Чем был примечателен, так тем, что жрал козюли. Он жрал их на всех уроках. Сидел, ковырял их, ковырял, озирался по сторонам и жрал. Один раз он в течение получаса вытаскивал одну козюлю за другой и катал их об парту. Катал, катал, шарик увеличивался. Он сидел на первой парте всегда, потому что хотел быть любимчиком учителей, но никогда им не был, хоть и старался. И я заметил это катание казюльки, всем передал бумажку: «Ждите, когда скатает, и будет поглощение». Все ждут, когда он захавает. Уже скатал, размером, наверное, со спичечную головку, козюленцию, оглянулся по сторонам, туда-сюда, вроде никто не палит, и раз её в рот! Такой взрыв хохота в классе: «А! Дементий — лох, пошёл вон отсюда!». Дементия постоянно отгоняли, чтобы он стоял подальше, потому что он жрал козюли всегда и везде. «Дементий, отходи отсюда, или хотя бы козюли не жри!». Один раз у него отобрали пакет, раскидали вещи по классу. Там оказалось две пары сменных трусов, три пары ношеных носков, две тетрадки. Интересный набор, где он ночевал, хрен знает.

Был Тутук. Он всегда вёлся на провокации, на любые. Плюнешь в него бумажкой, он отвечал тем же. И успокаивался, когда получал по ебалу. В него было весело бросать всякими предметами, замазку берёшь, открываешь, и бросаешь в руки. Или, допустим, накаляешь монетку докрасна, кладёшь на линейку и бросаешь ему. Он её ловит, а она накалена, руки обжигает. Стихи сочиняли, основной стих был:

Тополиный пух,
Тутук — петух.

Тяжёлая у него была жизнь. Не то, чтобы у нас

украинофобия была развита в группе, просто Тутук был дикий лох. Такой состав у нас был лошкомойников в группе.

П1

***

Нам со Стасом стало известно, что человеку, у которого было три сотрясения мозга, в армию идти не нужно. У меня на тот момент как раз было три-четыре, но зафиксировано было два. Но скоро мне 18 лет, надо запротоколировать, чтобы было три, в армию идти не нужно. Как сделать? Мы слышали историю, как два мужика сидели и придумывали себе болезнь, чтобы не ходить на работу. Сидели с медицинской энциклопедией, изучали болезни, но никак не прокатывало. Один от отчаяния долбанул этой энциклопедией по затылку. Бац! У того — сразу тошнота, рвота, сотрясение мозга, месяц надо сидеть дома. Я эту историю хорошо помнил.

- Ну что, давай, чтобы пару неделек выходных, отдохнём. Пора.
- Давай.

У меня дома Большая энциклопедия есть. Стоит Стас, лицом к стенке. Я ему — хвать! По затылку, но сверху — не очень сильно.

- Ну что, голова кружится?
- Нет.
- Ладно, давай ещё раз.
- Давай.

Я сделал замах от плеча — бам! В затылок.

- Ну что?
- Что-то есть, нормально.
- Давай теперь ты.
- Давай.

Вышли к лифту, я там встал. Бам! В затылок. Вроде ничего, есть сотряс, судя по ощущениям. На следующий день приходим к врачу.

- Вот, здравствуйте, игрались, книжками друг другу по затылку били.
- Вы что, идиоты?
- Играли, да.

Нас посмотрели: сотрясение мозга.

- Пойдёте на исследование, сдадите ЭКГ, справку принесёте.
- Конечно, - сходили, сделали, принесли.

- Да, действительно, сотрясение мозга.

Неделю отсидели дома, каждый. Стас пришёл жаловаться, что у него плохое самочувствие. Пошёл, ему выписали таблетки, он их попил.

- Что это такое?
- Снотворное, «Феназепам» называется.
- Понятно. Спишь-то нормально?
- Нормально, а то что-то спать не мог, бессонница.

Это у меня было третье зафиксированное сотрясение мозга, у Стаса — второе. В армию нормальным людям идти-то не хочется, тем более, в нашу рассеянскую, обосранную. Поэтому мы справочки подготовили, на всякий случай.

Р

***

Под новый год я затеял сделать ремонт. Всю мебель выкинул, заказал циклевальную машину, мне её привезли, я отшкурил весь паркет, он стал как новый, весь красивый. Переклеил все обои в комнате. Покрыл паркет лаком. Когда мы со Стасом покрывали лаком паркет, одним из технических условий было закрытие окон. Сначала нитролак, потом — паркетный обычный. Так вот, если ты покрываешь нитролаком без противогаза на большой площади, то по шарам бьёт так, что начинаются галлюцинации. Нам со Стасом стало дико весело, ржём. Смотрю: папа пришёл с работы, сел с нами, смотрит. Мы со Стасом ржём, остановиться не можем, батя такой:

- Что, весело?
- Да.

Приходит сестра.

- Папа, надо ёлку купить к новому году.
- Ёлку? А вот, возьми в углу палку, и будет тебе ёлка.

Шутка архитупейшая, но мы смеялись минут 20, просто животы сводило. Пол покрыли, потом покрыли двухкомпонентным, который практически не воняет. И вот, наступает 31 декабря, у меня, в принципе, всё готово, только не хватает плинтусов. «Так, надо с утра купить их на строительном рынке и можно мебель заносить. Розетки куплены, обои поклеены, потолок сделан».

Но где плинтуса купить? Надо ехать на строительный рынок. Поехал я с батей, заехали к дяде с утра 31-го, выходим, часов в 11.

- Так, сейчас на рынок заехать, потом купить ёлку,

приклеить плинтуса, и отмечать новый год. Да?

- Да. Всё нормально.

Выходим из подъезда втроём, дядя с батей отошли метров на 10, я остановился шнурок завязать. Идёт косой, жирненький такой, пониже меня ростом, но с пузом и плотный. Целая тушка. Надо ж пошутить? Наклоняюсь, беру снег слякотный, бросил ему в живот. Косой отряхнулся, смотрит на меня, стоит. Я подошёл ближе, поднял ещё комок снега, слепил, в рожу бросаю, попал. Косой что-то на поясе что-то доставать начал. «Если у тебя не пистолет, я тебя просто забью сейчас». Пока он там ковырялся, я третий раз снежок кидаю в него. Он дёрнулся, я смотрю: у него цепь, с замком, оказалось, что он замок ключём отстёгивал. Опять замок застёгивает и начинает цепью крутить. Цепь — длиной с ремень, но с замком, поэтому опасно. Он ей крутит, я нож выхватил. Косой машет цепью, подходит, там слякоть и грязно. Махнул цепью, я назад сдал, она пролетела, я пытаюсь достать ножом в горло, но не дотянулся буквально пару сантиметров, косой откланяется назад, падает на спину. «Ах ты, узкоглазая сука!». Он пытается цепью отмахиваться, но лёжа это не реально. Я подождал, пока цепь пролетела, нагибаюсь: хвать ему ножом в пузо! Батя меня сзади оттаскивает.

- Ты что, охренел, придурок! - и китайцу — Ну вы, извините, вставайте.

Китаец вместо этого бьёт батю цепью по бедру. «Ах ты, сволочь!». Батя отнимает у него цепь, пнул туда, куда я пырнул. А я же вижу, что рядом лежит китайский телефон. Батя выхватил у меня телефон, и вернул с цепью.

- Извините, всё нормально, мы уходим.

И давай меня пенделями в машину загонять. Машина стояла метрах в 30 от того места. Поехали.

- Придурок, ты что делаешь?
- Папка, ты урод. Из-за тебя я перчатки потерял. Телефон зачем ему отдал? Сейчас бы у меня телефон был.
- Зачем ты это сделал, прямо перед дядиным подъездом?
- Мне пофигу, я же тут не живу.
- Блядь, ну ты дебил.
- Вот дебил-дебил, но где я теперь перчатки новые возьму? Покупай теперь перчатки новые.
- Да хрен тебе!
- Как хрен тебе? Давай покупай.

Доехали до рынка, купили плинтуса, а я всё ною, то папа виноват в том, что у меня нет перчаток и мобильного телефона, потому что я его честно добыл в бою, а он у меня его отнял. На

что батя ответил, что «ладно, поехали, сейчас перчатки будем искать». Подъезжаем, видим, что метров за 100 стоит целая толпа китайцев, человек 200, не меньше. Отправили дядю выискивать перчатки. Дядя уходит, нет его 5 минут, 10, 15. Принёс перчатки.

- Ну ты дебил! Там китайцев — человек 200, с палками, цепями, галдят, с ними участковый пытается разговаривать, они орут, машут. Этого китайца скорая увезла. Ты дебил, Макс!
- Перчатки где нашёл?
- Там рядом лежали.
- Всё нормально, поехали тогда.

***

1 января приезжаем к бабушке. Традиция такая, сначала, первого числа, к одной, потом, 2 января, ко второй. Я специально папе с дядей говорю:

- Не пиздите, бабушка узнает, будет переживать и волноваться, что внук — придурок, не надо про китайца распространять.

Только приехали, они успели буквально 3 минуты покурить на кухне и всё. Уже прибегает бабушка.

- Максим, ну что-ж ты делаешь? Что это такое? Как тебе не стыдно? Ну приехали, ну работают!

Что-ж такое? Как девки, только выпили, уже языки развязались. Сдал сына! Собственный отец! Кем надо быть, чтобы сына сдать бабушке, это как в милицию настучать.

С

***

Появился у нас в группе новенький, причём старше всех по возрасту. Года 22, может 21, и подозрительной внешности, мы никак не могли понять. Рожа наркоманская, взгляд пустой, при этом одевается в какие-то розовые свитерки, мягкие штаны, в туфлях ходит. Непонятно. Приходит с папочкой, разложится, на учителей смотрит внимательно, ни с кем не разговаривает. Тип дико мутный. Потом, на какой-то очередной попойке студенческой его кто-то обвинил, что он пытался украсть у кого-то сотовый телефон, и дали все ему пизды. Наверное, и лох ещё, раз все пизды дали. Но это было в

пятницу.

В понедельник он приехал. Сначала поймал одного из тех, кто бил его, перед началом занятий и разбил лицо. Потом поймал второго, и тоже разбил ему лицо. Потом отзывает меня в сторону на перемене.

- Макс, такая фигня, эти щенки впятером дали мне по морде, и ситуация такая, что они не правы, надо всю тему разрулить. Я вижу, что вы с Лёхой группу держите, я хочу, чтобы всё было честно. Я сейчас буду по одному выдёргивать всех, кто там был, и с них спрашивать. Если ты сомневаешься в том, что всё будет честно, я хочу, чтобы ты присутствовал, как судья.
- Хорошо, давай.

А мне самому интересно, потому что первый раз такая ситуация, обычно «ну всё, раз по морде дали, я даже и рыпаться не буду». Тут по-другому. Идёт Ванька-толстяк. Килограмм 120.

- Ну что, Ваня, иди сюда. Давай разберёмся.
- А что?
- Ты меня по морде бил, орал, что фанат крутой.
- Да я вот, это...
- Не, ну ты говорил, что ты — крутой фанат, что за тебя люди впрягутся. Впрягутся люди?
- Да, надо?
- Не, сейчас уже поздно. Я тебе ебло буду бить! - гопарь бьёт по ебалу его.
- А! Что? Я сейчас позову!
- Да никого не позовёшь ты. - бам! Опять по ебалу, - ну всё, иди отсюда, я тебя ещё раз поймаю, убью, ты понял?
- Да-да, я всё понял.

И убежал. По сути, всё совершенно честно, без косяков. Парень интересный. Второго поймал, третьего. В итоге, все, кто его пиздил, получили один на один в глаз. Четверть группы ходит с синяком под глазом. И нам, такой:

- Давайте группу держать, вместе будем. А со мной мы сможем ещё и бабла поднимать, потому что если в группе лохи, то они должны платить, а ситуация в том, что они все виноваты.
- Давай. Будем с лохов деньги собирать. - приходим в группу.
- Макс, скажи, кто у вас в группе самый лох?
- Зарипка.
- Вот смотри, щас покажу, как ситуация должна развиваться.

А раз главный лох — Зарипка, я подошёл, дал ему подзатыльник, как обычно.

- Э, ты что, мудак?
- Бля, ты — сука татарская, я тебя тут убью. - Серёга подходит.
- Так, Максим, Дамир, успокойтесь. Щас мы всё выясним.
- Я что с ним выяснять буду? Я таких, как он пиздил вообще.
- Дамир, подожди, сейчас ты сказал, что Максим — мудак, и ты таких пиздил?
- Да.
- Ты можешь за свои слова ответить?
- В каком смысле?
- Ты можешь Максима отпиздить?
- Я не буду его пиздить. - я уже подхожу.
- Ты что, ссыкло что-ли? Ты — задрот, ссыкло и пидор.
- Я таких, как ты…
- Подожди, Дамир, ты говоришь, но за слова не можешь ответить. Мы поговорим, отойдём, всё обсудим, я буду смотреть, чтобы всё было нормально.

Вывели его к туалету, там такое тёмное место, где мы планировали, чтобы гомосеки изнасиловали Ромаха и Таранцова.

- Вот, Дамир, ты обещал дать Максиму пиздюлей. Давай!
- Не, я не буду…
- Подожди, один на один, всё честно. Все слышали, за слова надо отвечать.
- Давай, Дамирка, давай. По роже мне попадёшь, я не буду до тебя доёбываться.
- А-а-а!

И с криком бросается на меня. Я с ходу ему ногой в живот. Он падает.

- Не, ты должен всё-таки дать ему пизды. Давай, иначе ты — не пацан. Вставай.

Дамир встаёт, опять бросается, снова падает.

- Дамир, подожди. Ты сейчас сказал, что дашь ему пизды, но сам падаешь, давай.

Я опять его подзадориваю, лицо вперёд выставляю. Дамирка прыгает, замахивается, пытается достать лицо, но падает. «Достал уже валяться!». Хвать его кроссовком по ебальнику! У него на лице — чёрный след. Лежит, вставать отказывается. Серёга:

- Макс, у тебя к Дамиру есть претензии?
- Нет.

- Всё, ты за базар ответил, сейчас я научу тебя драться. Вставай в стойку.

Дамир уже домой хочет, драться не хочет. Серёга начинает его учить драться. Пробил ему в душу несколько раз, Дамирка свалился, заплакал.

- Я вижу, мужик ты нормальный, пошли. - обнял его, ведёт, - Подожди, это что? Цепочка что-ли золотая? Слушай, братан, у меня свидание с девушкой, мне впечатление надо произвести, такая цепочка клёвая, с подковой.

У Дамира — паника, щека опухла, пробили грудь, рёбра, разбили ебальник чуть-чуть. Тут всё, брат появился и лучший кореш.

- Ладно, Серёг, завтра-то отдашь?
- Конечно отдам, девушка там хорошая, мы же друзья, завтра отдам.
- Ладно.

Дамир ему цепочку отдаёт, на следующей перемене Серёга пропадает, на середине пары приходит, отдаёт мне 200 рублей.

- На, Макс, твоя доля, я её около метро продал в ломбарде.

***

Серёга оказался парнем деловым.

- Вы косых же обуваете?
- Да.
- Конкретно? Прибыль есть?
- Не очень.
- Возьмите меня с собой!
- Хорошо.

Поехали с Серёгой обувать косых. Приехали в Алтуфьево, к общежитию. Сидим, ждём. 5 минут, 10 минут, нету. Нам холодно, зима же. Тут раз: идёт самка. Обычно мы самок особо не трогаем.

- Ну что, самку обуваем?
- Можно.

Она с ним поравнялась.

- Ну, вообще, я не знаю... - и херак ей в глаз!

Она падает, была в очках, очки брызнули. Серёга в это время тянет сумку. Я продолжаю пиздить. Серёга отрывает сумку вместе с ногтями, держала крепко. Но, ввиду того, что я пиздил её ногами в голову, сумка осталась у Серёги в руках. Дали по съёбкам. Было нас там 5 человек: я, Лёха, ещё 2 парня и Серёга. Съебались, перебежали на другую сторону дороги,

открываем сумку, там — паспорт китайский, воздушный рис, кошелёк пустой и немного йогурта. Йогурт выбросили, лекарства выбросили, паспорт выбросили, я себе обложку только забрал, потому что она хорошая, кожаная, свой паспорт туда засунул. Иду, воздушный рис ем. Один раз прыгнули, достаточно. Серёга идёт, он походу денег был должен кому-то.

- Бля, мне вечером надо 200 долларов, вообще край, срочно!

Сделали большой крюк, вышли на дорогу, где-то за 500 метров от того места, где мы ебашили первую косую. Но, с другой стороны. Мимо нас пролетает мусорская машина, с дикой скоростью, мигалками, понятно, куда она едет. Нам навстречу тут идут гук с гучкой. Подходим.

- Э, стоять!

Я сразу бью гука по ебалу, Серёга в это время хватает сумку у гучки. Гук выбежал на дорогу, упал, и мы его пиздим лежачего. Смотрю: Серёга гучку метров на 20 протянул вдоль двора, она скользит за ним, не поднимая ног. Стоит вроде как на месте, упирается, но всё равно едет. Серёга тянет за сумку, бьёт по ебалу, у неё лицо уже в мясо. Я понимаю, что надо сваливать.

- Давай, сваливаем!
- Блядь! Мне деньги нужны, она держит!

В итоге, сумку у неё отняли. Деньги забрали, поделили. По 250 долларов на рыло вышло. Неплохо съездили. Раз съездили нормально, то теперь надо проституток. Я никогда проститутками не пользовался, это же отстой!

- Не, Серёг, я домой.
- Да ты что? Куда? Деньги есть, бабло есть, надо тратить, давай.

Уже выпил пивка, уже едут в гостиницу, сейчас снимут проституток, ебать будут.

- Каких проституток? У меня девушка есть.
- Надо шлюх, какая разница?
- Да не, мне срочно.

Срулил быстро с этого мероприятия, потому что с пьяным Серёгой мне вообще ебать шлюх не хотелось. Уехал домой. На следующий день оказалось, что они шлюх не нашли, посидели с Лёхой в кабаке, а другие два парня тоже слились.

С Серёгой мы больше на акции не ездили, потому что это было больше похоже на грабёж. В чистом, концентрированном виде, а нам нужны были расистские акции. Потом мы узнали, откуда взялся Серёга и почему он старше нас. Оказалось, что он замочил, или очень сильно забил какого-то одногруппника в этом же колледже, и, чтобы не сесть, его отправили в армию.

Дело замяли. Причём, судя по его рассказам, то, что он творил в армии — это просто пиздец. Судя по тому, что я его знал, и что он делал, этот пиздец он мог творить вполне. Судя по роже, то ли наркоман, то ли голова сильно отбитая, хотя у меня на тот момент было штук 8 сотрясений мозга, но такого неадеквата я себе не позволял.

Проучился у нас Серёга месяцок, после этого его то ли отчислили, то ли он отправился в академический отпуск, и он больше не появлялся в колледже, никто его не видел.

Т

***

Наступило 14 февраля. День Святого Валентина, светлый праздник всех влюблённых. Мало кто знает, чем занимался Святой Валентин, а он венчал всяких пидорасов, объясняя это тем, что они тоже влюблённые и имеют право на личную жизнь. За это его ёбнули и признали святым. В России очень любят этого святого, мальчики девочкам пишут валентинки, «я тебя люблю, давай дружить», и прочие банальные глупости.

У нас в колледже придумали «Почту Святого Валентина». Внизу, у поста охраны, поставили ящик, в этот ящик влюблённые девочки и мальчики могут бросить бумажку с надписью, там номер группы, имя и текст. Мы с Лёхой про это прознали. Надо же своим девушкам поздравление сделать? Взяли по двойному листочку тетрадному, разорвали на 10 частей каждый, написали 10 валентинок. «Юля, я тебя люблю», «Маша, я тебя люблю», «Катя, я тебя люблю». Хотели сначала по любовному посланию каждой написать, но, так как их очень много, мы просто написали всем «я тебя люблю», а чтобы писать каждой послание, мы это не осилили. Поставили подписи, я нарисовал свастику, Лёша нарисовал кельтский крест. Девки и так бы поняли, кто к ним обращается.

Пошли после большой перемены, ждём улов. Получилось так, как мы не ожидали, потому что все валентинки, которые положили после большой перемены, не разносят по классам и не раздают лично в руки, а зачитывают со сцены в актовом зале. Мы там сидим, праздник, сценки показывают, песни поют. И наш один из дружков, Лёня, не скинхед, но с нами нормально общался, ездил на соревнования, зачитывает валентинки.

- Девочка Саша, из группы РД12, тебе валентинка, неизвестно от кого, свастика нарисована, «Я тебя

люблю!».

Она выходит, довольная, берёт валентинку, возвращается.

- Теперь Юля из АД21, «Я тебя люблю!», кружок с крестиком нарисован.

Она довольна, понимает, от кого, берёт.

- Маша, из АД12, тебе валентинка, тут свастика нарисована, «Я тебя люблю!».

Выходит, уже лицо не такое счастливое, как у Саши. В итоге вышло 5 моих девушек, и 5 Лёхиных, по половине наших пересеклись. А до этого все наши мутки происходили так, что они друг о друге не знали. Мы с ними технично общались, за сисечки хватали, за жопу трогали, всячески проявляли симпатии и уважение. А тут всё так синхронно получилось, в общем, неловкая ситуация.

Досидели до конца, послушали всё. У меня была одна из этих девушек, из тех, кто пришли, приоритетная. Надо к ней подойти и объяснить, что это шутка была, я остальных и не любил никогда. Пробираюсь к ней, она уже коалицию образовала из тех, кому пришли валентинки. Обсуждают что-то.

- Юль, пойди сюда на секунду.
- Да конечно, щас. Любвеобильный ты наш.

Лишился я, в итоге, всего гарема, всего, что было нажито непосильным трудом. Неудобная ситуация.

У

***

У моей сестры был классный альбом, где сфотографирован весь класс, подписано, как кого зовут. Такой альбом есть у всех, но альбом моей сестры был особенным, я его называл «Меню». Я открывал его, выбирал девушку.

- Маш, у тебя есть телефон этой?
- Да.
- Как она?
- Она дура.
- Дай номер.

Она давала. Я звоню.

- Аллё.
- Привет. Это Максим, брат Маши. Пошли погуляем.
- Ну я боюсь, я не знаю... Ну ладно, пойдём.

Так я добрался до Сони. Встретился с ней, погулял. Пригласил в гости. Раз уже общаемся, надо поплотнее

познакомиться. Пригласил, а спать мне негде, потому что дома мать, в комнате — сестра. Как-то надо брать. Пошёл, постелил на кухне подстилку. После драки с китайцами я спал на тонком, прошитом с двух сторон одеяле, потому что, если на полу спишь, то ничего не болит. Если на кровати, то когда просыпаешься утром, то всё измочалено. Постелил на кухне, на полу. Какое-то время она посопротивлялась, «я тебя плохо знаю, я ещё не готова, ну ладно». Отдалась.

На следующий день мне общаться с ней не так интересно стало. Единственное, что хорошо, так это то, что у меня не было сотового телефона. Достаточно было не брать трубку вечером дома, чтобы от неё скрыться. Хотя, Соня девушка была хорошая, отличница. В общем, с ней мы разбежались.

***

С Анькой я расстался ещё в середине второго курса, мы с ней разругались. Тут одна из подружек сестры ушла из дома. По кличке Киса. Типичная гламурная девочка. Ушла из дома, хлопнула дверью, где ночевать? У сестры. Сижу я на кухне, пью чай, ем какие-то котлеты. Смотрю: выходит из ванной в ночнушке - и в комнату. Это уже интересно, а фигура там — классная, красивая, реально модель. Единственно - глупая, как пробка. Заманил её на кухню, постели простыню разврата. Но нифига, не получается. Придётся встречаться, применять тяжёлую артиллерию. Дольше, но реально работает. Повстречался я с ней недели две, звонит.

- Максим, надо нам расстаться.
- Почему?
- Надо.

Потом оказалось, что это Анька-Балалайка сунула мне палку в колёса. Сказала ей, что со скинами встречаться не модно. Киса очень гналась за модой, и её это не устраивало.

- Анька, ну что ты? Гадина! Ты ревнуешь? Мы же расстались.
- Если честно, то да, ревную.
- Давай обсудим эту ситуацию.

Обсуждение закончилось тем, что мы с ней вспомнили старое и занялись сексом. Один раз, второй раз. Парень у неё был, какой-то скинхед, алкобон. Прихожу я как-то домой из колледжа, там сидит моя сестра со своим парнем, Анька со своим парнем. Я пришёл из зала. Уставший, злой, спина болит, эти сидят.

- Ну что, бухаешь?

- Конечно, пятница же.
- И что? Раз пятница, то нажраться надо?
- Конечно, я же скинхед, пивка ёбнуть надо.
- Да, если скинхед, то надо нажраться в говнище.

«Сейчас выпьешь ещё бутылочку пивка, я с Аней поговорю». Пошёл на кухню, поел, мне хватило. Он сидит, слюна течёт изо рта.

- Аня, пошли, разговор есть. - отвёл её в ванну.
- Ну нет, я не хочу.
- Да ладно, что ты?
- Я не могу, там Вовка сидит.
- Да ладно, Вовка... Он пьяный в говно валяется, отброс вообще.
- Ну я не знаю...

Раздел её, начали в ванной ебаться. Хорошо, что свет выключил. Открывается дверь.

- Я не пойму, где здесь туалет-то?

Вова пошёл блевать, в туалет пошёл. Надо было закрыть дверь. Анька опять:

- Макс, я так не могу, это же кошмар какой-то.

В тот момент, когда Вова открыл дверь, она сидела на мне голая. И если бы он не был пьяным дебилом, он не смог бы не заметить. Я объясняю:

- Вова сам виноват, он нажрался и совершенно потерял человеческую форму. Ты имеешь полное право ему изменять.
- Тоже верно.

С Аней у нас было конструктивное знакомство, что меня радовало, её не надо было провожать домой. У нас была договорённость, что если я её встретил, то я её и провожу, а если она пришла сама к сестре, то я провожать её не должен. Это было очень эффективное и выгодное сотрудничество.

Ф

***

Долгое время с Ольгой у меня были долгие, чисто романтические отношения, секса не было. Мы с ней ходили гулять, целовались, обнимались. Месяца три я даже боялся её лапать. «Как лапать? Уму непостижимо! Такая девушка же, ангел во плоти». Я сидел, ждал на остановке у её дома, когда придёт. Она идёт издалека, фигура маленькая ещё совсем, метров 200 до неё. Смотришь: вроде фигня, мир-то большой

вокруг, а сейчас она дойдёт до меня и этот мир весь заслонит. Как так можно? Меня эти мысли всегда интересовали, как так получается.

Через три месяца начались более близкие отношения. Приходили домой, ложились на кровать, обнимались, гладили друг друга. Но приставать конкретно я стеснялся, потому что у меня были неудачные опыты детские, когда я пытался заниматься сексом с девушкой, но были провалы. Вроде, пиписькой потыкаешь, но кончить не получается, здесь этого не хотелось, хотелось нормально.

В середине осени начались переговоры, что надо углублять отношения. Стали чаще встречаться, я стал пробовать, лапать где-то, трогать. Получилось более интересно, но не до конца. Потом постоянно происходили переносы даты дефлорации. «Давай попозже, сейчас месячные». Потом она вроде была готова, но я подумал, что у неё месячные. Потом просто друг друга не поняли, потом бабушка не вовремя приехала. В итоге, всё получилось. Я даже удивился, насколько это приятно, что всё работает, что всё, как в порнухе, может быть, можно вставить, презерватив надел, не мешает, всё хорошо. Я был дико рад, счастлив, и сексуальная жизнь у меня началась. Полноценная, в 16 лет.

X

***

У нашего колледжа на «Соколе» был парк, где постоянно гуляли мамы с детишками, бабушки с внуками, дедушки с газетами. Как-то мы там шастали, увидели белок. Мало того, что белки там кругом бегали, так они и жрали с рук. Берут с рук орешки, залезают на дерево грызть. «Нельзя ли эту белку схватить?». Схватил и унёс.

Что с ней делать? Продать можно. Пошли в зоомаг, спрашиваем, сколько стоит белка? 2000 рублей. Деньги хорошие. Пошли на следующий день в парк на большой перемене, взяли с собой тубусы, мы же будущие проектировщики. По дороге к парку какой-то хач торговал орехами, забрали у него по горстке орехов, фундука и кедрового ореха. Пришли в парк, там белочки. Только оттуда ушли мамы с дочками, Лёха — раз! Протягивает белке орешек, подманивает. Белка спускается вниз, что-то верещит, видно, боится, но лезет. А я захожу к дереву с обратной стороны, и по Лёхиным глазам я вижу, где белка находится географически.

И, когда она находится в зоне моей досягаемости, я с обратной стороны её хвать! Схватил. Я в перчатках толстых, она что-то там верещит, Лёха быстро хватает тубус, открывает, я её засовываю, мы съебались в колледж. Приходим, всем показываем. «Смотрите, белка у нас в тубусе сидит». «Ах, нихера себе!». Девки вокруг нас вертятся: «Дайте нам белочку поиграть».

- Подарите мне белочку!
- Не, мы в зоомаг идём продавать.
- А давайте я у вас куплю!
- Не, нихера, мы продавать понесём. Ты её выпустишь, мы идём в магазин.

Принёс я белку домой, она носится, по шкафу, по обоям, вжух! Круги нарезает. Собака на неё гавкает, но не ловит. Выгнал собаку из комнаты, на всякий случай, чтобы не загрызла. Белка у меня сидит. «Сейчас, немного пообвыкнет, я её в зоомаг и отнесу, как ручную». Белка уже успокаивается, к вечеру начинает есть, я какую-то еду положил, сидит, жрёт. Хорошо.

Ещё через день пошли вторую белку ловить. Эту-то очевидно, что продадим. Ходим. Народу в парке много. Одну пытались поймать, она убежала, заверещала. Попытались поймать вторую, нас спалили какие-то тётки, стали орать: «Что вы делаете, сволочи! Фашисты, как вам не стыдно?». Хотя здесь наша идеология никак не пересекалась с деятельностью. Просто «фашист» - это плохое слово. Кота шлёпнешь — ты фашист, белку в тубус посадишь — фашист. Сбежали с Лёхой.

Ещё через день приходим в парк. Смотрим: все столбы обклеены объявлениями: «Внимание, в нашем парке орудует банда, ловит белок, ходит с чёрным тубусом, подкрадывается и хватает. Будьте внимательнее, вызывайте милицию, защитим наших белок от браконьеров!». Ах ты палево какое! На нас уже тётки оглядываются. Но тут белка спускается и орешек просит. Лёха, как добрый человек, протягивает орех, я с обратной стороны захожу и белку вторую — оп! И цапнули. Приволокли в колледж, потом домой. Что делать? Надо белкам делать прививку, чтобы у неё была медицинская книжка. Поехали в Рублёво, там ветклиника. Решили, что сделаем прививку, и белки станут домашние, совершенно полностью. Но там нас ждал облом.

- Белке делать прививку не будем.
- Почему?

  Не помню, какую причину назвали, но отказались.

- Где доказательства, что она не дикая? А вдруг дикая, я её

руками трогать не буду.

Отказался айболит, наглухо. Ладно, так в магазин продадим. Была знакомая, которая работала в зоомаге в Крылатском. Звоню.

- Возьмёшь белку на реализацию? Хорошая, не кусается, ручная практически.
- Что, поймал что-ли?
- Да не! Как поймал? Она ручная, не кусается, замечательная, всю жизнь в клетке провела.
- Приноси, будем продавать.

А белка всё-таки кусалась. Если берёшь её в руки, пытается тяпнуть за палец. Ну что делать? У меня уже их две дома. Одну взял, которая потише, начал её дрессировать. Дрессировал щелбаном по лбу. Подносил руку в перчатке, когда она кусалась, давал ей щелбан. Таким образом, белку воспитывая. Воспитывал её часа полтора, кусаться перестала. Успокоилась, стала тихая, милая. Звоню. «Сейчас принесу, через полчаса белка будет у вас». Взял клетку от морских свинок, посадил в неё. Пришёл, сдал, получил расписку, что у меня была взята на реализацию белка по цене 1000 рублей. Возвращаюсь домой, довольный. Но на следующий день звонит мне девчонка из зоомага.

- Макс, белка умерла.
- Как умерла?
- Померла.
- Да ладно! Живая же была, здоровая. Что ей умирать?
- Не знаю, она посидела, посидела, легла и померла сегодня.

Чёрт! Наверное, передрессировал. Обидно. Естественно, забирать не пошёл. Вторую белку я решил воспитывать мирным путём, чтобы она не померла.

Тут приезжает ко мне Саша, девушка из колледжа. Тут у меня только с Ольгой что-то получилось, надо продолжать развивать свои выступления. Познакомился с Сашей, которая училась на курс младше меня. Стали с ней по телефону разговаривать, я как-то даже не ожидал от себя такого пикаперского навыка, уже какие-то пошлости пошли, она:

- Да, давай, я хочу тебя, приеду, будем сексом заниматься.

Нифига себе! Я с Ольгой полгода встречался, пока дело до секса не дошло, здесь — два дня и она приезжает. Может, подвох?

На следующий день мы вместе из колледжа домой вернулись. У меня кровати не было в то счастливое время, я спал на полу на тонкой подстилке - всё из-за той драки с

китайцами, спина чтоб не болела. Пока мамы нет дома, на диване, Саша была взята. А была она, что самое интересное, девственницей. Залил весь диван кровью, пропиталась простыня. «Что-ж такое-то? Сейчас вытирать, чистить!» Прихожу в комнату к себе, тряпку взять, смотрю: белки нет! Я давай её искать. Балкон открыт, на балконе окно открыто. 9 этаж. Белка куда делась? Съебалась по балкону. Что-ж такое-то? Вроде, хорошее мероприятие было сегодня проведено, а диван — мыть, белка — пропала. Отстой какой. Ладно. С белками у нас так ничего и не получилось. А жаль.

Ц

***

Я всё больше и больше любил музыку. Слушал постоянно «Агату Кристи» дома, вникал в суть написанного. А плеера у меня никогда не было, я же бедный. Где плеер взять молодому скинхеду? Естественно, отнять. Как-то еду я из колледжа, смотрю - на «Соколе» со мной вместе в метро зашёл чурбан. Стоит, лицо наглое, головой трясёт, наушники надел. С плеером, музыка играет громко, довольный. «Ага, этого мне и не хватает». Подождал пока двери закроются. Пока ехали в тоннеле, я ему так:

- Уважаемый!
- А, что хотите?

Пальцем подманиваю его, чтобы наклонился вперёд. Он наклоняется, я беру двумя пальцами за наушники и бью ему в подбородок.

- А, не надо!
- Дай плеер сюда!
- Не надо, пожалуйста.
- Плеер сюда дай.

Забираю плеер, наушники. Достаю кассету, ему возвращаю. Он:

- А, спасибо.

Убираю плеер в рукав бомбера, начинаю его бить двумя руками по ебальнику. Подъезжаем к станции «Динамо», он уже где-то свалился, я его выбрасываю на платформу. Сразу вскакивает, бежит в толпе милицию звать. Машинисту ничего не видно, дежурный по станции ничего не заметил, совершенно спокойно двери закрываются. Я еду дальше. У меня — модный плеер, Sony Walkman, с оранжевыми наушниками. В этом плеере я стал слушать свою любимую музыку. Единственное,

что меня раздражало — быстро садятся батарейки. Плеер был кассетный. Батарейки садились и жевать начинало. Батарейки тоже приходилось добывать.

***

Пошёл я как-то в школу к Стасу в гости, он учился в 11 классе. Там вижу: хачонок стоит в «Спартаковской» розе.

- Ах ты, негодяй какой! Ну-ка дай-ка розу сюда!
- А, что?
- Дай розу, собака! Сейчас ебало тебе разобью. «Спартак» - русская команда, а ты, чурбан, будешь её носить?

Отнял. Потому что мороз был -25 и у меня горло болело, бомбер-то без капюшона. У меня был «Альфовский» бомбер серебряный, вместо капюшона — маленький воротничок. Шарфом замотался, потеплее стало. Дома постираю, можно будет носить. Ушёл домой.

У сестры — родительское собрание, 9 класс. Там решаются организационные вопросы, она меня попросила прийти. Мне одному-то идти лень, я взял своего дружка Тёмыча. Приходим. Сели на заднюю парту. А весь класс засажен мамами и одним папой учеников. Мамы все, как одна, в плащах. Волосы все завиты бигудями, толстые все, важные, надушенные. Вонь в классе. «Всё, пиздец, сегодня у детей будет тяжёлый день». Если так мама одевается в школу, то после этого, что бы ей ни сказали про ребёнка, ребёнку достаётся.

Мы сидим, нам весело. Я, как обычно, в бомбере, розе «Спартаковской», камуфляжных штанах, наголо бритый. И Тёмыч примерно в таком же виде. Сидим. Училка раздаёт листочки.

- Напишите размеры своих детей, мы будем шить для них униформу. Все пусть всё напишут.

Мамы-то знают размеры своих дочек. А я откуда-то могу знать размеры вообще? Я покупаю, чтобы штаны на меня были, и всё. И куртку точно так же. Откуда я знаю свой размер одежды? И, тем более, сестры? Мы с Тёмычем давай из этого листа самолётики складывать. Училка что-то вещает.

- В этом году дети будут изучать… поедут на экскурсию…

Запущу-ка я самолётик, никто не догадается, кто его запустил. Делаю, запускаю, он делает большой круг над классом и мужику, единственному папе в классе, бьёт прямо в лоб. Пам! Вскакивает. На меня:

- Ты что, самолётики пускаешь прямо в меня, охренел что-ли?
- Как ты догадался?

Класс осматриваю: кроме нас сидят остальные мамы, тут не нужно быть Шерлоком Холмсом. Я ему:

- Слышь, я тебе сейчас по ебалу дам, сядь, гондон.

- Что? Ты что? Ты как мне?

Папа потерял дар речи, стоит. Я сижу. Училка это увидела.

- Мужчина, я сейчас вас попрошу выйти, что вы себе позволяете?
- Меня, вот, здесь!

Садится. Училка назвала его по-фамилии, и я понимаю, что это папа того хачонка, у которого я розу забрал. Я делаю вывод, что он не просто папа хачонка, так он ещё и на хачихе женат. Значит, он вообще гондон. Я его ножиком тыкаю в спину.

- Что такое?
- Я тебя зарежу, урод.
- Что ты себе позволяешь?

Училка опять поворачивается.

- Мужчина, я вам последний раз говорю! Ещё раз я вас услышу, вы выйдете из класса, понимаете?

Сидит, молчит. Училка рассказывает, что заканчивается 9 класс, надо детям поехать на выпускной, на экскурсию. Надо ехать в Новый Иерусалим.

- Кто поедет в Новый Иерусалим?

Все за.

- Кто против?

Я подымаю руку.

- Я против.
- Почему?
- У нас денег нет, Маша поедет на дачу картошку сажать.
- Ладно. Будем шить форму. Надо сдать 100 долларов. Кто будет сдавать?

Все руки поднимают.

- У кого какие-нибудь вопросы?
- Маша пусть просто так ходит. Денег нет.

Потом поднялся вопрос о том, что надо за охрану досдать. У некоторых есть задолженность, в том числе и у Маши. 200 долларов. И на ремонт школы 100 долларов. Я опять протестую.

- Денег нету, ни за какой ремонт школы платить не будем.

Училка внимательно за мной наблюдает. Заканчивается родительское собрание, а мы ржём сидим, Тёмыч шутит, смеёмся. Собрание потом заканчивается, училка начинает разговаривать с родителями. Надо с ней поговорить, сказать, что денег нет никаких вообще, семью я содержу один, лично. Последнее мероприятие с меня. Пошёл Тёмыч в туалет, я за ним проследил, свет выключил и держу. Он начинает орать,

ломиться, я дверь держу, он вопит. Затих. Я пошёл разговаривать с училкой. А в туалет в это время заходила уборщица. Нормально, смешно.

- Вы понимаете, я один воспитываю сестру, у меня брат — дебил, одного даже оставить нельзя, папа — алкоголик у меня, невменяемый. Мама — инвалид, весь груз ответственности лежит на мне.

Училка смотрит на меня: «Да, если на тебе лежит груз ответственности, с такой физиономией, то у сестры вообще дела плохи».

- Знаете, Максим, давайте класс скинется, за Машу как-нибудь заплатим, мне она не говорила, я даже и не предполагала. Ладно, мы решили вопрос, всё будет хорошо.

Приходит Тёмыч.

- Макс, я там по ошибке в биде насрал, ты же свет выключил!

У училки лицо вообще перекосилось, мы ушли. Пришёл домой, вечером бате рассказываю, как я весело сходил на собрание.

- Тебя больше никогда не будут звать в школу. Я сказал, что ты — алкоголик, мать — инвалид, семью я один содержу.
- Ну и отлично.
- Мало того, что я сэкономил 500 долларов. За экскурсию, костюм, охрану — платить не надо.
- Ну вообще красавец.

На следующий день приходит из школы сестра. Вся в слезах, плачет, ревёт.

- Что случилось?
- Макс, дебил! Я тебя ненавижу. Зачем ты ходил в школу!

Оказалось, что к ней подошла училка в школе.

- Маша, я сожалею, что у тебя такое горе в семье. Отец — алкоголик, мать — инвалид, брат — дебил. Как ты вообще держишься? Ты — мужественная девушка. Не надо никаких денег, за тебя сдадут другие одноклассники.

Сестра устроила истерику; конечно, с одной стороны, ей всё это было крайне неприятно. Но, с другой стороны, больше её родителей никто никогда не вызывал.

***

Из-за того, что мы с Лёхой каждый день пиздили по

нескольку вьётнамцев и китайцев из нашего колледжа - они, естественно, начали принимать меры. Дошло до того, что если раньше они ходили по одному-двое, то сейчас они начали собираться в метро толпами по 40-50 человек, и двигались в общежитие таким отрядом. Ловить их стало труднее.

К тому же возникла моральная проблема. Дорожка, если идёшь вдоль дома к метро, позволяла идти четырём людям в ряд. Но зимой можно идти втроём в ряд. Гуки шли колонной в 3-4 человека. Или ты идёшь по сугробу, ждёшь, когда пройдёт толпа, или ты толкаешь каждого плечом, не сворачивая. Вопрос решался всегда однозначно. Мы никогда не сворачивали, всегда толкали китайцев плечом. Происходило это как? Идёшь, видишь колонну, достаёшь нож, берёшь в руку, идёшь. Они знали, кто мы такие, потому что у меня — серебряный бомбер, видно издалека, и сколько мы там отпиздили, даже не пересчитать. Они знали, кто мы. Мы понимаем, что если хоть один наберётся наглости и прыгнет, то это пиздец. Но, один хрен, шли и толкали. Рука уже отведена с ножом. «Дёрнетесь — воткну!». Кто-то уворачивался от плеча, уходил, кто-то плечо подставлял, пытался толкнуть, но, так как мы — спортивные, молодые, длинноногие и политически грамотные, то всегда эту колонну плечами протолкаешь и идёшь гордый к метро, не испугался опасности, не отвернулся и не был сломлен ордой желтокожих захватчиков.

Я, конечно, всегда был на стрёме. Так как мы косых всегда не только пиздили, но и обували, один раз произошёл вопиющий случай. Выходим мы после уроков, впятером, как обычно, движемся к метро. Навстречу идёт гук. Не просто идёт, а дефилирует, в дорогой кожаной куртке, двумя пальцами держит борсеточку, к ней прикреплён сотовый телефон, и идёт, прогуливается. Один наш его толкнуть собирается, Гога. Я его за куртку хватаю.

- Подожди, подожди.
- Э! Что! Косой же.
- Не, подожди. Идём дальше.

В 5 метрах от нас стоят два мужика с невинным видом, но мужики здоровые, и мусорские рубашки торчат из-под курток. Какие хитрые! Оглядываюсь в сторону: стоит «Волга» с милицейскими номерами. Она, конечно, без боевой раскраски общероссийской банды вымогателей, но всё равно палевно, и ещё мужик какой-то сидит с отсутствующим видом, смотрит в нашу сторону, совершенно, как случайный

пассажир. Китаец идёт дальше, не торопясь прогуливается.

- Походу это засада была.
- Может быть.

Заворачиваем за угол: китаец с ментами разговаривает, они ему пальцем показывают, мол, иди туда. Мы идём вперёд. Около метро стоим, разговариваем. Кто-то едет на подземке, я, например, на троллейбусе, надо было переходить Ленинградку и на троллейбусе в Крылатское. Но мимо нас опять идёт этот китаец, размахивая борсеткой. Опять менты. «Вы нас за идиотов держите?».

В тот раз засада у них не удалась, хотя попытка была хорошая. И если бы я не заметил, то Гога начал бы его пиздить. А если бы Гога начал его пиздить, то нас бы всех забрали. Тут 162 УК (разбой) был бы гарантирован, разбой группой лиц.

***

Все эти истории я регулярно рассказывал Ольге, каждый вечер, по телефону. Я рассказывал, как «мы с Лёхой ёбнули косого», как «мы с Лёхой ёбнули чурку», как «мы с Лёхой ёбнули негра», как «я цунарефу нож в руку воткнул». Её это дико бесило, потому что она предполагала, что меня рано или поздно посадят, а я предполагал, что она — бестолочь, ничего не понимает. «Как меня посадят? Я же не попадусь». В общем, от этих разговоров она бесилась. Всё время злилась, мне приходилось долго объяснять, что это нужно, что ничего страшного в этом нет, что это правильно, и вообще совершенно несправедливо на меня выёбываться.

Мало того, она частенько оставляла меня без еды. Очень жестокая девушка. Если к ней приезжаешь в гости, то еду надо требовать до того, как займёшься сексом. После того получить вообще ничего невозможно. В лучшем случае — помыться. «Всё, давай-давай, мне в институт пора, собирайся! Жрать сюда приехал? Дома не наелся? В колледже поешь!». Один раз я, всё-таки, дорвался до кухни.

- Дай мне пожрать, не уеду, пока не пожру.
- Вот здесь холодильник. Бери, ешь. Есть хотел? Бери, ешь.

Я понимаю, что под таким пристальным взглядом я есть просто не смогу, и свалил.

Другой случай был с ней. У нас были разговоры, что хорошо было бы прямо с порога заняться сексом, без разговоров. Я знал, что у неё никого не будет с утра дома.

Позвонил в дверь, она открывает. Я, вместо «привет», расстёгиваю штаны, поднимаю халат, сраз вхожу и всё, начали секси-тайм. Одет я был как обычно: камуфляж, ботинки, сделал в квартиру ровно полтора шага. То бишь, переступил полог. Стою в коридоре, делаю своё дело. Ольга смотрит вниз в пол, руками упёрлась. Я кончил. Ольга, не разгибаясь, опускает глаза на мои ботинки.

- Нет, ну ты не мог на ковре стоять? Смотри, с ботинок натекло! Ну что это за фигня.
- Блядь, да ты заебала!

Застёгиваю ширинку, разворачиваюсь и ухожу. Это я понимаю, короткий визит, даже раздеваться не пришлось. «До чего гадина! Какого хрена я с ней общаюсь? Так нельзя! Вытер бы я, зачем истерики устраивать?». Случай был, хотя и показательный, но далеко не единичный, такое происходило постоянно и регулярно. Отношения всегда находились в такой позиции, что «ещё чуть-чуть и всё, хрен я здесь появлюсь», но меня тянуло к ней всё равно очень сильно, несмотря на это, я там регулярно появлялся, хотя, может, именно поэтому, хрен его знает, из-за чего так происходит.

***

Один раз звонит мне Бус.

- Тесак, в конце недели, в пятницу, будет тренировка на базе ОМОНа, в Строгино, надо быть обязательно всем соратникам.
- Что за фигня?
- Кузьмич договорился с ОМОНовским главарём, что под видом патриотического воспитания на базе ОМОНа будут тренироваться скины.
- Круто, что надо сделать?
- Надо всех своих товарищей собрать, в пятницу вечером приехать на базу ОМОНа.
- Надолго?
- Часа полтора тренировка, главное, показать, что люди у нас есть.
- Хорошо, сделаем.

Узнал адрес, обзвонил, кого смог. После колледжа еду. Но в этот день у моей бабушки был день рождения. Звучит смешно, но мне надо быстрее откачаться, всё дело провести, и ехать кушать салатики и тортики. Ехал я с «Сокола», сел, естественно, не на тот трамвай, заблудился, опаздываю уже

на 20 минут. «Ладно, опоздаю, хрен с ним». Подъезжаю на Таллинскую улицу, смотрю: стоит человек 20 скинов, понятно, что наши. Что-то случилось.

- Привет.
- Привет.
- Что случилось-то? Что за паника?

Вижу, что у одного скина молодого течёт кровь по штанам. Его пытаются перетянуть ремнём.

- Что случилось?
- Да вот, таджик подошёл, нож всадил.
- Как вообще было-то?

Рассказывает, что шла группа, человек 10 скинов, и с самым мелким (13 лет) из них поравнялись два таджика, он хоть мелкий был, но правильно был одет: камуфляжные штаны, ботинки, подтяжки, бомбер. На хача смотрит: «Тебе что надо?», тот, ничего не говоря, ножик ему всадил в бок. В итоге, пробил селезёнку. Остальные опешили. Там было двое взрослых, по 18-19 лет, остальные — карланы, 14 лет. Они опешили. Таджики орут:

- Давайте, што хатите?

Эти ничего не стали делать. Рядом какие-то чурбаны копали траншею, таджики подбежали, схватили у них лопаты, чурбаны тоже повылазили (хотя чурбаны, которые копали траншею, были неагрессивные) скины молодые зассали и дали таджикам слиться, те спокойно ушли. Потом другие парни стали подходить, этот момент я и застал. Естественно, случай чрезвычайный, вызвали «Скорую помощь». Приехали, загружают. Приехали менты.

- Ну что, скинхеды? Вас таджики даже режут. Это пиздец, ебанулись что-ли? Как вы родину защищать-то будете? Они живые ушли. Вас кто уважать будет?

Мы понимаем, что ситуация загасная, надо что-то с этим делать. Но надо проводить тренировку. Пошли в зал. Зал огромный, целая куча штанг, тренажёров, груши, гантели, раздевалка хорошая. Помню, жму я какой-то смешной вес там, то ли 80, то ли 90, жму вроде нормально, мне кажется, что вес — огромный. Я, в принципе, самый здоровый из этой тусовки. Подходит один парень.

- Что, жмёшь?
- 80 кг.
- Я в твои годы тоже 80 жал.
- В какие мои годы? Ты в 12 лет, может, 80 жал?

Показалось, что совсем молодой. Как я потом выяснил, это был Андрей Кайль. Ему тогда было 25, крайне молодо

выглядел. Потому что порода такая, да ещё не бухал и не курил. Я ему что-то детское ответил, отзывает в сторону.

- А ты был, когда таджик парня ножом пырнул?
- Не, я позже пришёл. А что?
- Выясняем, кто был, кто не был.
- Почему?
- Надо трусов наказывать. Потому что тех, кто очканул, надо наказать, отпиздить, нельзя так оставлять. Ты с нами?
- Конечно, это пиздец позор.
- Давай, после тренировки всех соберём, будем трусов наказывать. Ты пиздить готов?
- Готов.

Заканчивается тренировка, выходим толпой организованной, человек 30. Около базы есть овраг. Спустились, построились. Разделили отряд на тех, кто присутствовал на этом позорном факте, и тех, кто не присутствовал. Кто присутствовал, те сделали шаг вперёд, и Бус им говорит:

- Вы понимаете, что вы опозорили всё движение скинхедов?
- Да, мы понимаем.
- Вы понимаете, что вы — гондоны, трусы и должны понести наказание?
- Да, мы понимаем.
- Снимайте свои куртки, чтобы не испачкались.

Снимают. Стоит один парень, у него — бомбер, джинсы, но видно, что нерусский.

- Ты кто?
- Я — скинхед.
- Какой ты скинхед, ты — чурбан.
- У меня папа — азербайджанец просто.
- Зачем кельтский крест нацепил? Ты трус, да ещё и хач. Снимай.

  Он снимает кельтский крест.
- Сейчас ты получишь наказание и сваливаешь, чтоб тебя не было в рядах организации. Ты всё понял?
- Да, я понял...

Сделали они шаг вперёд и на счёт «три» мы на них прыгаем. Сначала мы их жалели, били только ногами в живот. Но потом в кучу всех завалили и стали со всей дури пинать тяжёлыми ботинками, прыгать на них. Руки, ноги, рёбра, головы, у кого-то пальцы оттоптаны. Понесли наказание. Ещё раз напомнили им о том, что они впредь так

поступать не должны и должны больше бояться позора и наказания от товарищей, чем какого-то чурбана, который им ножик в пузо воткнёт.

Стали расходиться. Двигаемся в сторону остановки. Толпа рассосалась, но человек 10 осталось. Там было человек 5 обесчещенных, которые получили пизды, и человек 5 тех, кто жаждал отомстить за раненого соратника. Вышло так, что в этой толпе я был самый старший и самый здоровый, хотя никого из них не знал лично, но мне надо их вести в бой.

- Поехали чурбанов пиздить.
- Поехали.

Сказать, что мне надо к бабушке на день рождения - я никак не могу, потому что это будет звучать ещё более нелепо, чем «у меня заболел живот». Поехали. Сели в троллейбус. «Так, чтобы мне к бабушке успеть, мне надо по дороге от «Октябрьского поля» до «Тушинской» проакционировать. Если я это сделаю, то я совершенно спокойно сяду на троллейбус и уеду». В трамвае нет ни одного чурбана, около метро «Тушинская» нет тоже ни одного чурбана, которого можно завалить. Но хотели именно таджиков валить. Какая разница: таджики, грузины? Завалить и свободны.

- Нет, надо ехать в центр.

Мне в центр совершенно не интересно, салаты ждут. Заходим в метро, где-то на «Планерной» садятся в вагон два чурбана, передо мной и ещё двое за моей спиной, то есть четверо друг напротив друга. Я поворачиваюсь к двоим, берусь руками за поручень.

- Слышь, гондон, ты что тут делаешь?
- Щто ты сказаль?

Слышу крики:

- Давай, Тесак, ёбни его!

И с криками «А ну-ка, давай-ка, уёбывай отсюда!» я подпрыгиваю, держась руками за поручень, бью ногами в ебало одному и второму, одновременно. Со всех сторон уже удары ногами идут. Двух чурбанов, которые с другой стороны сидели, тоже валят. Я запрыгиваю на сиденье, начинаю прыгать на чурбанов, они свалились один на другого. Очень удобно. Я прыгаю, нога съезжает, я случайно на бедро встаю одной девчонке. Смотрит, ойкнула.

- Девушка, извините меня, я случайно.
- Я вижу.
- Вопросов нет?
- Нет.

- Ладно.

И дальше продолжаю чурбанов бить. Потом чурбаны свалились с сидушки, потому что их вниз сила тяжести манила. Чурбаны с другого сиденья тоже лежат, их куча, весь пол застелен. Люди разбежались в панике, вжались в край вагона. Мы остановились на платформе, но, что самое интересное, никто не дёрнул стоп-кран. Поезд простоял положенное время и двинулся в путь.

Всё парни, которые акционировали, успели выскочить и съебаться. А я вошёл в азарт и прыгаю по чурбанам, ору: «Суки, гондоны, вас всех убью здесь!» - и прозевал закрытие дверей. И понимаю, что вот — четыре чурбана, вагон овощей полный, которые никто не пошевелились, чтобы чурбанов защитить, но которые и не пошевелятся, чтобы меня защитить. В общем, пришлось целую остановку прыгать на чурбанах, потому что они могли подняться и меня захерачить. Выскочил на «Октябрьском поле», бегом до троллейбуса, прямо 19-й подъезжает, сел и сразу поехал. Вот это я удачно! И сакционировал красиво, и успел, всё очень замечательно. Доехал до бабушки, приезжаю. У меня ничего не порвано, нигде кровью не заляпано, отлично.

***

В воскресенье был сбор командиров в штабе, прихожу. Мне все:

- Ну, нихуя ты зверюга, нормально выступил, красавчик!

Хлопают по плечу. Это — достойно, это — замечательно. Мне объясняют, что в «МК» вышел скандал, что пиздец, больше мы в ОМОНе тренироваться не будем.

- Что такое?
- Среди тех, кто пришёл тренироваться, была журналистка из «МК», она под видом соратницы внедрилась в ННП и присутствовала на тренировке. Пришла, смотрела, как мы тренировались, из машины фотограф фоткал сборище скинхедов. И статья разгромная, что «власть тренирует нацистов на базе ОМОНа для участия в уличных акциях, это выгодно Кремлю».

Из-за этого скандала нам, естественно, тренировки прикрыли, появляться там запретили, вся деятельность оказалась свёрнутой. А очень жаль, база была хорошая и многообещающая.

***

1 апреля звонит мне Бус и говорит:

- Тесак, решили назначить тебя командиром Западного округа, ты себя хорошо проявил тогда, ты достоин руководить соратниками.

Всё торжественно рассказал, у меня волнение. «Как я буду кем-то руководить? Нифига себе!». Положил трубку, думаю: «Блядь, сегодня же 1 апреля! Наебал меня!». Вечером я приехал в штаб, Бус вручает тетрадку, где записаны все соратники по Западному округу. По этой тетрадке мне надо было обзвонить всех, назначить место сбора, с каждым лично встретиться, поговорить, провести собрание, прочитать лекцию, взносы собрать, то есть вести партийную деятельность и агитацию.

- Это надо делать срочно, начинать, потому что прошлый руководитель Западного округа ничего не делал, он был тунеядцем, здесь — непочатый край, со всеми надо работать.
- Сегодня начинать?
- Да.

Приезжаю домой. «Как я буду говорить, что я — руководитель Западного округа? 1 апреля же, никто не поверит». Решил подождать, стал звонить 2 апреля. Очень интересно было то, что из 30 человек нормально отреагировали, и сказали, что могут встретиться и вести какую-то деятельность всего пятеро. Кто-то сказал, что «меня это больше не интересует, не звоните», я его сразу вычеркнул. Некоторые сказали, что «ну я там, да, но времени нет, учёба, понимаешь, когда закончу, буду». Этих я вычёркивать не стал, но поставил галочку, что у них энтузиазма нет. То есть, я уже стал вести точковочку, кто что говорит, кто что делать собирается, не собирается.

На первую встречу пришёл один человек. Пришёл, и сразу предложил завалить какое-нибудь чудовище. Пришлось его успокаивать, что у нас сейчас — партийное мероприятие и мы чудовищ завалить ещё успеем. Встретились с ним на «Молодёжке», около метро там есть полу-парк, полу-двор, но суть в том, что там довольно мрачное место, и там можно и акционировать, и можно водку там пить, что местные жители и делают, чурбаньё какое-то лазит туда-сюда. Я пытаюсь заниматься партийной деятельностью, а парень хочет провести акцию прямого действия. Это было самое тяжёлое,

чтобы на эту акцию всё не уехало. Ладно.

В следующий раз собрал двух других. Тоже с ними побеседовал, эти были поадекватнее, не предлагали кого-нибудь завалить, но к партийной деятельности относились весьма скептически, больше интересуясь прямыми акциями. Но контакт был установлен. Это очень важный шаг. В итоге, я установил контакт всего с тремя парнями из Западного округа, которые согласны были что-то делать. Которые хотя бы были готовы приезжать на сборы.

***

Где-то в 20-х числах апреля в Лужниках был матч «Спартак» - «ЦСКА». Так как я с одногруппниками гонял за «мясо», мы туда поехали. С шарфами, все подготовились. По дороге едут группы сплочённые, мы искали «коней», «кони» искали нас, но дело в том, что хотелось попасть на стадион и одновременно поймать какую-то мелкую группу «коней». Эти два пункта выполнить тяжело. Если поймаешь кого, то, скорее всего, на стадионе не окажешься. Тем не менее, пока до «Лужников» доехали, забили несколько чурок в метро, как обычно. Вылезли в «Лужниках».

Пришли на трибуны, народу немерено, причём фанатские сектора забиты, а «кузьмичёвские» — практически нет. Начинается первый тайм, на «мясном» секторе, на нашем - я был на Б7 или Б8, не помню - загорается куча фаеров. У нас загораются, ниже, выше, целая куча. Если у коней — штук 5, то у нас — 20, не меньше. И дымовые шашки, каждый пронёс в трусах, в стельках, пронёс газету, пропитанную селитрой – опыт, все одногруппники мои приносили перед матчем в колледж, у кого что получилось, весь двор был задымлен постоянно. Пиротехника накануне матча была подготовлена на полном серьёзе.

Проходит несколько минут матча, начинают отрываться стулья. Мы сидим на трибуне, передо мной — два хача. Не знаю, как они там оказались. Они встали, как обычно все встают, кричат, орут. Пока они встали, один из наших начинает отбивать стулья у них под жопами. Хачи начинают говорить:

- Э, зачем ты стулья отбил, ты что, вообще перепутал?

Один из них сразу получает стулом по голове. Второй не понимает, что стулом-то ударили, что будет что-то нехорошее, тоже начинает залупаться. Тут уже все начинают

его пиздить стульями, потому что стульев отбитых много, все фанаты чурбаньё не любят. Я смотрю ниже: стулья бросают уже в ментов. Нормальным потоком, всё сильнее, стулья отбивают, спускают вниз, там — гора, завал. Минут 10 прошло, там просто — стулопад. И фаеров всё больше и больше. Вижу: стягиваются мусора. «Кони» что-то скандируют, «мясо» тоже скандирует. Я помню, что вся трибуна спартаковская орала «ЦСКА — сосать!». А те орут «Мясо — сосать!». Я и думаю: «Что будет, если все придут с той трибуны и будут у всех сосать? Это же пиздец!». Я, вот, допустим, против этого, кошмар просто! Акт групповой содомии.

Столпились внизу мусора, начинаются кричалки про мусоров, в них кидают фаера, дымовые шашки, кресла. Столпились, естественно, космонавты. Шлемы опустили, дубинки берут. Сейчас что-то будет! И точно: швыряется ещё пара фаеров и начинается атака на трибуну. Они бегут вверх, фанаты ломятся от них, толпа сваливает выше. Кого-то хватают менты, какого-то мента слишком сильно поволокло, он вышел слишком вперёд своей линии нападения, и, когда мусора отбили какую-то часть сектора, они отступают, группируются, этот мусор уже убежал вперёд, рядов на 10, его бьют стульями, шлем сорвали. Мусора опять перегруппировываются, надо же своего выручать, опять бегут вперёд. И такими рывками, по 5-10 рядов они отвоёвывают.

Тут раз, смотрю: около меня падает фаер, до ближайших ментов остаётся рядов 7. «Ну всё, сейчас я в какого-нибудь мента фаер брошу». Нагибаюсь за фаером, менты как раз начинают атаку, кто-то меня толкнул как раз в тот момент, когда я тянулся за этой горящей хуетой, я падаю, нога застревает между двумя неоторванными креслами. Лежу на спине, в руке фаер горит, нога застряла, вскочить не могу, съебаться не могу. Прибегает один мент, хвать меня, сразу ногой в живот долбанул с прыжка, дубинкой по бедру долбанул. И бежит дальше. У меня дыхание сбилось, и менты хватают меня за руки, тем более, фаер я не выпустил. Но там было видно, что я — хулиган и меня надо арестовывать. Выводят меня со стадиона. Прям при входе на сектор забирают билет, два мента берут меня под руки. Смотрю: сбоку начинается драка, какого-то мента завалили фанаты, начинают пинать. Один мент меня бросает, бежит ему на помощь, второй пытается держать. Я дёргаюсь, мент падает, вырываюсь и даю по съёбкам. На трибуну я не побежал, потому что там ментов стоит человек 5, а спускаюсь вниз.

Отбежал я метров 50-60, дальше смысла нет. Внизу стоит ещё толпа человек 20, таких же, у кого билеты забрали.

- Что, ребята, будем делать?
- Стоять ждать надо. Что делать? Матч закончится когда, видел, какой экшн на трибунах?
- А вы что делаете?
- Вот, билеты отняли, вытащили.

Время смотрю: ещё первый тайм не закончился, я успею ещё до дома доехать, второй тайм по телевизору досмотрю. В метро сел в вагон, сижу довольный, с ментами драка, движуха. На «Фрунзенской» в вагон заходит «коней» человек 40. А я один, в спартаковской розе.

- О, мясо! Вали его!

Начинают меня пиздить. Я закрываюсь, кричу:

- Охуели скина трогать? Ёбнулись?
- Парни, тормозим, это — правый парень, нахуй своих пиздить?

Не стали меня добивать, пожали руки.

- Ты — молодец, давай. Все свои. Мы попутали.

Я поехал до «Библиотеки». Сижу, думаю: «Нахуя мне фанатствовать, если не так важно, за кого ты болеешь? Мы же все — русские, все — скины. Какая разница, за «мясо» ты или за «коней»?». Тем более, что и у нас в группе были скины, которые гоняли за ЦСКА и мы с ними вместе валили гуков. Эта клубная вражда мне стала не интересна, сижу, раздумываю. В философию поволокло. Приехал домой, рожу от крови умыл, тут папа орёт:

- Макс, смотри, тебя показывают.

Включаю, там перерыв и какие-то нарезочки. Смотрю: меня выводят со стадиона. «Вот — задержанные первые хулиганы». Нифига себе, первый хулиган! Мой бомбер засветили, серебряный, очки, я стал суперзвездой.

Матч закончился не важно с каким счётом, суть в том, что были оторваны все кресла на стадионе, все «мясные» сектора были перекрыты, перед каждым сделали живой коридор из мусоров, всех выходящих из сектора менты пропускали через строй и пиздили дубинками. Вообще всех: женщин, детей, мужиков. Смотрелось дико: выходит девчонка, и ей бьют дубинками по спине и по жопе. Зачем? Выходит мужик, лет 45, он точно не кидал фаера и с ментами не дрался. Ему тоже — по жопе и по ногам. Так это смотрелось отвратительно! «Ну мусора, ну гондоны, как я вас ненавижу!». Потом это видео показывали по всем каналам, это был вопиющий акт футбольного вандализма и

хулиганизма. Действия ментов почему-то особо никому неприятных ощущений не доставили. Всяких правозащитников возмутило только то, что «фанаты «Спартака» оторвали кучу кресел». Что-ж делать? Кресла были плохие, оторвали кресла, новые стали свежие, красивые и хорошие.

***

Учёба закончилась, началась у нас в колледже строительная практика. Для начала, отправили всех отвезти документы в фирму, в которой будем эту практику проходить. Мы с Лёхой съездили в Митино, в жопу мира, как нам тогда показалось. Отвезли бумажки туда, трудовые книжки, подписались.

- Ребята, вы понимаете, как это важно? Это ваша первая серьёзная работа.
- Естественно, мы глубоко волнуемся и будем нести эту ответственность с честью.

Какую-то хуйню нам рассказали, мы поехали на стройку на следующее утро знакомиться с работой. Там — несколько третьекурсников, человек 10, из разных групп. Приехали, улыбаемся, все одеты в вольную одежду. Нас построили в шеренгу, вышел мастер, начал рассказывать о том, что какая на нас возложена ответственность, что мы должны здесь работать, а не отлынивать, мы будем на виду, потому что мы работаем за зарплату, что мы не должны дурака валять, что, хотя зарплата у нас — 2000 рублей за этот месяц, но, тем не менее, с нас за эти 2000 сдерут все шкуры и мы должны работать с полной отдачей. Мы стоим, нам смешно.

- А ты, что улыбаешься, в очках? Интеллигент?
- Конечно, я человек интеллигентный, поэтому руки мне пачкать западло.

Мастер хотел сказать какую-то гадость, но не стал, видать, увидел злобную ухмылку. Вышел какой-то начальник в пиджаке, ещё раз повторил о высокой чести, которую фирма предоставила нам, распиздяям и долбоёбам, что за нами будут смотреть, мы получим ценнейшие навыки, и повели нас знакомиться с объектом. Это была школа. Музыкальная, которую реставрировали. Расхерачили всё, что было, выкинули пианино, еврейские скрипочки, ещё что-то. Вынесли полностью всю начинку здания, и реконструировали его от и до. Новую крышу там надо было строить. Все

перекрытия перебирали, стены надо было штукатурить, а до этого — отбивать, ямки копали. Дешевле можно было построить новое. Ходим, смотрим; работает на стройке где-то половина — молдован, половина — хохлов, москвичей — раз-два и обчёлся. Здание четырёхэтажное.

Отвели нас в вагончик.

- Вот, здесь вы переодеваетесь, обедаете. Содержите его в чистоте и вешайте шмотки.

Вагончик — строительный, посередине — стол стоит, лавки по стенам, на вешалках висит целая куча телогреек запылённых, штанов проссанных, пакетов с ботинками, каски под лавками валяются, портянки, носки - просто пиздец. Смен пять молдаван там уже померло, и все свои вещи оставляют. Кипятильник я там впервые увидел, сделанный из двух бритв. Между бритвами ток проскакивает, они накаляются и кипятят воду. Выдали нам сапоги, робы, каски, телогрейки, перчатки. Идём работать.

Перво-наперво нас с Лёхой отправили в подвал с перфоратором долбить стену в месте, где надо было сделать приямок. Отправили не самих по себе, а с каким-то молдаваном. Залезли мы в подвал, там сыро, одна лампочка светит. Молдаван начал ковыряться с этим отбойником. Выключает, хочет передохнуть. Мы начинаем допрос.

- Ты — молдаван?
- Да.
- Какого хуя в Россию приехал?
- А? Что?
- Мы — нацисты. Ты скажи, ты зачем в Россию приехал?

У него — лицо испуганное, «бля, поймали!». Мы давай его пытать:

- А русских-то, небось, пиздил в Молдавии? Ну-ка, сознавайся! Мы тебя здесь сейчас убьём! - молдаванин, конечно, выразил лояльность к русским, к нацистам, к скинхедам, ко всем, - Ладно, с тобой понятно, а остальные молдаване против русских?
- Не-не-не, всё нормально, никто не против русских.
- Хорошо.

Национал-социализм начали насаждать. Подолбили эту стену, потом пошли выкопали приямок, сделали дырку. Отправились в укромное место разрисовывать наши телогрейки и каски.

Для начала мы вырезали молнии SS, из рубероида и наклеили из себе на каски с двух сторон, потом на телогрейках нарисовали свастики, руны, стали по стройке

ходить более вольготно. Работать нам, естественно, не хотелось, потому что за 2000 рублей в месяц будет работать только полный дурак. Как Дамир Зарипов. Он в это время бегал, всем помогал, спрашивал, как всем помочь, на кой хер? Не понятно. Это же практика, её просто надо пройти.

Мы с Алексеем узнали, где тут можно спать без палева. Узнали очень хорошее правило поведения на стройке: рукава всегда должны быть закатанными и в руках что-то должно быть, то есть в руки нужно взять ведро или трубу, что-нибудь полегче, но должно быть видно, что ты что-то несёшь, что ты дико занят. Я одно время ведро с собой носил, потом это мне надоело, я стал просто ходить с закатанными рукавами и сосредоточенным взглядом, как будто мне надо очень срочно что-то делать и куда-то нестись.

На стройке стояла конура, в ней жила собака. Конура хорошая, из свежих досок сделана, большая. К вечеру первого дня из этой конуры я собаку выгнал, постелил какую-то тряпку и улёгся там спать. Но ноги торчали, меня кто-то сдал прорабу, прораб меня разбудил. «Иди работать». Скотина. Пошёл опять ходить, бродить. Время с утра и до обеда тянется крайне долго. «Ну когда-ж пожрать-то, да что такое? Это пиздец». После обеда уже попроще, спать не хочется, домой не хочется, интересней.

Искали мы с Лёхой, как бы нам развлекаться. Первой нашей жертвой, естественно, был Дамир. Мы его хорошо знали и он был на виду. Каждый день, до обеденного перерыва, мы ссали ему в ботинки. Мы знали, где они лежат, и он постоянно выливал из них мочу, приговаривая: «Опять мне воды в шмотки налили». Он, почему-то, искренне верил, или заставлял себя верить в то, что это именно вода. Хотя, ботинки у него уже воняли и мы говорили, что «Дамир, выкинь их, они воняют». Но, Дамир нам не верил.

Потом мы решили, чтобы не работать, подписаться на уборку в вагончике, в то время, как всем остальным раздавали задания на день. Мы же уберём! Уборка заключалась в том, чтобы выкинуть шмотки умерших молдаван и таджиков и подмести. Хорошо. Все ушли, мы начали мероприятие. Притащили контейнер для мусора, давай туда шмотки выкидывать: телогрейки, робы, носки, каски, всю хуйню. Место освобождается, но:

- Надо шмотки выкинуть.
- Да.
- Дамира Зарипова!
- Естественно, кого ещё?

Мы давай эти шмотки искать. Искали, искали, нет шмоток. Где они? Он же тут, по стройке ходит. Ищем. Ладно. Огнетушитель распылили сзади, интересно же, как он устроен. Повесили обратно. Подмели потом, всё чисто. Шмоток Зарипа не нашли, зато время скоротали. Смотрим: ползёт Дамирка с пакетом. Порылся в мусоре, достал свои шмотки (мы их, оказывается, случайно выкинули) и такой нам:

- Ви зачем мои щмотки викинули? Кто так делает?
- Ладно, Дамирка, ну что ты? Случайно перепутали.

На следующий день мы решили исправить эту оказию, будем другим путём действовать. Взяли стекловату. Стекловатой я натёр ему всю одежду изнутри: штаны, подмышки, майки, свитер, штаны, носки, в ботинки насыпали стекловаты, чтобы нормально всё было. На регулярной основе стали это делать, чтобы у Дамира была сладкая жизнь. И пошли до него доёбываться. Дамир как-то вместе с нами как-то попал под замес, его оставили разгружать цемент. Он — маленький, дохлый, мы — здоровые, можно подкачаться. Цемент разгружаем, он стоит около этого корыта, полного цемента. Он что-то какую-то гадость сказал.

- Э, слышь, Дамир. Я тебе сейчас рёбра сломаю.
- Не сломаешь.

Я ему — хвать! В грудину кулаком, он на ногах не устоял, и прямо жопой падает в корыто с цементом, вся спина и жопа уляпаны. Мы с Лёхой быстро съебались, потому что там молдаване, прорабы. Пошли на самый верх. Типа мы там работаем. Взяли перфоратор, стоим, стены штробим. Хохлы начали там нас учить, как хлопать строительные патроны о стену. Их надо обернуть проволокой и капсюлем ударить по стене, они нормально взрываются. Получается петарда. Можно подкрасться к кому-нибудь и — бах! Под ухом. Кто-то взвизгивает, прикольно. Сделали. Тут хохлы пожалели, что нам это рассказали, потому что мы напиздили полные карманы патронов и хлопали их около хохлушек-штукатурщиц, молдаван пугали, самих хохлов, кто нас этому научил. Пистоны кончились, хохлы попрятались, взять больше негде.

На следующий день у нас с Лёхой было новое развлечение: решили лепить из глины какашки. Берёшь глину, между рук запускаешь, как будто говно. Налепили штук 10, давай их по стройке раскладывать. Сидят ребята, обедают, раз — у них какашка лежит возле стола. У них — паника. «Кто это сделал?», да ещё кому-то надо выбросить.

Мы смеёмся. Подождали, пока в вагончике начальника участка никого не будет, зашли, положили прям на стол. Потом ещё одну положили под дверь. Там паника, пиздец, ходят, на всех орут, прямо террористическая операция. Потом поняли, что это глина. Сказали, что мы — негодяи, потому что или кто-то нас сдал, или было очевидно, кто это сделал, потому что у нас на стройке стала появляться репутация соответствующая, к тому же мы постоянно подъёбывали молдаван, кидали в них камешки, бумажки, это всё в шутку было, хотя они злились.

На стройке была девушка Марина, не совсем девушка для нас, ей 21 год был, она колледж закончила и работала ключницей на складе, выдавала лопаты, телеги, всякую хуйню. Звать мы её стали «Тётя Марина».

- Ребят, почему тётя? Я старше вас всего на 3 года, я Марина просто.
- Не, ну ты старая уже, ты — Тётя Марина.

Она бесилась, но всячески пыталась кадриться. Мы подчёркивали её старушачность, плюс у неё была жирная жопа и она курила, поэтому она могла быть только Тётей Мариной. Как-то повесили мы на её складе объявление, что симпатичный молдаванин познакомится с заведующей складом для интимных отношений за гаражами. Повесили, через 20 минут она прибегает к нам в вагончик, мы кушали. Объявление на стол кидает.

- Максим, Лёша! Вы — дебилы, я вас ненавижу.

Плачет, что плачет? Ну, пошутили, хрен с ним. Начальник участка, там был Миша, маленький гондон, постоянно ходил в белой каске, очках и выёбывался. Он как-то поручил нам отбивать снаружи стену. Надо было залезть на леса, и отбивать штукатурку на уровне 3-4 метра. Полез я туда с Лёхой. Как отбивать надо? Естественно, свастикой. Давай хуярить. За час я выбил свастику, метра полтора на полтора, здоровую, ровную, красивую, видно издалека. Только выдолбил, не успели мы отдохнуть. Прибегает прораб.

- Где, блядь, эти? Заебали, что за хуйня?

Оказывается, соседи из дома напротив увидели, как свастику выдалбливают, запаниковали. «Ну как так можно, это же — фашисты!». Приехали менты, выебли мозг этому прорабу, сказали немедленно свастику убирать. Отбойный молоток у нас отняли и больше не выдавали. Послали помогать каким-то арматурщикам, гнуть арматуру. Мы с арматурщиками тусанулись минут 40.

- Слушай, нам за это нихера не платят, помогать мы тебе

не будем, хочешь — будем вокруг тебя крутиться и мозг ебать? Или пойдём спать.

- Да идите спать, что вы.

Всё честно. Мы зашли в комнату с минеральной ватой, она была уложена штабелями до самого потолка в несколько рядов. Мы часть вынули, изнутри сделали комнату. Снаружи кажется, что комната забита до потолка этой стекловатой. А, на самом деле, внутри, около окна, у нас была комнатка небольшая. Мы всё устроили, постелили, и после работы шли спать. Спать там было хорошо почему? Во-первых, нас не было видно ни с какой стороны, если блоки изнутри подтянуть, подпереть, то никто не найдёт. Но потом гондон-прораб увидел нас – видать, через окно. Окно было закрыто армированной плёнкой. Увидел наши каски, пришёл, залез туда, отодвинул вату, распизделся. Хрен с ним, пошли на крышу. Вид красивый. На крышу мало почему-то кто лазил, там делать нечего было, и, если лестницу убрать, то туда и прораб не забирался.

Стали мы тусоваться там. Вид там романтический. Сидим, разговариваем о девчонках. Главное, что виден Ольгин дом. С Ольгой я думал, расстаться или нет. Она мозг ела, но и любил я её.

- Лёха, как ты думаешь, послать её?
- Да посылай!
- Ну не могу, понимаешь? Она такая хорошая, мне нравится, да и сейчас практика рядом, могу хоть каждый день после работы встречаться, тут ехать недалеко, пешком можно дойти.
- Тогда пошлёшь, как практика закончится.
- Точно! Практика закончится, там и пошлю моментом.

Действительно, по вечерам после практики я с ней встречался, ходил, гулял по Карамышевской набережной. Это романтическое место было.

***

Закончилась у нас работа, я куда-то ехал, суть в том, что не в Крылатское, перешёл на другую сторону, где конечная троллейбуса. Жду автобуса. Смотрю: идёт тип, в голубых джинсах, майка с поросёнком в строгом ошейнике, написано: No one likes us, we don't care. Фанатская майка, мясная. И со стороны практики идут ещё два парня из группы. И им зиганул в прикол.

- Зиг хайль! Куда идёте?

- Домой.
- Понятно.

И тут этот, который подошёл ко мне в майке:

- Ты что, нацист?
- Да.
- Шарп!
- Я не шарп! Я — нацист.
- Шарп.
- Ты — дебил? Я — нацист. А, ты, блядь, шарп?
- Да!

А парень, года 22 ему, побольше меня, но и пузо у него, пива, видно, выпить любит. И замахивается. Там такой замах, как будто быка хочет завалить. Замахнулся. Что делать? Бью ногой в живот и двойку по ебальнику. Он согнулся, разгибается. Рожа разбита, майка разорвана.

- Ты что сделал?
- Тебе что надо, охуел?
- Блядь, я шарп! Но я не против скинов, я сам Царицыно громил. Я сказал так, потому что нацисты ничего не делают. Но надо же пиздить чурок, я в этом смысле.
- А, в этом смысле, ну давай тогда, я понял.

Ушёл этот дебил, я так и не понял, то ли он доебаться решил, то ли он — шарп, или ошибся, не знаю. Он очень сокрушался, что я ему порвал именную майку.

***

Как-то еду я с практики, иду домой, смотрю: в подъезде сидит кошка. Я с собакой выходил. «Так, надо эту кошку погладить». Подхожу к ней, собака сунула туда нос, она дружелюбная, доберманчиха. Кошку лизнуть. А кошки собак не любят. Как ебанёт ей по носу когтями. «Ах ты, гадина!». Ебанул ногой котяру, она улетела. Кошка вызвала негативные эмоции, сволочь низкопробная. Причём, я знал, что она ссыт у меня на этаже. Она ссыт на девятом, а живёт на первом. Запомнил, ушёл.

Потом у нас с Лёхой сложилась прискорбная ситуация. Мы заметили, что когда бетон разгружают, молдаване закидывают его в вагонетку, которая поднимается подъёмником, на нужный этаж. Мы залезли на крышу и со своего любимого места кричим. Обычно, кто-то кричит со своего окна: «Раствор!». И молдаване подбегают, начинают раствор грузить и поднимать на нужный этаж.

Раз, приехал грузовик, высовываемся, кричим: «Раствор!».

Молдаване бегут, начинают это всё грузить, мы с Лёхой сидим, посматриваем: «Ага!». Тема в том, что если кинуть кирпич в эту вагонетку сверху, то обрызгивает всех, кто рядом стоит. Мы подождали, пока нагрузится — хуяк! Туда два кирпича. И молдаван забрызгали. Они смотрят на нас, орут, кулаками грозят, мы опять туда кирпичей накидали.

Молдаване взбеленились, орут что-то по-молдавски: «Йохэндэбэйс!». Побежали нас пиздить. Мы-то понимаем, что ситуация некрасивая, спровоцировали толпу целую. По одному-то можно чмырить, они тихие, но тут — толпа. Забаррикадировали один подъём, около второго спрятались, стоим с палками. Каска поднимается — бам по башке! Она уходит, второй — уходит. Смотрю: из люка белая каска высовывается. Я уже собрался бить, тут вспоминаю, что белая каска — это прораб. И Миша-гондон высовывается:

- Вы что, охуели? Вы что, ёбнулись? Нахуй это делаете?
- Это не совсем мы, на нас напали.
- Да я видел всё! Вы — дебилы! Пошли нахуй отсюда!

И убежал. Мы его хотели опустить тоже, но он ушёл. Уволили нас с практики, да и не важно. Но вышло так, что уволенные из практики, мы забрали документы из этой фирмы, думаю: «Ну и ладно, хрен с ним, устроюсь к своему папе в фирму фиктивно. Он даст мне бумажку, что я там работаю, а я буду спокойно на даче тусоваться».

Приезжаю в колледж.

- Я буду работать у папы, он даст бумаги.
- Не, Максим, то, что надо у папы работать, это тебе надо было раньше думать, сейчас уже поздно. Сейчас всё. Тебя выгнали с практики, третий курс ты не закончил, получаешь документ, что ты прослушал 1, 2, 3 курс в колледже, иди ищи другое место.

Нам с Лёхой это сказали. Оно и понятно, ректор-гондон ждал полгода, а тут повод — железный, чтобы выгнать, оспорить мы его не можем. Поехали мы с Лёхой искать другие колледжи, но никуда не берут, потому что ректор нашего колледжа позвонил ректорам всех других колледжей, и предупредил, что «вот этих двоих нацистов не брать». В итоге, все другие колледжи отказывают нам в поступлении на дневное. Нашли один, на «Первомайской», на вечерний факультет, нас приняли, на дневное отказались. Мы успокоились, можно отдохнуть летом, работать, хотя бы не зря пропадает время. Оказалось всё не так просто.

***

Та кошка собаку мою поцарапала зря. Вспомнил я о ней, когда выносил мусор. Выхожу, и ссаниной воняет. «Блядь, как она меня заебала!». Надо её ёбнуть. А что делать? Спустился в подъезд, взял кошку, у неё три котёнка было. Хватит говно всякое плодить, надо их замочить. Притащил домой, достал пенёк для мяса, топориком котят шлёпнул, в ведро тушки скинул. Бью кошку. «Так, эта поздоровее, надо ей башку отрубить и выбросить». Всё будет тихо и чисто. Собаку я запер, чтоб не гавкала. Кошку рубанул, но промахнулся, она вырвалась, руку мне поцарапала, стала бегать по комнате, всё залила кровью, добил я её, но не приятно. Одно дело — быстро шлёпнул и выбросил. А другое — когда начинаются мучения животного, жалко её стало. Башку отрубил, на помойку бросил, собрался тушу тоже кидать. Тут звонит Тёмыч.

- Макс, что делаешь?
- Ничего, кушать собираюсь, а что?
- Я сейчас к тебе в гости с Тонычем зайду.
- Заходите, мать кролика купила, сейчас в холодильник убираю как раз. Надо будет его разделывать, готовить, чтобы на день рождения кушать.
  Я же Тёмыча знаю, он же халявщик первостатейный.
- Макс, давай кролика сожрём.
- Ну как, мать же купила, нельзя.
- Блядь, давай!
- Не, ну надо же приготовить на праздник.
- Мы приготовим, давай!
- Ты пойми, что нельзя.
- Нет, давай!
- Давай сожрём, только если приготовите его как надо, очистите, зажарите, замаринуете, чтобы нормально было.
- Мы всё сделаем.
- Не вопрос.

Приходит, я только-только успел с кошки шкуру снять и кишки выбросить. Запихал в кастрюлю и поставил в холодильник. Она ещё тёплая. С задних лап я не стал шкуру спускать, чтобы был шанс у него понять, что это — кошка. Оставил там лапу с когтями. Кошка серая была. Он не просёк.

- Смотри: лапы-то кошачьи.
- Нет, это кролик.

- Вроде кошка.
- Кролик, что ты гонишь? Специально лапы оставили, чтобы видно было.
- Хорошо.

Порезали они кошку, маринуют. Тут ко мне две девчонки пришли. Сидим в комнате.

- Там Тёмыч сейчас кошку готовит, маринует, вы ему не говорите об этом.

Пошли, посмотрели, носы позатыкали.

- Какой кошмар! Ой!

Ушли. Эти над ними смеются.

- Вы что, не видели, как кролика готовят? Подумаешь.

Посидели мы в комнате. Тёмыч с Тонычем зажарили картошку в духовке, кошку порезали, с лучком, запекли, достали. Пахнет на всю квартиру, прикольно. «Пойти, что-ли кошку пожрать? Не, не буду, иначе в чём шутка будет?». Потерплю. В итоге кошку я есть не стал. Тёмыч с Тонычем всё поели.

- Давайте, открывайте помойку, вы кошку жрали.
- Как кошку?
- Вот так.
- Быть того не будет.

Открыли помойку, увидели кошачью шкуру, лапы, голову. Но, никто даже не блеванул. Покривились, сказали, что я урод и с той поры у меня дома мясо никогда не готовили.

***

В ННП должен был состояться долгожданный праздник: посвящение в Юнкерский корпус и принесение присяги бойца ННП. Заранее все были обзвонены, что все собираемся на Белорусском вокзале, оттуда выдвигаемся и едем в лес. Собралось человек 60-70, погрузились на электричку, доехали до станции «Крюково» и относительно ровными шеренгами двинулись в лес. Прошли 500-600 метров по лесу, по дороге обсуждал с парнем по-имени Доктор особенности крови различных народов. Он утверждал, что кровь чурбанов и негров с джинсов не отстирывается. Я ему говорил, то это — предрассудки, и чурбанская кровь отстирывается точно так же, просто не надо стирать горячей водой. Спор у нас был горячий, к нему присоединялись другие бойцы, у каждого была своя версия, кто-то говорил, что негритянская кровь не

отстирывается, кто-то что наоборот, отстирывается, только кровь белого не отстирывается. Таким образом, у нас получился конструктивный, захватывающий диалог и я не заметил, как мы пришли на место.

Туда предварительно выехал передовой отряд, там был заранее сложен костёр, вкопали крест, обмотали тряпками и пропитали тряпки бензином. Там полянка большая. Готовились, устраивались, думали, как получше это организовать. Суть была такова. Сперва надо принести присягу на верность ННП, потом похоронить предателей, ритуально, то есть похоронить листочек с их именами, вскоре от этого они должны были умереть. Предатели — это те, кто в партию вступил, а потом на неё забил.

После этого должны выступать люди в качестве претендентов на вступление в юнкерский корпус. Это должна была быть драка один против троих. Суть не в том, чтобы победить, а хотя бы выстоять 2 минуты в этой драке.

Построились. Те, кто приносил присягу, должны были встать в шеренгу и повторять слова присяги за Бусом. Разожгли костёр, Бус зачитывал слова, все повторяли, после этого присягнувшие на верность ННП по очереди подходили к флагу ННП, целовали его, отпивали глоток вина из немецкой каски и ели кусок карбоната из советской. Советскую каску я сам для этого ритуала принёс. Было довольно интересно, половина соратников в масках, в масках прорезаны только глаза, я не знаю, зачем они там в масках были, тогда не было такого давления, ходи, как хочешь, но маски понадевали. И очень смешно они маски приподнимали, чтобы вина глотнуть из каски. Для меня это была проблема: как же я буду вино глотать, если я не пью? С Бусом на эту тему разговаривал.

- Пить не обязательно, ты хотя бы губами приложись.
- Ну хрен его знает, уже загас.
- Ладно, не горюй.

Убедил меня. Карбоната я съел, дали с ножа пару кусков. После этого выкопали могилу, похоронили там фамилии предателей. Потом все разошлись готовиться. В Юнкерский корпус должно было поступать 5 человек: Я, Лысый, Чугун, Белый и кто-то ещё. Первым решил посвящаться я. Вышел, размялся. Начали драться. И у меня стало нормально получаться. Посвящали меня три человека, из которых только один был моей комплекции, один был с меня ростом, но дохлый, а третий был дохлый, да ещё и мелкий. Это были лейб-гвардейцы, они были парни боевые,

но самому мелкому я разбил нос. Но вернулся в строй, хотя кровь из-под маски текла.

Драться против двоих легче, у меня получилось охуительно. И на следующий бой мне пришлось уже заменять того, кому я нос разбил, и самому замещать соратника. Посвятили второго, третьего. Лысый тоже хорошо дрался, не убегал. Белый падал постоянно, Чугун тоже, делал вид, что его ударили куда-то, то в печень, то по яйцам, хотя просто не выносил прямые удары. Но все были приняты, потому что суть в том, чтобы выйти и не испугаться.

Тут ко мне подходит журналист из «Известий», Соколов-Митрич, я потом фамилию прочитал.

- Можно у тебя интервью взять? Я статью пишу.

Журналист был приглашённым. У нас в партии была дисциплина, что не положено давать интервью без разрешения вождя. Но его направил ко мне Сухаревский, что «вот иди, поговори с бойцами рядовыми». Потому что тоже неправильно, если приедет журналист, а ему с бойцами запрещают общаться. Это — не красиво.

- Да, конечно, я дам интервью.
- Почему ты стал скинхедом?

Как мне объяснить журналисту, почему я стал скинхедом? На меня не нападали на улице хачи просто так, у меня нет каких-то личных обид. Но, вспомнил я ситуацию одну, которая могла послужить основанием. Дело было в том, что я встречался с девушкой, которая жила на Каширском шоссе, недалеко от того места, где были взорваны дома. На Гурьянова был дом. С ней я расстался. 1 сентября пошёл в школу, с ней общения нет. Но телефон помню, адрес помню. Тут сообщение о том, что дом взорван. Я, естественно, бросаюсь из школы ей звонить. Трубку не берут, не дозвонился, расстроился. И пошёл чурбанов пиздить вечером, мстить. Встретил скинов, мы пошли чурбанов пинать. Нескольких сильно отмудохали. Это давно было.

Дело в том, что придя домой, я смог до Наташи дозвониться, с ней поговорил, узнал, что это не её дом совсем, но журналисту я этого то ли не успел, то ли не стал до конца рассказывать. Он понял так, что девушка у меня погибла, я решил мстить и пошёл в движение скинов. Эту статью он напечатал в газете «Известия». Она стала довольно популярной. Приезжаю в ННП потом, половина статьи посвящена мне, что «Тесак с таким интеллигентным лицом, здоровый, спортивный, у него погибла девушка, его можно понять». Мне, конечно, Кузьмич выразил благодарность за

работу с журналистами.

На самом деле, овощам нужно обоснование, почему я стал нацистом. Овощам обоснование было нужно, его дали. Они рады. Потому что если сказать, что я нацист и переживаю за свой народ, то «ну нафиг, это быдло, они валяются под забором, а ты будешь на них своё время тратить?». Этого не понимают, такая мотивация ничего не объясняет, люди же гондоны по своей сути. А если ты объясняешь, что девушка погибла, то «да, это — месть, это — лично, тут ты имеешь полное право». В то, что дома взрывали не чечены, а ФСБ, я тогда не верил и не думал, сейчас, конечно, не сомневаюсь. Если взрывали и чечены, то с ФСБшной подачи.

За это интервью я был назначен руководителем Московского регионального отделения. Что это значит? Я должен был руководить командирами округов, общаться с ними, посещать мероприятия, сборы округов, посещать по выходным сборы командиров и общаться с прессой, потому что внешность — типично скинхедская, лицо — отмороженное, но в то же время интеллигентное, могу что-то связанное говорить, а это — довольно редкое качество у нас.

Всех журналистов стали приводить, я с ними общался. Я всем рассказывал, что стал скинхедом не потому, что я не люблю чёрных, не потому, что я люблю свой народ, а конкретно потому, что при взрыве дома у меня погибла девушка. Рассказывал столько раз, что уже начинаешь сам это с чувством говорить, в это верить, свыкся с этой мыслью. Помню, девушке этой позвонил, рассказал.

- Наташа, погибла ты, я скином стал.
- Макс, зачем? Ну ты достал так делать!
- Я твой портрет думал напечатать.
- Только попробуй, зачем тебе это надо?

Портрет я не стал печатать. Ситуация-то простая, овощи не понимают. Вот если им объяснить, допустим, что у меня ни один чурбан никогда девушку не отбивал, и ни одна моя девушка не уходила к чурбану. У меня чурбан не может отобрать рабочее место, потому что я закончу колледж и стану инженером. Чурбаны инженерами не работают, они работают чернорабочими, в крайнем случае, начальниками участков. У меня нет боязни того, что меня какой-нибудь чурбан ограбит, потому что я сам могу ограбить кого угодно. Меня не изнасилуют и не будут грубить, потому что я — мужчина, довольно крупный, сильный и агрессивный. Меня эти проблемы, из-за которых обыватели думают, что можно

стать националистом - они вообще стороной обходят. Кроме какой-то идеологической мотивации ничего нет. Но в пропагандистских целях почему овощам лапши на уши не навесить? Это нормально, вполне здраво и объективно. Мы эту позицию обсудили в партии, мне сделали замечание, что «Макс, смотри, не проболтайся, будет некрасиво, сейчас мы будем это пиарить» - «Хорошо, договорились. Стал скинхедом, потому что погибла девушка». Я стал скинхедом в 14 лет, а взрывы дома были, когда мне исполнилось 15, но небольшие нестыковки наружу хрен когда выплывут.

***

Как-то в штабе ННП Бус мне говорит:

- Тесак, не хочешь познакомиться с тёлкой одной?
- Что за тёлка?
- Есть одна, она сумасшедшая правда, хочешь — встреться с ней, может погулять сводишь, выебешь.
- А что она?
- Да, заебала, шлюха вонючая.
- Заебала, так заебала, давай.

Происходило это как в партии? Была редакция и генштаб. Редакция — на кухне, штаб — в комнате. Был совет командиров, как обычно, в воскресенье. Я ушёл в редакцию и стал говорить по телефону, а командиры слушали по громкой связи в штабе разговор. Делалось это неоднократно. Из разговора я узнаю, что девушка вступила в ННП, общалась довольно плотно с Бусом, потом начала тупить, Бус на неё разозлился и слил её мне.

- Как тебя звать-то? Марина?
- Не, на самом деле, Ира, но Марина — это партийная кличка. Чтобы никто не догадался.

Спросил Буса.

- Почему у неё партийная кличка — Марина?
- Потому что мне нравится имя Марина, девка понравилась, имя мерзкое, поэтому кличка Марина.
- Пойдём гулять.
- Пойдём.

Буквально на следующее утро я договорился конкретно по времени, встретились мы с ней где-то в районе «Сокола», пошли гулять. Девка здоровая, почти с меня ростом. Она старая тогда была. Мне — 18, а ей — 27 что-ли, бабка. Сиськи большие, ноги стройные. Ходили, ходили. В итоге, я усадил её

за какую-то скамейку, начал щупать за положенные места, всё нормально происходит. Чем лучше в этом отношении девушки постарше, так тем, что они уже не кривляются, что «мама не разрешает», «люди увидят», это уже не работает. Начали целоваться. Романтическая прогулка. Где-то в течение полутора часов. «Нихуя себе, мне-то 18, а я уже девку закадрил, которой 27», чистый пикапер. Уехал домой, договорились, что она приедет ко мне в гости на следующей неделе. И Бусу рассказал.

- Марина — шлюха, дрянь.

Оказалось, что Бус с ней встречался в это время, у него что-то не получалось, он не думал, что у меня что-то получится с этого захода. Решил не рассказывать ему остального, чтобы его не расстраивать.

На следующей неделе приехала Марина к нам с Лёхой в гости, у него была хата в Новогиреево, куда мы водили девок. В эту квартиру ещё его отец водил девок, однокомнатная. Отец понимает, что сын растёт, и отдал ему ключи. И мы стали водить туда девок. С Мариной приехали, на кухне разложили диван, попили чайку, легли, общаемся на общественно-политические темы, а Лёха с другой девкой общается на такие же темы примерно. Тут звонок в дверь. Я никого не жду, Лёха тоже никого не ждёт, но зачем-то пошёл открывать. Он был голый, смотрит в глазок: там стоит его девчонка Алла с подругой.

- Алла, подожди.
- Лёша, открывай, я знаю, ты там не один.

Тут он обмотался полотенцем, и открывает. Алла врывается, видит, что я с девкой на кухне, бежит в комнату. В комнате сидит голая тёлка в кровати. Я на всю жизнь запомнил фразу Лёхи:

- Алла, это не то, что ты думаешь!

В этой ситуации просто всё однозначно. Это был пиздец, что он Алле объяснил, что это не то, что она подумала, это чисто случайно он оказался в полотенце с голой тёлкой в комнате, свалить на меня не получилось. Хотя обычно на меня всё сваливают, что девок привёл, но здесь факт что я с девчонкой на кухне. Алла в итоге выгнала ту, которая была голой в комнате, подругу отправила и Лёха с ней продолжил своё мероприятие политическое. Я продолжил его с Мариной.

***

На следующее утро у меня была запланирована акция. Интимного свойства. Есть такой Аратов, издатель редакции газеты «Русская правда», и он тогда поссорился с Кузьмичём и Бусом. Попросили по-товарищески дать ему пизды. Подкараулить и немножко разбить лицо. Несколько раз мы туда ездили с товарищами из юнкерского корпуса. Караулили в подъезде Аратова. Приехали один раз, второй. А он не работал, нет графика. Человека, который работает, легко караулить в подъезде, потому что он каждый день в одно и то же время выходит из подъезда, деться некуда. А он безработный, может сидеть весь день дома, особенно, если он жирдяй и в зал не ходит. Съездили раза три, в это утро уже четвёртая поездка. Мы с Лёхой выезжали, по дороге пересекались со Стасом и Юриком, чтобы уже наверняка забить. Вчетвером встретились, Марину я отправил домой и мы поехали ловить редактора.

Стоим в подъезде в 8 утра. Ты представляешь, как себя чувствует человек в 8 утра, когда спускается, а в подъезде стоят 4 человека с добрыми лицами, причём мы не очень стеснялись, у меня — кастет в руке, у кого-то палка, ножка от стула? У всех людей сразу становится такое лицо, они все свои грехи вспоминают, думают: «Ко мне или не ко мне?», идут боязно, всё равно идут, но морально готовятся, что это по их душу. Понятно, что если открылась дверь лифта, то ни убежать никто не успеет, ни заскочить обратно в лифт. Остаётся только смириться с судьбой. Стоим уже час, там какие-то старухи спускаются.

- Мы милицию вызовем. Что вы здесь делаете?
- Мы друга ждём.
- Какого друга? Вы — бандиты.

Хрен с ним, прождали до 10 утра, поехали по домам. Мы с Лёхой были готовы к бою. Поехали в одну сторону, Стас с Юриком — в другую. Заходим мы в вагон, едем. Буквально на следующей остановке заползает в вагон семейка цыган. Старый цыган, лет 45, здоровый, но с костылём, в шапке, кожаной куртке, хотя это лето. С ним сынок лет 18, дрищёвого вида цыганёнок, и маленькая девочка, лет 10. Цыган зашёл.

- Уступите место инвалиду.

Тётка уступила, цыган сел, ногу вытянул, костыль ставит в сторону.

- Пива мне.

Дочка достаёт ему пиво. Сын открывает. Дочка крышку в карман убирает, цыган сидит, пиво пьёт.

- Лёха, если сейчас цыган пиво на пол поставит, то мы сейчас его пиздить будем, потому что гондон цыган вообще охуел. Животное, бабу согнал, сам уселся.

Цыган это услышал. Мы стояли около двери, он сидел с самого края сиденья. Поворачивается:

- Ты что сказал? Зачем ты это говоришь?
- Ах ты гондон, ты охуел? - достаю цепочку, там свастика висела, - вот это видишь?
- Э, что ты, что ты? Я же не таджик и не узбек, я — цыган. Богом клянусь.
- Ты дурак что-ли? - потом только дошло, что он подумал, что это крестик православный.

Подхожу, стал спереди, наступил ногой на костыль, второй ногой бью ему в голову. А цыган — здоровый. Деваться некуда, надо забивать. Он не отрубился, вскакивает, начинает драться. Его сын пытается напасть на Лёху, Лёха пиздит сына. Я хватаю костыль, цыган в него вцепился, он тяжелее меня килограмм на 30, я вбок костыль дёргаю (как в фильмах с Джеки Чаном), этим костылём бью ему по ебальнику. У него рука опустилась, костыль оказался у меня. Я этим костылём начал хуячить его по голове и по спине. Костыль сломался. Лёха забивает уже этого сынка. Хотели пиздануть дочку, но дочка убежала куда-то в конец вагона. Забили папу и сына костылём, у нас с Лёхой по половине оказалось в руках. Короткими палками ебашили. В итоге, разорвали мне кофту цыгане, у меня кофта была с надписью Hooligans Moscow на груди. Забили их, поезд остановился на станции, мы выскочили, убежали в соседний вагон. В соседнем вагоне народу дофига, там же не видели, что драка была, а зашли мы спокойно. Поезд стоит, двери открыты. «Дежурный по станции, пройдите в вагон», менты бегут. Мы в толпе затерялись, я книжку достал из рюкзака, потому что я без рюкзака вообще никуда не ездил, и без книжки тоже. Я и сейчас так делаю. Типа на работу еду, читаю. Поезд стоял ещё пару минут. Менты прошли мимо вагонов, но как они определят? Поезд трогается, мы — к дверям: лежит этот папа на спине, всё ебало в крови, дочка плачет, сынок жопу трёт. Довольные уехали. Хоть Аратова не поймали, но, тем не менее, сделали что-то хорошее в это время.

***

Забот у нас с Лёхой никаких нет. Документы подали в

колледж на вечернее, делать ничего не надо. Как-то поехали знакомиться с девками на Манежку. Ходили, бродили, с одними, с другими затусовались, весело. Подходим к двум девкам.

- Привет, можно с вами познакомиться?
- Не, мальчики, мы тут вдвоём с парнем.
- Ну и что? Зачем одному парню две девушки?
- Идите, а то сейчас проблемы будут.

Уходить не стали, подходит парень, кепка-восьмиклинка, джинсы вельветовые, поношенные, туфли.

- Вы кто по жизни?
- Мы — скины.
- А по жизни кто? Я вот — бродяга. А вы охуели что-ли? Кто такие? Что к моим тёлочкам подкатываете?

Мы с ним пытаемся разговаривать, а он вообще невменяемый, чистый пацан. И вроде пиздить его не с руки, потому что это — Александровский сад, у Вечного огня. Он что-то объясняет, что это — некрасивый поступок, к тёлкам подходить. Я с той поры блатных ненавижу. Потому что единственное, что его спасало, это то, что там добить его нельзя, много ментов. Пошли дальше ходить, собираем номера телефонов. В те далёкие дикие времена телефоны мы собирали домашние, мобильных не было. С девушкой познакомишься, поговоришь. Но одеты мы были на палеве, а на Манежке в основном репаки тусовались. Это был стратегический промах. В итоге, закончилось дело тем, что на последний поезд метро мы опоздали. Лето вроде, тепло.

- Давай на Манеге ночевать.
- Давай.

С девчонками какими-то протусовались до трёх часов, потом на лавке улеглись и продрыхли до пяти утра. Холодновато, особо нормально не поспишь. Приезжаю я домой около шести, пока поел, пока сполоснулся, там уже мать на работу просыпается.

- Я спать пошёл.
- Давай.

Только я лёг, звонок в домофон.

- Макс, к тебе из милиции пришли.
- С какой милиции, нет меня дома.
- Я сказала, что ты дома.

Лёг спать. «Сейчас скажет, что меня нет, и они уйдут». Звонок в дверь.

- Меня нет.
- Макс, тебя из милиции.

- Ты что, меня нет, я же сказал.
- Иди выйди, я сказала, что ты дома.

Ебать! Что в голове должно быть у мамы, чтобы думать, что сын-скинхед может общаться спокойно и нормально с ментами. Если они приехали, ни в коем случае нельзя дверь открывать, это же очевидно! Выхожу. Стоит участковый и два автоматчика.

- Максим Сергеевич?
- Да.
- Марцинкевич?
- Да.
- Ты — скинхед?
- Да.
- На Манежке был? - а там недавно погром был, буквально за несколько недель до нашего мероприятия.
- Не, не был. - причём, я там реально не был, я был на даче, и вообще не знал о том, что там будет происходить.
- Если ты там не был, сейчас напишешь объяснительную, и быстро поедешь домой, надо срочно написать.
- Хорошо, поехали.

Тем более, что тут автоматчики, да и дверь открыта. Надел какие-то шорты, белую майку, кроссовки на босу ногу, ключи.

- Паспорт возьми.
- Хорошо.

Вышли, садимся в чёрную «Волгу». Солидно, «Волга» за мной, уважение. Доезжаем до отделения милиции. Перед входом в отдел стоит «Газель». На ней табличка - «Военкомат». «Странно как, что это здесь военкомат?». Менты ушли, оставили только одного автоматчика со мной караулить. Возвращаются.

- В отделение не пойдём.
- Хорошо.
- Садись в ту машину?
- А что там?
- Тебе что-то в военкомате подписать надо.
- Не вопрос.

Пересадили меня в «Газель» военкоматовскую и привезли меня уже в военкомат. Там военком мне говорит:

- У тебя отсрочка от армии кончилась.
- Почему кончилась?
- Почему? Тебя из колледжа выгнали.
- Я в другой поступил.
- Да, поступил, но отсрочка у тебя одна. Теперь ты в

армию пойдёшь.

- Давай, пойду, где расписаться?

Сам думаю: «Сейчас ты мне эту повестку дашь, я ей жопу вытру».

- Нет, ты домой не пойдёшь, ты сейчас служить будешь.
- Как я служить буду? Распишусь и домой пойду.
- Не, это сейчас начнётся. Паспорт давай.

Откксерокопировали его, только вместо бумаги для ксерокса засунули кусок журнала глянцевого с белым местом, на белом месте напечатали мою фотографию, из этого журнала её вырезали, получилась фотография. Вклеили в военный билет.

- Сейчас ты служить поедешь прямо отсюда, домой не поедешь.
- Позвонить-то дайте.
- Не-не-не, потом со сборного пункта позвонишь. Уже всё решено.

Просидел я полтора часа в военкомате, в итоге приезжает «Газель», которая отвозит призывников, меня туда загружают первым и смотрю: приходят добровольцы, с мамами, папами, девушками, друзьями, их толпами провожают, они празднично одеты, чистые лохи. Я сижу: шорты, майка, кроссовки, больше нет нихера. Эти там с чемоданами, переезд просто в другой город. Забили нас в газель, человек 8. И мент сидит. Один парень говорит:

- Я тебя узнал.
- Да?
- Мы с тобой как-то в одном троллейбусе ехали.
- И что?
- Там хач у тебя время спросил, а ты его убить пообещал.

И рассказал историю, что я ехал в колледж, заходит хач в троллейбус. Что-то на меня смотрит. «Охуел что ли?», у меня шапка «Лонсдейл», бомбер, смотрит. Я взгляд не отвожу.

- Э, слишь? Время не подскажешь?
- Ты охуел? Животное, какое тебе время? Зарежу здесь тебя.
- Э, ты зачем так гаваришь?

И подъехали к рынку в Мневниках. Хач выскакивает, отбежал от троллейбуса и что-то орать начинает. Люди смеются в троллейбусе. Этот случай парень и вспомнил.

Мы начали общаться, весело. Практически знакомые. Доехали до сборного пункта на Угрешке, станция «Дубровка». Всех выгрузили, построили. У всех призывников

— мешки, чемоданы.

- Сейчас вас будут распределять по частям, вы будете проходить службу, родине служить.

Понятно всё. Сам думаю: «Как бы отсюда съебаться?». Заборы высокие, колючая проволока, дохуя военных ходит. Пришлось идти в помещение. Сидят люди, спят, конечно, не так, как в «ДМБ», не совсем беспредел, что блюют и валяются, но бомжатник конкретный. Поинтересовался, кто-то по два дня сидит, кто-то по три, ждут распределения. Мне повезло больше, меня вытягивают, и ещё человек 20. Завели в кабинет, провели какие-то тесты и спрашивают, кто куда хочет пойти служить из тех вариантов, которые предложат. Кто по медицинским и интеллектуальным показателям подходят, в несколько родов войск, его спрашивают. Некоторые даже соглашались идти во флот, хотя во флоте служить дольше. Не знаю, зачем они соглашались добровольно, дурачки. Очередь дошла до меня.

- Куда служить хочешь идти? - зрение у меня плохое, понимаю, что в спецназ не возьмут.
- В Чечню.
- Зачем?
- Чеченов убивать.
- Кого? Террористов, боевиков?
- Мне всё равно, женщин, детей, я всех ненавижу, куда гранату не брось — везде враги. Так что в Чечню.
- Понятно. Ну тогда мотострелковые войска.

Ребятам понравилось это высказывание, ещё несколько его повторили. Все — мотострелки, все — в Чечню. Нас распределили. Пришёл за нами покупатель, товарищ майор: «Я вас буду сопровождать по пути в часть». Собрались. Не только мы, но и ещё человек 20. Погрузили нас в «Икарус», повезли на Курский вокзал. Привозят. Выгружаемся, дислоцируемся возле комнаты матери и ребёнка, на 2 этаже. Там была площадь, ничем не занятая, сейчас там палатки кругом. Расселись, на полу разлеглись, майор пошёл смотреть расписание. Оказалось, что мы опоздали на 20 минут на поезд до Коврова, нам туда надо. Следующий поезд идёт в 6 утра. Будем спать, ждать следующего поезда. Майор оказался человеком нормальным.

- Ребят, что кому надо позвонить? Я карточку дам, позвоните домой.
- Мне надо, потому что у меня не в курсе, что я в армию ухожу.
- Как не в курсе?

- Меня с утра забрали, сказали, что только до милиции доехать надо, и всё, про армию не говорили.
- Пошли.

Набираю я номер. Сестра берёт трубку.

- Привет, Машка. Я в армию ухожу немножко.
- Как так?
- Забрали мусора, уже билет сделали, я на Курском вокзале, в часть уезжаю утром.
- Хорошо, сейчас все приедем.

Я объяснил, где мы тусуемся, и через пару часов приезжает сестра, мать, отец и Стас. Я прощаюсь, иду служить, вся фигня. Батя такой:

- Макс, ты дебилом не будь, в Чечню не просись.
- Да не, какая фигня? Не буду. Слушай, а может мне свалить отсюда, я же нигде подписи не ставил, майор уже выпить успел, лежит.
- Ты что, это уголовная ответственность, не надо.
- Какая ответственность, на дачу сейчас уеду.
- Не, всё. Если забрали, то надо служить. Не надо было из колледжа вылетать.

Привезли мне они одежду из дома, штаны чёрные, ботинки с белыми шнурками, ремень с заточенной пряжкой, ножик на поясе, майку с нашивкой на груди. Я стал похож на самого себя. Попрощался с родителями, уехали. Пошли со Стасом разговаривать.

- На самом деле я в Чечню поеду, потому что расчёт простой: там идёт день за три, то есть я полгода в учебке протусуюсь, и полгода в Чечне, итого через год уже домой, а не через два, получится экономно, может и замочу кого. Охуительно, быстро и весело.
- Да, логично. Только ты смотри, не попадай чеченам в плен.
- Как я попаду? Я же не пью, что мне там будет?
- Логично.

Поржали что-то с ним. Приезжает моя девушка Ольга. Её привезли родители ко мне. Родители в машине остались сидеть перед вокзалом, мы прощаемся внутри. Стас уехал, я с Ольгой пошёл гулять вглубь вокзала. Спустился в подвальное помещение. Ходим с ней.

- Оля, такая ситуация, ты понимаешь, я в армию ухожу служить.
- Да, я понимаю.
- Ты меня будешь ждать?
- Да, буду ждать.

- Надо нам напоследок сексом заняться.
- Не, ну как я могу сексом заниматься? Такое место здесь мерзкое.
- А что делать? Не увидимся мы с тобой сколько ещё времени, сейчас увезут меня куда-то. Давай.
- Я здесь не буду, здесь грязно.
- Для этого ложиться не обязательно, можно и в устной форме всё исполнить.
- Нет, я не буду.
- Почему не буду? Нужно.

Какая тут любовь может быть, если девушка в рот брать не хочет? Это просто возмутительно! Реально никого нет на вокзале, время позднее, пока она приехала — часов 11 уже вечера. Народу никого нет.

- Ладно, пошли погуляем.

«Так, сейчас можно найти какой-нибудь подъезд, и туда её затянуть, там и получится». Но это «Курская», подъездов никаких нет, ходим. У меня опять мысль: «Может уехать отсюда нахер? Наручников нет, взял да уехал». Потом написать заявление, что паспорт потерял. Но что-то стало мне уже самому интересно, стал думать, как чеченов можно будет убивать. Ходим, подъездов я не вижу, отвести некуда, Ольга отказывается наотрез. Мне реально грустно, переживания, что расстанусь с девушкой, даже слёзы наворачиваются. Слёзы и от обиды, и от жалости к себе, что мне девушка не хочет отдаться в последний день нашего общения. Тем более, я понимаю, что она меня и не дождётся. 2 года — слишком большой срок. Хотя говорит, что ждать будет. Смирился я с этим, всё понятно. Тут ей родители начинают названивать на мобильник: «Оля, давай домой, пора уже, прощайся». Что делать? Попрощались с ней, целовались мы в тот вечер очень много, но поцелуями сыт не будешь.

У меня оставалось 1000 рублей, потому что отец дал: «На, возьми на всякий случай, может пригодятся». Что делать? Купил я пива товарищу майору, чтобы он спал крепче. Майор что-то проснулся, протрезвился, я ему пива дал, он опять спать. Не мешает. Пошли мы гулять с парнем одним по вокзалу. Пожрать что-нибудь, посмотреть. Оказалось, что парень тоже меня знал, случайно с ним встретились, когда на «Нескафе» репаков пиздили, я ему ногой в живот пнул. Мне это рассказал.

- Нормально, знакомые, значит старые. Да?
- Да.

- Пойдём, посмотрим что-нибудь почитать в дорогу.

Смотрю: какая-то жёлтая газетёнка, и там крупным планом моя фотография на первой странице, со сбора ННП. У меня — кулаки разбиты, лицо злое, нож на боку. «Нацисты где-то собрались». Нихуя, круто! Купил себе эту газету. Пошли дальше. Купили по пицце, сожрали, выпили колы. Гуляем по улице, перед вокзалом. Тут мимо меня пробегает парень какой-то, за ним бежит чурбан и орёт: «Эй, сука, я тебя сейчас выебу, поймаю». Швыряет камень, кусок бетона с камнями. Не попадает, пробегает чуть за камень, и начинает орать: «Это мой вокзал, это мой город, ты охуел, шакал ебаный! Ещё раз тебя здесь увижу...». Нихера себе, возмутительное заявление, не соответствующее действительности.

Подошёл, взял камень, и со всей дури ему по башке ёбнул. Чурбан, естественно, падает, я начинаю его пиздить ногами. Этот репер, который был со мной, стоит, смотрит, ничего не делает. Всё это мероприятие занимало секунд 40. Я побежал в сторону нашей «базы», время уже к часу ночи. Народу, практически, никого не было. Забежали в нашу толпу, все спят. Кто курткой накрылся, кто калачом свернулся на полу. Мы тоже легли, я накрылся курткой, из-под куртки торчат только ботинки с белыми шнурками и штаны. Лежу, сплю. Тут вижу, что к вокзалу подъехала скорая помощь, милиция, Курский вокзал-то стеклянный, и видно все мигалки. «Сейчас хача заберут и уедут». Но, только успокоился, расслабился, чувствую: меня кто-то пинает по сапогам.

- Что случилось?

Смотрю: стоит наряд милиции и мусор меня пиздит по ногам.

- Вставай давай, ты охуел? Я знаю, это ты сделал.
- Что я сделал?
- Ты вообще охуел! - и будит майора, - Ты что, придурок, охуел? У тебя тут люди бродят, у меня чуть человека не убили.
- Какого?
- Да вот, только что камнем по голове, ногами пинали, сейчас он уедет, я его нахуй забираю. - я встал.
- Я не понимаю, что случилось-то?
- «Что случилось»…. Ты сейчас сядешь у меня, человека скорая увезла, всё, пиздец тебе.
- Я ничего не делал. - сам понимаю, что походу попался, но в это время майор начинает говорить.
- Ты, командир, вали отсюда, они уже в армии, я их в

часть везу, куда ты его заберёшь, скандала хочешь? Скажи, что ничего не было, я его не отдам, ему служить.

- Блядь, я сделаю так, что ты в Чечню пойдёшь.
- Он и так в Чечню идёт. Они все в Чечню идут.
- Я поговорю, у меня там друзья служат, сделаю так, что тебя оттуда не выпустят живым.

Мент уехал. Майор подходит:

- Макс, давай ты тихонько до части доедешь, чтобы не было происшествий.

Я понимаю, что мне нихера не будет, можно делать что угодно.

- Конечно, товарищ майор! 100 процентов, всё будет спокойно и тихо. Давайте я вам пивка куплю, чтобы загладить происшествие.

Купил майору пивка, он опять слёг. Я покушал и лёг спать тоже.

Утром меня будят. Поезд неудобный, надо с пересадками ехать - сначала до Владимира, потом до Петушков, после — до Коврова. Я в электричку захожу, вагоны пустые, лёг на скамейку, ноги свесил. Сплю. Не знаю, сколько времени прошло, но чувствую, кто-то ноги мне скидывает на пол. Нагло так ещё. Глаза открываю, смотрю: чурбан какой-то стоит. И на то место, откуда мои ноги убрал, он ставит пакет с носками, начинает кричать: «Носки, трусы, покупай!». Охуел что-ли? Вообще ебанулся. Я в себя пришёл и хуяк ему по ебальнику! Начинаю пиздить. Сразу призывники вскакивают, чурбан уже под лавкой где-то, носки я его раскидал. Долблю его ботинками. Меня сразу оттянули, майор подбегает:

- Макс, успокойся, хорош.
- Он меня ногой ударил.
- Всё, спокойно, давай доедем до части.

Доехали до Владимира, там я майору ещё пивка купил. Пошли мы сидеть, ждать следующего поезда, он часа через полтора должен был подойти. Ребята где-то в кустах нашли коноплю. Среди парней был один наркоман, конкретный нарик. Он коноплю увидел, стал сушить её ускоренными методами, листики растирать, раскладывать. Тут же давай их курить. Что-то у них не получается, но стараются, курить хочется. Интересно.

Подошёл поезд, сели, доехали до города Петушки. С платформы слезаем, нам ждать ещё где-то час, до следующего поезда, который доедет туда, куда нам надо. И пока отходили от платформы до тенька, смотрим: около

магазина стоит толпа скинхедов, человек 10, чисто деревенские скины: берцы, джинсы, спущенные подтяжки, кривые татуировки, но все бритые наголо, тощие, видно, что злые. Я к ним сразу подхожу.

- Зиг хайль!
- Зиг хайль. Ты откуда, из Москвы?
- Да, из Москвы.
- Куда едешь?
- В армию.
- А зачем?
- Забрали, пойду в Чечню воевать.
- Охуительно. - я им газету показываю, что я из ННП, они вообще обрадовались. Рассказываю, как посвящали в юнкерский корпус, как мы в партии мероприятия проводим. Они довольные, слушают.

Пошёл к майору, сказать, что я с парнями остаюсь тусоваться. Майор на меня смотрит.

- Ты их знаешь?
- Не знаю, это просто нацисты.
- А ты что?
- И я нацист, это мои друзья.

На меня уже призывники стрёмно косятся, в итоге я с петушкинскими скинами протусовался этот час до электрички. Погрузились, поехали в часть, в Ковров. Вылезли, построились, помаршировали. Обратил внимание, что в центре города, около какого-то одноэтажного дома пасётся коза. Нифига себе, люди ездят на мотоциклах допотопных, какая-то баба идёт с бидоном молока. Жизнь дикая, прикольно.

Подходим к части. Майор говорит:

- Сейчас в часть попадёте, у вас деды всё отнимут. Поэтому вы всю еду сейчас съешьте, остальное выкиньте, потому что сейчас начнётся отнимание, попрошайничество. Ценные вещи тоже спрячьте, или выбросьте, потому что всё равно отнимут.

У меня ценных вещей нет, только еда. Сел кушать. Сижу, ем. Курицей обожрался. Наркоман давай вокруг этой части курить коноплю, которую он нарвал во Владимире. Прошли 10 минут, заходим в часть. Там сразу толпа народу:

- Э, вы откуда, пацаны? Москва есть? Тушино есть? Люберцы есть? Кто с Алтуфьева?

Тебе не похуй, кто с Алтуфьева? Но молчу, армия всё-таки, хрен его знает, как себя надо вести. Привели нас в помещение.

- Сейчас вы заполняете анкеты. Проведём опросы, медицинские карточки заполняйте.

Сидим, заполняем. А из всего призыва в очках один я, соответственно, самый интеллигентный. И мне какой-то дед, который всем мероприятием распоряжался, говорит:

- Эй, ты, в очках! Помоги листки раздать.
- Меня Макс зовут.
- А я не понял, ты что, нацист что-ли?
- Да.
- Что, скинхед?
- Да, скинхед.
- Блядь, я не люблю скинхедов, я тебе пизды дам.
- Попробуй.

Он понимает, что я больше его, и он сам сделать ничего не сможет. Заходит второй дед.

- Вот смотри, сидит скинхед.
- И что?
- Выёбывается. - подходит ко мне второй дед.
- Что, не боишься?
- Нет.
- Скинхед?
- Да.
- Ладно, смотри, не боишься меня, уважаю. Давай руку.

Пожал руку зачем-то. Заполнили тестики, повели нас переодеваться и мыться. Там палатка на улице, там душ. Нас побрили сначала, потом мы помылись, выдали форму зелёную, дали пришить подворотнички, мы это долго делали, еблись, но пришили.

- Давайте свои старые ботинки.

Там уже деды вертятся: «Отдай свои старые ботинки, нахуй они тебе нужны?».

- Не, нет у меня ботинок.

Кинул их в помойку. Я понял, что деды эти ботинки из помойки заберут. У меня были практически новые «Бульдоги», которыми я всего человек 5 отпиздить успел. Они ещё ничьими зубами не покоцаны, нулёвые практически. Очень жалко было. Камуфляж чёрный выбросил. Ремень, правда, кому-то отдал. У меня его выпросил один дед. Переоделись, стали все одинаковые, в зелёной форме, прикольно смотрится.

Привели в казарму, показали, где у кого шконка. Показали, как заправлять, мы потренировались немного эти шконари заправлять. Пошли в столовую строем. Дошли. Выстроились в очередь. Получаем какую-то перловку-хуёвку,

такое говно! Много, но говно полное. Сижу, ем, все закончили, что мне торопиться? Сижу, думаю, пора идти. Засунул кепку под погон, сдал поднос, допил компот, отряд уже построен и стоит дед.

- Иди сюда. Команда «подъём» не для тебя, что-ли? Охуел? Тебя все ждут.
- Я не знал.
- Что не знал? - вытаскивает кепку из-под погона, - Погоны не чтоб кепку носить, чтоб кепку носить — голова!

Кепку на меня надевает, и прямо на очки надвинул, они аж съехали. Я стою.

- Слышь, я тебе сейчас нос сломаю.
- Встань в строй, - как будто не расслышал.

Отряд замаршировал. Но все слышали, что я сказал. Приходим в отряд опять. Тут окружает меня дедов человек 5. Уселись все.

- Поговорить надо. Ты понимаешь, ты зачем сказал, что нос сломаешь?
- Какого хуя он мне на очки шапку надевает?
- Нет, тут он — дед, а ты проявил неуважение, сказал, что нос сломаешь. Авторитет упадёт. Зачем ты так сделал? А если мы тебя все впятером дужками от кроватей отпиздили, здесь такое практикуется, но ты — парень нормальный, не хочется тебя трогать. Ты же скинхед?
- Да, скинхед.
- Здесь у нас много врагов, чёрных полно, ты субординацию соблюдай, всё будет нормально.
- Что за чёрные враги?
- Тут чурки, дагестанцы, их человек 20, но они всю часть держат, потому что они сплочённые, они один за другого, русских пиздят.
- Интересно, давайте вопрос с дагами решать.
- Как его решить? Его не решить.
- Как не решить? Просто отхуячить и всё, их 20 человек всего.
- Они же будут мстить.
- Так сильно отпиздить и мстить некому будет.
- Надо чтобы это кто-то начал.
- Я начну. В столовой подойду, нож в него воткну. И дальше начинаем.
- Так-то надо...

Я смотрю, появляется чай, конфетки, сухарики, бараночки, всё нормально. Для всех идёт команда «отбой», но

деды-то со мной план захвата территории обсуждают. Меня отбой не касается, заебись, чай попил с ними. Газету показал им, что у меня с собой была. Она, как рекомендательное письмо, внушает уважение.

- Ну что, пошёл я спать.
- Удачи, Макс.

Пошёл спать. А спать не хочется, какое-то возбуждение, вроде и с дедами подружился, всё складывается хорошо. Что-то делать надо.

Смотрю: на соседней шконке лежит жирненький призывничок. Ему — 26 лет, но забрали всё-таки в армию. Днём он показывал фотографию своей голой тёлки. Эту фотографию деды у него отняли, сами будут дрочить. Лежит он, жопу кверху выпятил, жирненький весь. Я быстренько беру полотенце вафельное, зубами зажал середину, и с двух сторон скрутил трубочкой. Получается такая «морковка». Этой морковкой можно охуительно хлестать, по жопе, по ногам, следы остаются красные. Я свешиваюсь с кровати: хуяк ему по жопе! Он аж взвыл, проснулся, заорал. А кто? Я уже лежу. Он решил, что ему померещилось. Опять лёг. Я во второй раз ему шлёпнул по жопе, он опять воет, в темноте не видит ничего. Началась дедовщина в первый день моего присутствия в части.

***

На следующее утро проснулись, маршем прошли в столовую, попили там чайку, вкуснейшую кашу покушали на машинном масле. Примаршировали в казарму, сели смотреть телевизор. На тумбочки нас рассадили рядами. Мне смотреть его просто так не интересно. Начинаю загонять пропаганду. Показали негра.

- Вот, смотрите, негр. Вот из-за таких происходит смешение рас. Он танцует с белой девкой. Это — шлюха, которая получила бабки.

Как обычно, рассказываю, меня все слушают, потому что слушать там особо нечего, а негритянские клипы солдаты не очень любят смотреть. Получилось так, что я развил там НС-агитацию. Тут мимо идёт один из моих сослуживцев. Чурбан, азер. Идёт мимо.

- Слышь, стоять. Ты хули тут делаешь?
- Тебе какое дело?
- Охуел, что тут делаешь?

- Родину защищаю.
- Какая, нахуй, родина? Ты кто по национальности?
- Азербайджанец.
- Ну и пиздуй нахуй отсюда.

Слово за слово, я вскочил с табуретки, начал его бить. Сапогами, в живот и по ногам, и по лицу кулаками. Больше всего, конечно, по ногам сапогами, по голеням. Он свалился, пытается съёбывать. Я бью ему в живот и он забился под шконку. Оттуда пытается вылезти с другой стороны, я с другой стороны подбегаю, не даю вылезти. Тут на шум выбежал прапорщик, который главный в этой казарме. Меня сразу оттащили дневальные.

- Что случилось?
- Я ничего не делал, меня бьют. - хач жалуется, прапорщик злой, орёт.
- Все разошлись! Хватит эти представления устраивать, сооружайте кабинеты медицинские.

И ушёл. Дневальный объясняет, что означает «медицинские кабинеты», показал, как расставить шконки, как развесить простыни. Дело в том, что должна быть сейчас последняя медкомиссия. У нас были медкомиссии в военкомате, на сборном пункте, а здесь — медкомиссия крайне поверхностная, и не пройти её невозможно. Там просто смотрят и всё. Кабинеты самодельные: между кроватями — простыни, сидит врач. Человек заходит.

- Сколько яиц?
- Два.
- Покажи. Проходи. Уролог пройден.
- Сколько пальцев показываю?
- Два.
- Зрение нормальное, проходи.
- Какое число назвал?
- Два.
- Слух хороший. Проходи.

Так я хожу из кабинета в кабинет, они между собой передают друг другу карточки, и ты за 15 минут проходишь медкомиссию. Ты обследован, и годен к армии, соответственно. У меня получилось так, что захожу к психиатру, а я ещё запыхавшийся. И увидел он, что у меня руки сбиты.

- Подойди сюда. - подхожу, - Ну-ка, что с руками?
- Ничего.
- Дерёшься?
- Да, было дело.

- Только что дрался?
- Да, только что.
- Что с запястьями? - у меня шрамы от кошки, которую я зарезал и Тёмычу скормил, получился шрам, как будто я руку резал, плюс шрам от антифашистки, который она макетным ножом поставила из-за того, что я её за сиську хватал, шрамы крайне боевые.
- Шрамы.
- Да ты вены себе резал.
- Нет.
- Режешь же.
- Что я — дебил? Вены резать.
- Я вижу, что ты режешь.
- Не режу я вены!
- Я тебе докажу.
- Докажи.
- А, ладно, всё нормально, проходи. Следующий!

Ебанутый, вывел меня из себя за 40 секунд. Ну ладно. Смотрю: написал у меня в медицинской карточке «ЭВН». Как я потом узнал, «ЭВН» - это эмоционально-волевая неустойчивость. Она же психопатия. Также «ЭВН» он поставил одному батюшке православному. Батюшка упал на стекло, у него все предплечия порезаны шрамами. Подозрения на склонность к суициду. Также был забракован наркоман из моего призыва, потому что он перед комиссией обкурился у себя в туалете, глупо хихикал и неправильно себя вёл. Его спалили и отметили.

Вот нас троих отсаживают от остального призыва. Сидим.

- Вы пойдёте на дополнительную комиссию, потому что не понятно, куда вас девать.
- Ладно, пофигу.

Там ещё два парня, которых тоже не понятно, куда девать, они склонны к суициду, они себе режут вены. Мелко-мелко, только кожу надрезают, служить не хотят. Суицидники в части никому не нужны, потому что человек застрелится, или убьёт кого-нибудь. Это самая большая проблема для армии. Если суицидник, то служить не пойдёшь. Приехало новое пополнение из Владикавказа, мы приготовились уже отпор давать. Но все русские оказались. В это время я уже веду переговоры с дедами о том, как мы будем дагов въёбывать. Выходит прапорщик, главный по казарме.

- Максима мне позовите сюда. Заходи. - дневальному

говорит, - Ты дверь держи снаружи, на всякий случай. Ты скинхед?

- Да.
- Партийный?
- Да, ННП.
- Узнаешь? - показывает партийный билет ННПшный с крестом.
- Да, билет наш.
- А знаешь, откуда у меня?
- Откуда?
- Один из ваших у меня служит.
- И как он?
- Что «как»? Отказался от своей идеи. Я сломал его. Щас тебя буду ломать.
- Понятно.

Причём прапорщик здоровый. Как он ломать меня будет. Дверь снаружи держит, что-то совсем не понятно. Начинается разговор. Подходит ко мне в упор.

- Ты — нацист?
- Да.
- Давай прекращай.
- Как я прекращу? У меня — идеология, я не собираюсь отказываться.
- Да? А если я тебе сейчас пизды дам.
- Попробуйте.
- А ты, что, подготовленный что-ли?
- Да.
- Дай руку.

Даю руку, начинаю сжимать со всей силы, он тоже.

- Рука крепкая, спортсмен что-ли?
- Да.
- Вас тренируют?
- Конечно, все тренируются.
- Сможешь сто раз отжаться?
- Не знаю.
- Упал-отжался-встал-отжался.
- Так, конечно, смогу.
- Да ладно?
- Да.
- Давай.

И под счёт я сто раз упал-отжался. Он был поражён этим физическим показателем.

- Нормально, но здесь можно сказать, что уважаю. Если бы у всех была такая подготовка, то базара нет, Россия

была бы впереди планеты всей, давай за это выпьем.

- Какой «выпьем»? Я не пью.
- Я тебя заставлю пить.
- Я не пью.
- Спорим, я тебя заставлю?
- Спорим, что не заставите.
- Смотри, упрямый какой, чистый нацист!

Налил себе водки. Я сижу, смотрю, как он пьёт. Он рассказывает.

- Макс, нахер тебе в Чечне служить? Давай в части останешься. Будем дагов держать, часть будет чисто под нами, русская часть. Давай!
- Не, я не хочу, если уж меня и комиссуют, так — домой. Если нет — то в Чечню.
- Ну как хочешь.

Дверь открывается, майор заглядывает. Рожа всклокоченная, щетиной оброс, пьяный.

- Я Макса ищу.
- Зачем?
- Я с ним выпить хочу.
- С ним ты не выпьешь, потому что я с ним пытаюсь выпить, он отказывается.
- Давай друг с другом выпьем.
- Давай.

Заходит майор, с прапорщиком садятся квасить. Я должен на это смотреть, потому что уйти я не могу, позволения не давали. Смотрю на эти пьяные рожи, они что-то рассказывают, что они и сами нацисты, но они не за Гитлера, они за русских. Я тут же начинаю объяснять, что и я за русских, просто Гитлер — это основной пример, ярчайший пример национал-социализма, он при Гитлере расцвёл, мы должны на него равняться. Экономика Германии из самого последнего места в Европе встала на первое. Тут говорить о том, что Гитлер убивал русских — просто неуместно. Здесь дело совсем в другом. Уже у нас спор какой-то идёт академический. Тут они совсем нахуярились.

- Может, я спать пойду?
- Иди.

Тут меня ждёт толпа дедов. Деды опять хотят поговорить на политические темы, у них чай, бараночки, печенье. Начинаем разговаривать. Оказывается, что они все давно хотели вступить в ННП, прочитали статью в газете, которую я принёс, и решили все вступить. Охуительно. Там татарин какой-то пристал.

- Как ты относишься к тому, что «Татария — для татар»?
- «Татария — для татар» это, наверное, нормально.
- Я тоже! Можно я тоже вступлю?
- Не, ННП — для русских партия.
- Я же не говорю, что из России русских надо выгнать! Я говорю только, что Татария — для татар.
- Всё правильно.
- Я тоже за вас!

Всех завербовал! Давай с дедами на руках бороться. Правда, положил там меня один здоровый, боксёр. Каптёром работал. Харю отъел.

- Я сюда тоже пришёл, был как ты. 70 весил. Щас 90, за 2 года наелся.

«Я тоже, если в армии так хорошо кормят, харю отъем, буду 90 весить, при весе 90 я любому пизды дам». Пошёл, на брусьях с ними позанимался. Гантели поподнимал. Лёг спать, довольный. Утром проснулся, написал Ольге письмо, что «Оля, не переживай, на присягу ко мне тебе ехать не придётся, потому что или дома скоро буду, или в Чечню поеду». Отправил. Вечером должна быть расширенная медкомиссия. Ждём. Вечер наступает.

Сидит медицинский полковник с усами. Ещё какие-то с ним военные врачи. Нас начинают по одному допрашивать. Сначала начинают допрашивать суицидников.

- Служить не хочешь?
- Не хочу.
- Не хочу служить, я себе вены режу.
- Понятно. Следующий. Вены режешь? Покажи, как.
- Вот.
- Что так мелко? Давай лоб.

Бац ему фофан. Дальше вылезает батюшка.

- Ну что, служить хочешь?
- Не хочу, я — православный батюшка, семинарию закончил. Я против убийства, религия.
- Что с руками?
- На стекло упал.
- Вены резал?
- Нет, не резал.
- Ну а что ты пиздишь тогда? За Христа, за родину послужить — всегда почётно. Проходи.

Батюшка снова в строю. Дальше — наркоман.

- Ну ты что, наркоман?
- Да я, да не, вы чё, какой наркоман, вы чё?
- Что употребляешь?

- Природное, травку, гашик, грибов могу захавать.
- А ты вообще сколько грибов ешь? 70 ешь?
- Да не, вы что? Тридцаточку закину, куда мне 70?
- Понятно.

Пробили, всё. А наркоман опять успел где-то достать травы и перед медкомиссией он тоже обкурился. Хрен его знает, может он такой по жизни, но мне кажется, обкурился, потому что смех дебильный, глаза ничего не выражающие. Дальше я.

- А ты что? Служить не хочешь?
- Да нет, я в Чечню хочу.
- Зачем?
- Чеченов убивать, всех подряд, чурбанов, я их всех ненавижу и детей и женщин, гранату куда ни кинь — везде враги.
- Понятно. А на рынок пойдёшь сейчас?
- Зачем?
- Я тебе дубинку дам, пойдёшь бить?
- Пойду.
- Я бы тоже пошёл, на самом деле, но не могу, я — полковник.
- Понятно.
- Смотри: в Чечню ты служить не пойдёшь, тебе оружие давать нельзя. Выбирай: или домой с белым билетом, или в стройбат.
- Нахрен мне стройбат?
- Чтобы тебя уважали, тебя девушки уважать не будут, если ты в армии не служил.
- За что меня уважать, если я 2 года буду дачу генералу строить?
- Не, ну ты же в армии.
- И что? Армия — продажная, проститутки вы.
- Подожди, вами же манипулируют, вам в голову вбили, что надо быть нацистами, и вы не думаете ни о чём.
- Как не думаем, если нам все говорят, что надо и хачей любить, и жидов любить. А мы их не любим. А вот вам, когда Березовский говорит нападать, вы нападаете, когда говорит отступать, вы отступаете и в Чечне бросаете и раненых солдат, и позиции даёте боевикам восстановить. То есть это вы проститутки.
- Да, здесь ты прав, сказать нечего.
- Поэтому, если восстание начнётся, я первый буду в офицеров стрелять, потому что они — враги русского народа.

- Да, поэтому тебе в армию нельзя и оружия тебе никто не даст. Пойдёшь ты с белым билетом, удачи тебе. Может, на гражданке ты больше пользы принесёшь.
- Постараюсь.
- Смотри, такие дебилы. Иди сюда. - выходит один из суицидников, который себе вены резал, - Ну-ка, назови столицу Китая.
- Ну, Китая, э...
- Понятно. 7 на 8 сколько будет?
- Э, 40...
- Понятно, лоб давай. Вот эти дебилы, они всё равно пойдут служить, в стройбат. А ты — парень умный, но служить ты не пойдёшь вообще, потому что тебе оружие давать нельзя.
- Понятно.

Закончилась медкомиссия. Нас с наркоманом отправили на каптёрку, мы выбрали себе одежду. Я там себе откопал кроссовки адидасовские, джинсы, кофту «Рибок», приделал к ней значок «ГТО», подтяжки нашёл, спустил их, джинсы закатал и так по части ходил. Всё, форму забрали, строем мы ходить не должны, и мы за отрядом просто ходили сзади вместе. Они идут, маршируют, а мы идём, поём с наркоманом «Бритоголовые идут». Я его научил петь, напеваем. На нас уже внимания никто не обращает, делаем, что хотим.

Всю ночь я сидел с дедами, чаёк пил, телевизор смотрел, наркоман отсыпался. «Может Ольге ещё письмо написать, что я домой еду?». Да не, почта долго идёт, домой раньше приеду.

Просыпаемся на следующее утро, в 5 часов. Собрались, с майором вместе, он побритый, в себя пришёл, ещё выпить не успел. Пошли на поезд. Идём, я с наркоманом, и двоих парней переводят в другую часть. И майор. Мы идём, сели на поезд, ехать с пересадкой, сначала до Петушков, от Петушков до Москвы по прямой. Майору я снова — пивка, чтоб не грустил, и с наркоманом сидим, на туман в окно смотрим. А туман там красивый, поля все в тумане.

- Вот, в тумане в этом, щас на этих кочках грибов пособирать бы.
- Что там за грибы?
- Псилоцибины. Ты представляешь, коров как торкает? Они же эти грибы сотнями жрут. Представляешь, что в тумане коровы видят?
- Хрен его знает, так-то да, наверное, интересно, что коровы в тумане видят.

Обсуждали с наркоманом Кастанеду по дороге. Нормально поговорили. Приехали в Петушки. Вылезли. У нас есть ещё 2 часа до следующего поезда. Идём по платформе, смотрю: идёт девка, в сарафане, в синенький цветочек. Явно деревенская девка, в тапках, на плече нататуирован кельтский крест и написано Rammstein кривыми буквами. Я подхожу.

- Ты что, скинхед-гёл?
- Да, а ты?
- Я — скинхед. Вот, смотри, газета. - газету я в части никому не отдал, везу с собой назад.
- Ух ты, нифига себе, скинхед из Москвы!
- Да. - пошёл к майору, - Товарищ майор, мне с девушкой надо прогуляться до пруда, пообщаться.

Пошли с ней гулять на пруд. Уселись на берегу. Разговариваем про скинхед-движение. Я за ляжку её трогаю. Сарафан чем удобен, так тем, что можно руку сразу в трусы совать. Не надо джинсы расстёгивать, процесс ускоряется. Я — раз, туда руку, а там — прокладка. «Блядь, фу, прокладка». Сиськи потрогал, поцеловались.

- Слушай, может ты всё снимешь?
- Нет, это так мерзко. Кровь будет идти, я не могу.
- Ладно, давай.
- Нет, я не могу.

Я был тогда молодой и неопытный, не сумел настоять. Посидели часа полтора, потом пошли на электричку. Поехали в Москву. Майор уснул, потому что спал он мало, напился пива и уснул. Я снял с него шапку, накидал в шапку мелочи. Майор просыпается.

- Товарищ майор, вы пьяный по электричке ходили, песни орали и мелочь просили.
- Кто, я?!!
- Да, вы, в шапке мелочь.
- Не может быть! - а людям слышно в электричке, они слышат эту хуйню, ржать начинают, но майор понял, что над ним прикалываются, - Я не мог милостыню просить, ни в коем случае, у меня субординация и выслуга лет.

Приехали мы в Москву. Доехали до сборного пункта. «Вези этого опять в военкомат назад». Поехали в военкомат на «Молодёжную». Приезжаем. В военкомате привели меня к толстому военкому.

- Такие косяки... Что-ж ты себя так вёл, неправильно? Зачем ты это начинаешь? Ну ладно, что делать?

Позвал своего водителя, меня посадили на чёрную

«Волгу» и на ней привезли в Крылатское. Я вылез около подъезда, пошёл домой. Вся армия заняла у меня буквально три с половиной дня.

Поднимаюсь, дома сестра сидит. В дверь звоню, открывает.

- Ты что? Сбежал?
- Выгнали из армии.
- Как могут из армии выгнать?

Надо Ольге звонить. Сестра звонит Ольге.

- Оля, тут с тобой один человек хочет пообщаться.
- Ну чё, кто там, что надо... О, привет! Ты где?
- Дома.
- Ты что, сбежал?
- Нет, выгнали.
- Не выгоняют из армии!
- Как не выгоняют, если меня выгнали.

Позвонил матери на работу, все довольны, счастливы. Потом смотрю: кухня жёлтыми обоями обклеена, в комнате все вещи из моего шкафа выложены в мешки, всё убрано на антресоли. Шкаф заставлен какими-то духами, платьицами завешен. «Ох ты как, все погорячились, но я ещё не умер!». Быстренько восстановил свою территорию, и стал готовиться к тому, что мне надо отправиться на обследование в психушку, на 2 недели.